

собрание сочинений

ВЛАДИМИР ШИГИН

исторический роман

БАЛТИКА

Морская слава России

Владимир Шигин

Балтика (Собрание сочинений)

«ИП Каланов»

2010

Шигин В. В.

Балтика (Собрание сочинений) / В. В. Шигин — «ИП Каланов», 2010 — (Морская слава России)

Книга посвящена русско-шведской войне 1788–1790 гг., в ходе которой были одержаны грандиозные морские победы при Гогланде, Роченсальме, Эланде, Ревеле, Красной Горке и Выборге, а Россия окончательно завоевала господство на Балтике. Среди героев книги: императрица Екатерина Вторая, адмиралы Грейг, Чичагов, Козлянинов, Круз, забытые герои той войны капитаны 1 ранга Муловский, Кроун и Повалишин.

© Шигин В. В., 2010

© ИП Каланов, 2010

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	27
Глава третья	56
Глава четвертая	81
Глава пятая	88
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Владимир Шигин

Балтика (Собрание сочинений)

© Владимир Шигин

Предисловие

Так уж случилось, что в отечественной исторической маринистике очень мало написано о событиях Русско-шведской войны 1788–1790 годов. Это в высшей мере несправедливо. Именно события той войны стали самым серьезным испытанием для российского парусного флота, когда он в течение трех лет вел напряженные боевые действия в Балтийском море с одним из лучших флотов Европы. Война 1788–1791 годов ознаменовалась самым большим количеством генеральных морских сражений за всю более чем трехсотлетнюю историю отечественного флота: Гогланд и Эзель, Роченсальм и Ревель, Красная Горка и Выборг навсегда вписали героические подвиги моряков-балтийцев в историю Отечества. В этих сражениях навсегда прославили себя такие флотоводцы, как Чичагов и Грейг, Круз и Козлянинов. А подвиги линейного корабля «Мстислав», фрегатов «Святой Николай» и «Венус», брига «Меркурий» говорят сами за себя.

Именно теме Русско-шведской войны 1788–1790 годов и посвящен исторический роман-хроника «Битва за Балтику» известного российского писателя-мариниста, капитана 1-го ранга Владимира Шигина. Автор прекрасно чувствует эпоху, о которой пишет, демонстрирует знание боевых реалий и быта русских моряков конца XVIII века. И это не случайно, ведь на создание книги у Владимира Шигина ушло ровно тридцать лет! Именно поэтому в ней выверен каждый факт, тщательно выписаны характеры героев, отточены их диалоги. Морские сражения и хитросплетения европейской политики, боевые действия в Финляндии, малоизвестные и вообще неизвестные подвиги моряков-балтийцев – все это можно в достатке найти на страницах романа «Битва за Балтику». Книга написана очень высокопрофессионально и интересно, а потому читается увлекательно и легко.

Роман «Битва за Балтику» является составной частью созданной Владимиром Шигиным уникальной серии исторических романов «Морская слава России», аналогов которой еще не было в отечественной литературе.

Эта серия книг, посвященная подвигам российского парусного флота, появилась как раз в тот момент, когда решается вопрос быть или не быть России великой морской державой.

Именно поэтому сегодня нам как никогда важно обратиться к подвигам пращуров, чтобы осознать себя хранителями их великих традиций и с верой смотреть в будущее России и ее Военно-морского флота.

Думается, что каждый, кто прочтет хотя бы один из романов Владимира Шигина, навсегда сам для себя ответит на этот вопрос.

Вчитайтесь в хронику тех далеких событий, почувствуйте свист ветра в натянутых вантах и плеск волны за кормой, ощутите героизм той Великой эпохи – эпохи морских подвигов!

***Герой Советского Союза, Главнокомандующий ВМФ СССР 1985–1991 гг.,
Главнокомандующий ВМФ Российской Федерации 1991–1992 гг., адмирал
флота В. Чернавин***

Часть первая Стоять и умирать!

Иль нам с Европой спорить ново?

Иль русский от побед отвък?

А.С. Пушкин

Глава первая Несбывшаяся мечта капитана Муловского

Летом на Балтику приходит пора белых ночей, когда солнце почти не заходит за водную гладь. В такое время долгими вечерами жители Кронштадта не зажигают свечей, а сидя у раскрытых настежь окон, ставят самовары, гоняют чай да ведут бесконечные разговоры.

В один из таких осенних вечеров 1787 года и собрались в доме командира Кронштадтской корабельной флотской дивизии, что у Петербургских ворот, трое моряков: сам хозяин – вице-адмирал Круз, да двое его гостей: капитаны Григорий Муловский да Петр Слизов.

Супруга адмирала Аграфена Степановна, посидев некоторое время для приличия с мужчинами, дала указания прислуге и ушла к себе.

– Мне ваши разговоры без интересу! – сказала она, прощаясь. – В другой раз приходите не одни, чтобы и мне поболтать с кем было!

Хозяин-хлебосол самолично подливал гостям в фужеры. Однако капитаны пили и ели мало. Всего лишь несколько месяцев назад началась турецкая война и каждый из сидящих за столом пытался теперь предугадать, что же ожидает российский флот в скором будущем.

– Вот велено государыней слать эскадр корабельный к Дарданеллам, как и в прошлую войну. Ради того и вояж мой вокругсветный отменили. Да ведь и турок поди уже не тот стал, что раньше. Наверняка там нас дожидается! – рассказывал последние новости, только что приехавший из Петербурга Муловский.

– Все возвращается на круги своя! – качал седой головой вице-адмирал Круз. – Вот так и мы в свое время с дружками перед прошлым плаванием Архипелажским гадали, чего да как. Теперь вот снова сидим, трубки сосем. Ладно ли все выйдет?

– Причин для сумнений не вижу, – пожал плечами дотоле молчавший Петр Слизов. – Флот у нас ныне вполне первостатейный. Думаю, и теперича наложим турку под первое число!

– Да не о том речь, – махнул рукой Круз. – Иное меня беспокоит. Мы ныне своим плаванием почитай всей Европе, что кость в горле станем – и англичам, и французам. Пруссак битый и тот нынче голос свой противу нас подает!

– Король шведский Густав тоже не дремлет! – согласно кивнул Муловский.

– Этот прохвост только и мечтает, кабы нам ножик промеж лопаток втыкнуть! – насутился Круз. – Все нашей государыни наперекор дерзит!

– О, господи, все не ладно-то нам! – вздохнув, перекрестился Слизов. – Чует сердце, большая драка готовится!

– О том и речь! – отозвался, попивая из блюдца кофий, хозяин дома. – Драка будет, судя по всему, знатная, в кровь, и нашим кулакам тоже работа найдется!

Высочившая из каминных часов кукушка откричала полночь. Гости засобирались. Проводив их, Круз еще долго ворочался в своих бездонных пуховиках, вспоминал прошлые годы, думал о будущем.

Александр Иванович фон Круз

Предки вице-адмирала были выходцами из королевства Датского. Отец его в бригадирских чинах храбро отвоевал в Северную войну. Сам же Александр появился на свет в Москве дождливой осенью 1727 года. Как было принято, до семи лет воспитывался дома. Затем батюшка повез недоросля на смотр дворянских недорослей. Там и определили – ехать Саше Крузу в славный Морской корпус. В прусскую войну лейтенант Круз отличился при бомбардировке крепости Кольберг, где и получил две тяжелые раны. В 1769 году уже в чине капитаном на корабле «Евстафий» отправился под флагом адмирала Спиридова в Средиземное море. В знаменитой Чесменской баталии бился на бордаж с турецким флагманом и захватил его. Однако загорелась кюйт-камера и корабль взорвался. Спаслись немногие. Оглушенного Круза отбросило далеко в воду. Тонущего капитана спас оказавшийся рядом штурман Петр Слизов, а тут вскоре и шлюпка подошла.

За Чесму был капитан награжден Георгиевским крестом четвертого класса. А султан турецкий, проведая о столь отчаянном храбрце, велел от себя передать Крузу соболью шубу. Поэт Херасков писал тогда:

*«Круз мужеством героев удивлял.
Он брань с срацинами забавой почитал...»*

По возвращении на Балтику Александр Иванович командовал различными кораблями, фрегатским отрядом. В 1779 году надел контрадмиральский мундир, а еще несколько лет спу-

стя и вице-адмиральский. На флоте Круз пользовался славой человека безумной храбрости. Однако была у Круза и своя слабость. Он почему-то боялся грома и молнии, когда это случилось, Круз всегда бледнел. Над этой особенностью вице-адмирала за глаза посмеивались, но шутить с самим Крузом, зная его взрывной нрав, никто даже не пытался.

Удачно складывалась и личная жизнь. Женился Круз по взаимной любви, купил большой каменный дом в Кронштадте. Пошли дети, затем и внуки. Жил вице-адмирал зажиточно, но просто. Дружбу водил лишь со старыми товарищами. Во дворец старался не ездить, а уж когда по необходимости там и появлялся, то непременно держался гордо, а отвечал дерзко и зло. Биограф адмирала писал о нем: «Александр Иванович был невысокого роста, имел довольно открытый и пронизательный взор, живой и вспыльчивый характер. Строгий во всем, что относилось к службе, и столько же добрый в домашнем быту, Круз никогда не отказывал в помощи ближнему, а, всегда защищая своих подчиненных, приобрел любовь их и уважение».

Частые и громкие скандалы с вельможами снискали вице-адмиралу славу заядлого строптивца. Когда в высшем свете теперь хотели сказать о ком-то, что он уж больно не сговорчив, то говорили: «Ну, этот впрямь как Круз!» Флот же, напротив, обожал своего любимца. Не было, пожалуй, в те годы среди балтийских начальников человека столь популярного среди матросов и офицеров, как Круз! Сколько рассказов и легенд ходило о нем!

Брюзга и строптивец, он постоянно ругался с начальством и равными по чину. При этом Круз был отходчив, к подчиненным заботлив, а в душе добр. Об этом на флоте знали все от седых адмиралов до последнего кают-юнга, а потому Крузу прощали и его вечное брюзжание, и ворчливость, и матерщину.

В последние годы Александр Иванович, правда, сильно растолстел, часто стали болеть ноги. Теперь Круз уже не мог взбираться по крутым корабельным трапам. Для него специально вырубали в бортах порты, через которые вице-адмирала и втаскивали на руках. Однако несмотря на это Круз, как и раньше, выходил в море, а его флаг хлестко развивался на фор – стеннге флагманского корабля.

Известие о начале войны с турками Круз воспринял как должное.

– Все к тому и шло! – говорил он своим домашним. – Нам ведь и Крым еще брать надобно, и пределы черноморские расширять!

Когда же вице-адмирал прослышал о предполагаемой экспедиции Балтийского флота в Архипелаг, он тотчас отправился к вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу Чернышеву.

Отец Ивана Григорьевича Чернышева был некогда оберштеркригскомиссаром флота при Петре, а затем приближенным лицом у императрицы Елизаветы. По этой причине и сын его Иван с детства обретался при дворе. В первом браке Иван Григорьевич состоял с княгиней Елизаветой Ефимовской, двоюродной сестрой самой императрицы, Елизаветы Петровны, а значит, и внучатой племянницей Петра Великого. Родство наипрестижнейшее, открывавшее двери везде и всегда. После смерти жены граф Чернышев женился вторично. По отзыву современников, граф Иван Чернышев был человеком ловким, умел произвести нужное впечатление. С императрицей Екатериной он дружил еще до переворота, а потому был в числе особ, кому императрица особо доверяла. Службу свою граф начинал на дипломатическом поприще, но затем неожиданно для всех был поставлен во главе морского ведомства.

Иван Григорьевич Чернышёв

Весьма красноречиво о человеческих качествах графа Ивана Чернышева говорил в свое время историк – князь М. Щербатов: «Граф Иван Григорьевич Чернышев, человек не толь разумный, коль быстрый, увертливый и проворный и, словом, вмещающий в себе все нужные качества придворного, многие примеры во всяком роде сластолюбия подал. К несчастью России, он немалое время путешествовал в чужие края, видел все, что сластолюбие и роскошь при других европейских дворах наиприятнейшего имеют, он все сие перенял, все сие привез в Россию и всем сим отечество свое снабдить тщился. Одежания его были особливого вкуса и богатства, и их толь много, что он единожды вдруг двенадцать кафтанов выписал; стол его со вкусом и из дорогих вещей соделанный, обще вкус, обоняние и вид привлекал; экипажи его блистали золотом, и самая ливрея его пажей была шитая серебром; вина у него были на столе наилучшие и наидорожайшие. И подлинно, он сим некоторое преимущество получал, яко человек, имеющий вкус, особливо всегда был уважаем у двора».

Мы можем не во всем согласиться с историком. Надо отдать должное, что флотом российским граф Чернышев начальствовал без малого три десятилетия, и начальствовал, прямо скажем, неплохо.

А причуды у него были. Так, свой рабочий кабинет в Адмиралтействе Иван Григорьевич обставил в виде лесной поляны. Стены были изрисованы деревьями и дальними рощами. Несколько искусно сделанных деревьев стояли прямо посреди кабинета и на них порхали

птицы. Сам граф принимал посетителей в крестьянском наряде и в лаптях, инкрустированных бриллиантами. Сидел он при этом на стуле-пеньке и имея вместо стола пенек поболее. Но кого на Руси удивишь чудачеством! Делает свое дело человек и ладно, а ежели чудит, знать, у него на душе весело!

Что касается капитана 1-го ранга Григория Муловского, то он воспитывался в доме Чернышева. По некоторым сведениям, Муловский являлся даже внебрачным сыном графа, а то, что Чернышев считает Муловского своим любимцем, знали все.

В ту пору графу Ивану Чернышеву было уже за шестьдесят. Былая ловкость уступила место рассудительности и даже желчности. Но авторитет среди адмиралитета вице-президент Адмиралтейств-коллегии имел непререкаемый. Даже вечный строптивец и спорщик вице-адмирал Круз всегда прислушивался к его мнению.

– Желаю быть в сем походе! – объявил Чернышеву вице-адмирал прямо с порога.

– Увы, – развел руками вице-президент, уже подготовленный к визиту Круза сторонниками иностранной партии – Свободных вакансий флагманских на уходящей эскадре боле нет!

– Я имею право! – повысил голос раздосадованный таким оборотом дела вице-адмирал, – Я чесменский герой, и в деле морском более иных многих знаюш!

– В этом я и не сомневаюсь, но указ о назначении флагманов уже подписан государыней!

– Пускай! – багровел от ярости Круз. – Я готов взять под начало последний фрегат! Нет фрегата, возьму фелуку!

– Шутить изволите? – нервно передернул плечами граф Иван Чернышев.

– Нисколько! – потряс перед графским лицом кулаками Круз. – Не ради наград, ради славы Отечества желаю быть в многотрудном походе!

– Увы, увы, увы! – Чернышев лишь развел руками. – Вы остаетесь в Кронштадте!

– Но почему мне такая обида вышла! Неужто я хуже вожу корабли, чем любезный вашему сердцу прохвост Фондезин?

Чернышев насупился. Вице-президент не любил, когда ему чем-то пеняли. Однако, овладев собой, изобразил улыбку:

– Напротив вы несравненно лучше!

– Так почему ж не он, а я должен тухнуть в Кронштадте? – снова возвысил свой голос Круз.

– Именно поэтому! – оборвал его Чернышев.

– ??!

– Вам предстоит собрать в единый кулак все оставшиеся на Балтике суда. Государыня не оставляет вероятности английского и шведского нападений!

– О, хосподи! – перекрестился сразу успокоившийся вице-адмирал. – Неужели и такое ноне возможно?

– К сожалению, – вздохнул Чернышев. – Едва начав войну турецкую, мы нынче стоим на пороге новой войны – шведской, и не дай бог нам чрез тот порог преступить!

Вернувшись домой, Круз устало развалился в кресле.

– Остаюсь при вас! – мрачно объявил он жене и дочерям. – Велите подавать на стол. Буду жевать пироги, потому как боле мне делать пока нечего!

* * *

А началось все с того, что еще в 1786 году Петербургу стало известно о нездоровом интересе англичан к дальневосточным морям. В Зимнем дворце заволновались не без оснований.

– Держава наша стоит ныне лицом к Европе, а спиною к океану Восточному! – делился своими мыслями с императрицей Екатериной вице-канцлер Безбородко. – Но наступит час, когда все же обратим мы взор свой на восток. И что там увидим? Флаги английские!

Екатерина II

– Сие верно говоришь, Александр Иванович, – вздыхала Екатерина, – да как их отвадить оттудова? Ведь сил морских у нас там и нет вовсе!

– Это все конечно так, – отвечал ей Безбородко, сложивши руки на толстом животе. – Но ведь, коли, флота нет, можно его туда и отправить!

Ни день и не два убеждал императрицу в реальности своего проекта вице-канцлер. Присоединился к нему и российский посол в Лондоне граф Александр Воронцов, тоже ратовавший за океанскую экспедицию. Среди доводов, что приводили оба дипломата Екатерине, было налаживание торговых связей с Японией и Китаем, доставка грузов в тихоокеанские порты. Однако все понимали, что задача куда как сложна, ведь еще ни один русский корабль не плывал в столь дальние воды.

– Да ведь это будет самое что ни на есть вокругсветное плавание, – изумилась Екатерина Вторая, когда Безбородко вместе с вице-президентом Адмиралтейств-коллегии графом Чернышевым принялись ее уговаривать в очередной раз.

– Мы к столь многотрудному вояжу готовы, матушка! – кивал буклями парика Чернышев.

– К тому же губернатор сибирский, генерал Соймонов, давно доносит о нарушениях наших восточных вод европейскими судами! – подал голос и Безбородко. – С какой стати нам терпеть позор такой! Пора бы уж и отпор дать достойный!

– Ну что ж, пришла, видимо, и в самом деле пора явить нам и своих мореплавателей куковых! – сказала императрица после некоторого раздумья. – Пишите проект указа! Да капитана для сего вояжа подберите достойного!

Двадцать второго декабря 1786 года секретный указ был готов. Он гласил: «Секретный указ пашей Адмиралтейской коллегии. Прилагая при сем копию указа, нашей Коллегии иностранных дел данного по случаю покушения со стороны английских торговых промышленников на производство торгу и промыслов звериных и на восточном море о сохранении права нашего на земли, российскими мореплавателями открытые, повелением Адмиралтейств-коллегии отправить из Балтийского моря два судна, вооруженные по примеру употребленных капитаном Куком и другими мореплавателями для подобных открытий, и две вооруженные же шлюпки морские или другие суда по лучшему ее усмотрению, назнача им объехать мыс Доброй Надежды, а оттуда, продолжая путь через Зондский пролив и оставя Японию в левой стороне, идти на Камчатку...»

Сразу же встал вопрос о начальнике кругосветной экспедиции. Достойных кандидатур было много, от известного полярного исследователя контр-адмирала Чичагова до молодых энергичных капитанов. Члены коллегии сошлись в одном, чтобы был глава экспедиции достаточно молод, всесторонне образован, имел хороший опыт командования судами в дальних походах и, самое главное, чтобы он всей душой и сердцем своим желал участвовать в сем многотрудном плавании. Перебирали кандидатуры долго, но когда граф Иван Чернышев выложил перед заседающими все скопившиеся у него кругосветные прожекты Муловского, решение членов Адмиралтейств-коллегии было единодушным – начальником экспедиции должен быть назначен капитан 1-го ранга Григорий Иванович Муловский.

Руководителю первой русской кругосветной экспедиции шел тогда всего лишь тридцать первый год, за плечами были многие годы плаваний. В его послужном списке факт назначения на эту многотрудную и почетную должность записан так: «Избраием (именно избраием, а не назначением. – В.Ш.) начальником первого кругосветного плавания Муловский обязан своей деятельной службе, доставившей ему репутацию лучшего морского офицера, и своему разностороннему образованию. Между прочим, он знал языки: французский, немецкий, английский и итальянский...»

Сам Муловский тем временем находился в Архангельске, готовя к переходу на Балтику только что построенный линейный корабль. Вскоре после решения коллегии его срочно отозвали в столицу. Надо ли говорить, как обрадовался капитан! В Санкт-Петербург как на крыльях летел! А там сразу за дела! Дел-то хватало...

Родился Григорий Муловский в Кронштадте в 1755 году. Рано оставшись сиротой, воспитывался в семье Ивана Григорьевича Чернышева. Впрочем, ходили и небезосновательные слухи, что был Гриша Муловский внебрачным сыном графа Чернышева. А так как более сыновей Бог графу не дал, то Григорий Иванович своего дитя любил и ничего для него не жалел.

В 1770 году по собственному желанию Гриша был отправлен на учебу в Англию, одновременно по прошению графа Чернышева Екатерина Вторая повелела решить вопрос «О записании в корпус находящегося в Англии недоросля Муловского». Год, проведенный в стране, издавна славящейся морскими традициями, многому научил Григория. Особенно же большое впечатление на него произвели известия об экспедиции Джемса Кука. В следующем году он возвращается домой, где его ожидает звание гардемарина. В 1772 году Григорий Муловский, окончив Морской корпус первым по списку, просится на корабли, но его не пускают. Первая должность мичмана Муловского весьма ответственна и необычна – он становится адъютантом при адмирале Ноульсе.

Дело в том, что в 1771 году Екатерина Вторая пригласила на русскую службу английского адмирала – баронета Ноульса. Слава о семидесятилетнем адмирале ходила в ту пору громкая. Говорили, что он прослужил на море свыше пятидесяти лет, участвовал в тринадцати

генеральных баталиях, управлял Ямайкой, изобретал хитроумные машины и составлял планы захвата новых колоний. На русскую службу адмирал согласился идти после длительных переговоров, запросив себе жалованье в шесть тысяч рублей. Русским адмиралам платили три тысячи шестьсот. Но императрица согласилась. Ноульс потребовал себе старшинства по сравнению со всеми российскими адмиралами. Екатерина приняла и это. Уж больно славен и известен был адмирал в Европе. Долго подбирали знаменитому иноземцу и адъютанта. Смотрели и так, и этак: чтобы сообразительным был, языками владел да в деле морском разбирался. Глянули в списки корпусные. Кто первым там? Муловский. А что о нем коллегия скажет? А вице-президент граф Чернышев?

Работать с Ноульсом было нелегко. Делами адмирал особо не занимался, а целыми днями устранял недоимки по морскому ведомству.

– Я, – твердил он Муловскому, – второй отец вашего флота, а за труды свои заслуживаю здесь, в России, золотого памятника!

Долгими расчетами себя адмирал, впрочем, не утруждал. Установив годовую недостачу в пятьсот тысяч рублей, он лихо вписал еще два ноля и получил уже пятьдесят миллионов.

Понимал ли тогда Гриша Муловский, с кем имеет дело? Видимо, нет: уж больно хитер и опытен был старый адмирал. Но чем дальше, тем большее недоумение вызывали дела англичанина у его адъютанта. Так, Ноульс совершенно серьезно предлагал «улучшить» Кронштадский порт, который, по его мнению, занимал более места, чем ему положено...

Сэр Чарльз Ноулз, 1-й баронет

Однако все «преобразования» Ноульса до поры до времени сходили ему с рук. Екатерине Второй почему-то нравился этот хамоватый и остроумный англичанин. Как-то, сопровождая адмирала в Зимний дворец, Муловский стал свидетелем одной из устроенных Ноульсом сцен. Вооружившись бумагой, адмирал принялся докладывать через адъютанта свои соображения о возможности дальнейших преобразований императрице. В это время за окном, выходящим на Неву, послышался шум. Прытко подбежав к окну и отдернув штору, Ноульс увидел, как два русских судна навалились на французский торговый бриг.

– Что там случилось, адмирал? – спросила Екатерина.

– Пустяки, ваше величество, два русских медведя давят французскую мартышку!

Ничего не поняв, императрица подошла к окну, а потом долго смеялась над сказанным. . .

Шутки шутками, но, в конце концов. Ноульса все же отправили в действующую армию на юг. Вместе с ним выехал и Муловский.

Шел 1772 год. В самом разгаре была война с Турцией, и русское командование торопилось создать на Дунае в противовес неприятелю сильную и боеспособную флотилию, что и вменялось в обязанность английскому адмиралу. Но, к всеобщему удивлению, деятельность

Ноульса пошла совсем в ином направлении! Вместо того чтобы создавать на Дунае боееспособную флотилию, он рьяно принялся уничтожать то небольшое, что уже было создано.

– Эти суда сделаны не в совершенной пропорции, как требует английская корабельная наука! – Указал он тростью на остовы строящихся судов. – Переведите же, мичман, всем этим остолопам!

Стоявшие рядом мастера из запорожцев зло крутили свои сивые усы, не понимая, о какой такой науке речь идет.

– На таких стругах еще батьки да деды наши турчина по всему морю Черному гоняли!

– Варвары, чистые варвары! – грозил им тростью адмирал. – Сжечь все эти страшные лодки до единой!

И запольхали костры над широким Дунаем. Строить же новые суда в соответствии со всеми правилами английской корабельной науки Ноульс не особенно торопился. Один месяц сменял другой, а работы даже не начинались. Не имея средств к пропитанию, стали постепенно разбредаться плотники и другие мастера, с таким трудом собранные для создания флотилии. Воровской люд опустошал склады и магазины с заготовленными припасами. Улучив подходящий момент, Муловский все же сумел сбежать на некоторое время от своего бездеятельного патрона на корабли Азовской флотилии. Вместе с лихим капитаном Кингсбергенем он участвовал в крейсерстве крымских берегов и показал завидную храбрость и мужество в боевых столкновениях с турками.

А Ноульс тем временем устраивал на казенные деньги роскошные приемы да заверял командующего Дунайской армией фельдмаршала Румянцева, что все идет своим чередом.

– Что же это делается: все думают, что мы вот-вот погоним турок с Дуная, а у нас и нет ничего – вместо флотилии один пшик! – ругались промеж себя немногие офицеры-дунайцы, изнывавшие от безделья.

Больше Григорий Муловский терпеть не мог. Сел мичман в один из темных южных вечеров за стол, зажег свечу, очистил перо и, придвинув к себе бумагу, написал обо всем графу Ивану Чернышеву и императрице в Петербург. К письмам приложил скрепленные печатями документы.

Наутро, придя к адмиралу, рассказал ему об отправленных бумагах.

– Негодяй! – закричал багровый от злобы Ноульс. – Этот подлый донос я все равно перехвачу, а с тобой расправлюсь позже...

– Осмелюсь доложить, что я не негодяй, а верный сын Отечества своего. Бумага же моя не донос, а верное изложение действия, здесь происходящего!

Письма своего мятежного адъютанта Ноульс перехватить не успел: еще ночью с верным человеком они были отправлены в столицу. Скоро письма достигли адресатов. Именно они наконец-то пролили свет на безобразия, происходящие на Дунае.

Сигналы о непотребном, и даже преступном, поведении английского адмирала поступали в Адмиралтейств-коллегию и раньше, но теперь, когда перед вице-президентом Чернышевым лежали документы по фактической деятельности Ноульса, все стало ясно окончательно.

Немедленно последовал высочайший ордер на отзыв Ноульса в Санкт-Петербург, причем велено было произвести это столь поспешно, что граф Брюс, которому вменялось в обязанность проследить исполнение приказа, писал Ноульсу в Яссы: «Я получил приказание императрицы не останавливать вас в карантинах, как только для одной курки».

На юге страны в это время свирепствовала холера, и кордонные мероприятия были одинаково строги ко всем, независимо от званий и чинов.

В Петербурге адмирала Ноульса уже ждала записка императрицы следующего содержания: «...Если Вы хотите уехать отсюда, то я не вижу никаких препятствий...»

Принять адмирала Екатерина не пожелала. В несколько дней Ноульс был рассчитан и изгнан из России.

Вскоре прибывший в Петербург Григорий Муловский предстал перед своим учителем и воспитателем – Иваном Чернышевым.

– Ну, Гришенька, куда желаешь теперь служить идти? – спросил тот своего воспитанника, когда он подробно поведал об адъютантстве у Ноульса.

– Для моряка, ваше сиятельство, имеется лишь одна высокая награда – плавать на кораблях, а не ездить на перекладных!

– Ну что ж, – засмеялся вице-президент. – Быть по сему!

В тот год Муловский совершил плавание на пакетботе от Кронштадта до Любека и обратно, а осенью 1773 года отправился с эскадрой контр-адмирала Самуила Грейга в Средиземное море на флагманском корабле «Исидор». Эскадра спешила усилить русский флот, блокировавший в это время Дарданеллы, но поспела только к заключению мира.

– Ну, почему я такой невезучий? – сокрушался Муловский. – На Дунае повоевать не удалось и на море Средиземном тоже!

Было Грише Муловскому тогда лишь девятнадцать лет. Его манили дальние, моря и приключения. Мичман знал наперечет всех знаменитых мореплавателей прошлого. Втайне же мечтал о несбыточном – о кругосветном вояже.

В 1774 году Григорий Муловский переводится на Черное море и совершает плавание в Константинополь на фрегате «Наталия». Затем пришлось испытать сильнейший шторм на фрегате «Слава», а вскоре снова Средиземноморье. Там, в Архипелаге, находилось несколько балтийских фрегатов, которые Адмиралтейств-коллегия пыталась под видом торговых судов перебросить через Дарданеллы и Босфор для усиления зарождающегося Черноморского флота. Лейтенант Григорий Муловский получил под команду свое первое судно – фрегат «Святой Николай» в отряде Тимофея Козлянинова. Вторым фрегатом отряда «Святой Павел» командовал капитан-лейтенант Федор Ушаков. Молодые капитаны скоро стали друзьями, а суда их постоянно соперничали в лихости маневров и быстроте постановки парусов.

Служба в Архипелаге была интересной. Отряд фрегатов почти все время находился в море и Муловский очень много плавал, совершенствуя свое мастерство, изучая театр возможных боевых действий.

Попытка провести фрегаты в Черное море не удалась. Турки, разгадав обман, запретили «торговым судам» проход через свои проливы. После нескольких лет пребывания в Архипелаге отряд Козлянинова был вынужден вернуться на Балтику. Тогда эта экспедиция была расценена как неудачная, о ней быстро забыли. Но была ли она таковою? Ведь там, на Средиземном море, прошли великолепную морскую школу многие морские офицеры. Среди них и Ушаков с Муловским. И кто знает, может, именно там лежат истоки успешной деятельности адмирала Ушакова на Средиземном море в 1798–1800 годы, может, именно там Муловский окончательно поверил в свои силы, в то, что способен возглавить кругосветную экспедицию.

На острове Менорка лейтенант Муловский по приказанию из Петербурга передает командование фрегатом своему старшему офицеру, а сам принимает под начало груженный товарами английский транспорт, на котором и прибывает в Кронштадт. Еще не успели разгрузить английское судно, а Григорий Муловский уже поднимает паруса на фрегате «Святой Марк» и отправляется в новое плавание.

Обветренный и возмужавший, он вернулся в Петербург, когда Финский залив уже покрылся первой коркой льда. Муловский стал готовить свой фрегат к новой кампании. Между тем жена графа Чернышева Анна Александровна устроила мужу форменный скандал.

– Ты что делаешь? – ругалась она. – Пусть мальчик хоть годочек побудет дома, не век же ему по чужим краям маяться!

В расстройстве сильном граф Иван Григорьевич бумагу соответствующую и подмахнул. Когда же Гриша заехал к ним на побывку, отвел его вице-президент в сторону, взял под локоток и признался:

– Грех я, Гришенька, взял на душу, уступил Анне Александровне. Отныне ты не капитан фрегатский, а капитан коттерный!

– За что же немилость такая, ведь не штрафился я по службе нигде, а коттер, ныне вами мне под начало предназначенный, в сравнении с фрегатом моим, что дворняжка рядом с борзой!

– Не в пропорциях дело, Гришенька, – похлопал его по плечу Чернышев. – Коттер сей не простой, а придворный. Отдохнешь на нем годика два, знакомства новые заведешь, глядишь, и невесту себе там подыщешь!

Поглядев на своего любимца и увидев, что речь его действия не возымела, граф, чтобы как-то утешить опечаленного лейтенанта, спросил:

– Ну а какая твоя самая заветная мечта будет?

– Мечта моя поистине несбыточна! – вздохнул Муловский.

– И все же?

– Мечтаю принять участие в кругосветном путешествии российском!

– Ну и ну! – почесал затылок вице-президент Адмиралтейств-коллегии.

На том разговор и закончился.

Всю кампанию 1777 года Григорий Муловский провел в плаваниях между Красной Горкой и Петергофом. Возил туда-сюда особ высоких. Особы пили да гуляли, а капитан следил, чтобы они по делу пьяному за борт не попадали да в целостности-сохранности на берег доставлены были.

Друзьям своим он за стаканом вина признавался не единожды:

– Такого понасмотрелся, что во всю жизнь не отплюешься! Куда угодно и кем угодно пойду, но на будущий год коттер сей развратный в море выводить не стану!

Примерно в то же время товарищ Муловского по Средиземноморскому отряду, капитан 2-го ранга Федор Ушаков, также назначенный Чернышевым капитаном придворной яхты, презрел карьеру и упрямил перевести его на юг в неведомый тогда никому Херсон, где закладывались первые линейные корабли будущего Черноморского флота. Так поступали люди, искренне преданные своему делу, готовые пожертвовать всем ради пользы Отечества...

Слово свое Григорий Муловский сдержал и на будущий год буквально сбежал в Архангельск на новостроящийся корабль «Слава России». Должность там ему досталась хлопотливая – старшего офицера. Забот по приемке нового корабля было много, однако Муловский справился с ними. К весне 1778 года на корабле подняли трехцветный вымпел и, распустив паруса, отправились в плавание вокруг Скандинавии. Удачно проскочив все моря и проливы, «Слава России» в июле бросила якоря на Кронштадтском рейде.

Корабль поспел как нельзя кстати: Балтийский флот в это время спешно готовил сразу несколько эскадр для походов на океанские просторы. Дело в том, что в ходе англо-французской войны испанские и британские военные корабли чинили разбой по отношению к торговым судам нейтральных государств. Стараясь причинить своему противнику как можно больший вред, англичане хватили все суда подряд, в том числе и русские. Возмущенная таким поведением Лондона, Екатерина Вторая объявила о создании новой международной системы вооруженного нейтралитета, к которому тут же присоединились почти все государства Европы. Для защиты европейской и своей собственной морской торговли и посылались в море боевые эскадры России: в Средиземное, контр-адмирал Борисов, в Северное – контр-адмирал Хметевский, в Атлантику – контр-адмирал Полибин!

Мог ли усидеть в такое горячее время на берегу Муловский? Разумеется, нет! На фрегате «Михаил» он ушел в плавание в составе эскадры Хметевского. В штормовом Северном море под началом опытного адмирала мужал молодой офицер. Крейсирование эскадры Хметевского было не из легких. Путь ее лежал в Ледовитый океан к острову Кильдюин.

С возвращением же эскадры в Кронштадт Муловский выложил перед Чернышевым свой прожект кругосветного вояжа.

– Это уже пятый! – сказал. – Но те вышли неказистыми, а этот, по моему разумению, достоин внимания вашего сиятельства!

Чернышев прожект взял, автору же заявил так:

– За сей документ тебе спасибо, а сейчас пока готовься в вояж сухопутный. Вот тебе пакет секретный. Его надлежит доставить в целости и сохранности нашему посланнику в Ливорно.

Необычное и опасное задание Муловский исполнил блестяще. Едва вернулся – новое назначение, на этот раз флаг-капитаном эскадры контр-адмирала Сухотина, уходящей в Средиземное море. Снова трудности похода, шторма. Но, как и раньше, немногими свободными вечерами в тесной каютке-выгородке линейного корабля «Святой Пантелеймон» он высчитывал маршруты своей кругосветной экспедиции, мечтал об открытии и приключениях.

Адмирал Сухотин Я.Ф.

Через год капитан-лейтенант Муловский возвращается в Кронштадт, получает под команду новый линейный корабль «Давид Сасунский» и сразу же уходит на нем в Средиземное море, на этот раз в составе эскадры контр-адмирала Чичагова. Учитывая опыт и находчивость Муловскою, ему поручили продажу в Неаполе партии русского железа. И здесь молодой капитан оказался на высоте. Проявив изрядную предприимчивость и сметку, он удачно и прибыльно продал весь товар.

В январе 1784 года Григорий Иванович Муловский был произведен из капитанов 2-го ранга в капитаны 1-го ранга. Этим же указом был произведен в капитаны 1-го ранга и командир черноморского линейного корабля «Святой Павел» Федор Федорович Ушаков. Судьбы этих замечательных людей снова пересеклись, к сожалению, теперь в последний раз...

Вновь в России Григорий Иванович оказался только через два года.

– Тебе Гришенька, и о женитьбе подумать всерьез надо! – заявила ему в первый же день по возвращении графиня Анна Александровна. – У меня уже и невеста на примете есть. Лицом хороша, из семьи приличной!

– Чтобы жениться, надо время иметь немалое, – виновато улыбнулся каперанг. – А у меня оно и нет вовсе, да к тому же не совершенно еще мною главное дело всей моей жизни.

– Что же это за дело такое важное, что, не сделав оно, под венец идти нельзя?! – разволновалась графиня не на шутку.

– В плавание он все кругосветное собирается, почитай уже лет пять! – разъяснил ей тайну своего любимца подошедший Чернышев.

– О, господи, – перекрестилась графиня. – Мало, что ли, ты, Гришенька, по морям плаваешь, так тебе еще вслед за английским капитаном Куком хочется! Так ведь съели дикие Кука этого! Неужто и ты хочешь себе судьбы такой! Графиню, как мог, успокоил супруг:

– Слава богу, Аня, что пока государыня сей вояж делать не предполагает! Хотя наш Гришенька меня сим путешеванием Куковым уже доконал вконец!

По прибытии в Кронштадт принял Григорий Иванович под команду корабль «Иоанн Злаотуст», а вскоре другой – «Иоанн Богослов», на котором ходил в поход по Балтике под флагом вице-адмирала Круза.

* * *

Вначале Адмиралтейств-коллегия хотела было снаряжать в экспедицию фрегат «Африка», но затем эту затею оставили. Фрегат находился в строю уже более двадцати лет, еще в Чесменском сражении участвовал, пришел в ветхость. По настоянию Муловского было решено отбирать в экспедицию суда надежные, а размерениями почти такие, как у английского капитана Кука. Всего в экспедицию было определено пять судов: два побольше – «Холмогоры» и «Соловки», два поменьше – «Сокол» и «Турухтан». Да еще транспортное судно «Смелый» для отвоза в Охотский порт крепостной артиллерии и других нужных вещей.

В указе о задачах экспедиции Муловского значилось: «...Объявить официально о наших открытиях у северо-западных берегов Америки и тем утвердить право на обладание открытых земель... Но как таковое объявление без существенного подкрепления едва ли достаточным будет, а может еще некоторым образом подвергнуть и достоинство двора, то завести на том море несколько военно-морских судов, которые бы могли на самом деле выполнить запрещение...»

Тогда же определили маршрут плавания: через Атлантику, мимо мыса Доброй Надежды, Индийским океаном и вдоль китайского побережья к восточной оконечности России. По ходу плавания было предписано «обойти и описать все малые и большие острова... причислить формально ко владению Российского государства, поставя или крепя гербы и зарыв медали в пристойном месте».

Капитаном «Соловков» был назначен капитан 2-го ранга Алексей Михайлович Киреевский – опытный, волевой офицер, участник Первой Архипелагской экспедиции. Капитаном «Сокола» – капитан-лейтенант Ефим Карлович фон Сиверс, плававший ранее в Ост-Индию на английском судне. Неоднократно совершали дальние плавания капитаны «Турухтана» и «Смелого» капитан-лейтенанты князь Трубецкой и Сарычев. Командование «Холмогорами» взял на себя сам начальник экспедиции.

Остальных офицеров подбирал уже Муловский. При этом особое внимание он обращал на опыт дальних плаваний, теоретическую подготовку и особенно – на умение вести опись побережий и островов.

Третьего февраля 1787 года Муловский представил в Адмиралтейств-коллегию список штаб- и обер-офицеров, изъявивших желание отправиться в дальний вояж. В него вошли, не

считая офицеров «Смелого», четыре штаб-офицера, двенадцать лейтенантов, десять мичманов и один «морской артиллерии констапель».

По такому же принципу велся и отбор нижних чинов. Подавляющее большинство их были участниками средиземноморских походов. Общее число участников экспедиции составило 545 человек.

Суда экспедиции усиленно готовились к плаванию. Днища обшивали медным листом, меняли рангоут и такелаж, укрепляли корпус. Отправиться в плавание предполагалось осенью 1787 года. В декабре планировался выход судов экспедиции из Англии. Далее намечалось проследовать к мысу Доброй Надежды, пополнить запасы и взять курс к дальневосточным берегам. На подходах к ним транспортное судно «Смелый» должно было отделиться от отряда и самостоятельно следовать в Петропавловск-Камчатский с орудиями для крепостной артиллерии.

Специальным указом Екатерины II предусматривалось поощрение начальника экспедиции. «Когда пройдет он Канарские острова, – говорилось в указе, – да объявит себе чин бригадира; достигнув мыса Доброй Надежды, возложить ему на себя орден Святого Владимира 3-го класса; когда дойдет до Японии, то и получит уже чин генерал-майора». На монетном дворе спешно изготовлялись «потребные гербы для ознаменования открытия островов...»

Особое внимание было уделено подготовке к научной работе. Известный российский естествоиспытатель и путешественник Петр Наллас разработал при участии Муловского инструкцию по предстоящим наблюдениям. Для научной цели решено было пригласить участника третьей экспедиции – капитана Кука и проживавшего тогда в Вильно профессора Георга Форстера.

Для переговоров с Форстером выехал сам Муловский. Переговоры имели успех. Знаменитый профессор не только согласился отправиться в кругосветное плавание как натуралист, но и вызвался добровольно возложить на себя обязанность ботаника и историографа экспедиции. Единственно, что смущало профессора, так это финансовый вопрос.

– Адмиралтейств-коллегией вам как человеку ученому и достойному, а также опытом изведанному, велено положить жалованье в три тысячи рублей ежегодно. Неужели этого мало? – удивился капитан Муловский.

– О, нет-нет, – замахал руками Форстер. – Это более чем достаточно для такого маленького человека, как я, но дело в том, что пока я не выплачу пять тысяч четырехста рублей учрежденному в Польше воспитательному дому, я не могу покинуть Вильно!

Георг Форстер

– Откуда же долги такие? – еще больше удивился Муловский, наслышанный о скромном образе жизни ученого.

– Занял на переезд семьи и перевоз имения в Германию.

– Мы согласны выдать деньги тотчас! Муловский раскрыл дорожную сумку, достал увесистый кошель и быстро отсчитал червонцы. – Получите!

Потом они оба еще долго сидели над картами и книгами. Поговорить им было о чем!

Тогда же ими было решено поддерживать между собой постоянную связь через посла Штакельберга. Договорились, что Форстер самостоятельно доберется в Англию, где закупит необходимые инструменты и будет ждать судов экспедиции. Кроме того, Форстер предложил пригласить в плавание известного астронома Бейли (тоже участника экспедиции Кука), которого он взялся уговорить, а также профессора медицины Соммерса, «не токмо искусного как хирурга, но и анатома животных».

Договорившись с Форстером, Муловский поспешил на перекладных обратно. Дорог был каждый день! Скоро капитан был уже в Кронштадте и опять погрузился в круговорот дел. Легко ли ему приходилось? Наверное, нет. Но с уверенностью можно сказать, что это – самое счастливое время для Муловского. Никогда мечта всей его жизни не была так близка к воплощению, как теперь!

Подготовка экспедиции близилась к завершению. Суда вот-вот должны были поднять вымпела и выйти на внешний рейд. До начала плавания оставались считанные дни, когда пришло известие о начале войны с Турцией, буквально на следующие сутки последовал указ:

«Приготовленную в дальнейшее путешествие под командою флота капитана Муловского экспедицию по настоящим обстоятельствам повелеваю отменить, и как офицеров, матросов и прочих людей, для сей экспедиции назначенных, так суда и разные припасы, для нее заготовленные, обратить в число той части флота ушедшего, которая, по указу нашему от 20 числа сего месяца, Адмиралтейской коллегии данному, в Средиземное море отправлена быть долженствует».

– Ничего, Гриша, – как мог, успокаивал своего воспитанника, граф Чернышев. – Будем живы, после войны непременно экспедицию возобновим!

Флагманский корабль Муловского тем временем в срочном порядке переоборудовали в госпитальное судно для Средиземноморской эскадры. «Соловки» и «Турухтан» готовили для перевозки пороха и артиллерийских припасов, а «Сокол» – для доставки в Средиземное море провизии. С началом войны с Турцией русское правительство приняло решение о посылке в Средиземное море эскадры кораблей Балтийского флота под командованием адмирала Грейга, и подготовленные к дальнему плаванию транспорты оказались очень кстати.

Сам же Григорий Муловский был назначен капитаном 74-пушечного линейного корабля «Мстислав», который также готовился к походу в составе эскадры Грейга. Война есть война, и морской офицер всегда должен быть готов к ней. Незадолго до выхода в море Григорий Иванович был помолвлен с юной графиней Екатериной Лопухиной. Свадьбу решено было справить после возвращения жениха из похода.

Поздней осенью 1787 года в Кронштадте формирование Средиземноморской эскадры, предназначенной для действий против турок в Архипелаге, было в самом разгаре. В успехе предприятия сомнений не было, опыт спиридовского похода 1769 года говорил сам за себя. Внушительной, по сравнению с Первой Архипелагской экспедицией, была и сама формируемая эскадра: пятнадцать линейных кораблей, шесть фрегатов да три бомбардирских судна решено было бросить на блокаду Дарданелл!

Подготовка к отправке велась тщательно. Корабельные корпуса обшивали для крепости медным листом, хватало пушек и ядер, вдоволь готовили и всяческих припасов.

Русский флот готовился повторить туркам Чесменское побоище и настроены моряки были серьезно:

– Пожгем флот магометов, а потом и сераль бомбами забросаем! Пора уж напомнить мамкам султана, как грохочут наши пушки! – говорили они промеж себя.

Но на все получалось не так, как того бы хотелось. Внезапно обнаружилось, что на флоте почти нет матросов. Вместо положенных штатом двадцати трех тысяч, их недоставало более десяти. Только прошлой осенью отправили три тысячи не самых плохих матросов в Архангельск на новостроящиеся корабли.

– Как так, вроде ни войны, ни мора у нас не было, куды ж мы матросов подевали? – ярился вице-президент Адмиралтейств-коллегии граф Иван Чернышев.

– Куды, куды, – чесали затылки адмиралы, таким непониманием смущенные. – Да кто ж нам, кавалерам, за обедами прибор меняет, кто в няньках при детках малых, кто, наконец, на дачах летних газон стрижет? Ведь куды не плюнь, везде матроз казенный!

– А совесть где? – не унимался Чернышев.

– А вы совесть нашу дворянскую не троньте! – отвечали флотовожди уже раздраженно. – Пошто зря кричите. Всегда так было. Не нами начиналось, не нами и кончится!

Но вице-президент Адмиралтейств-коллегии все решил посвоему:

– Выгрэбать на корабли буду всех подчистую!

И началось! По домам флагманским да капитанским вой и ор стоит – как так без матросов быть? Кто ж стирать, стирать, за детьми ходить да убираться теперь станет! У подъездов начальственных дамы флотские толпами.

– Как же жить нам теперича несчастным! – кричали дамы с надрывом сердешным.

Начальство само было зло, а потому, выходя на крыльцо, потрясали начальники кулаками в небо:

– Чего орете зазря, когда у меня самого давеча последнего лакея на кораблик забрали. Каково ж нам, адмиралам да кавалерам, нынче по утрам самим одеваться!

Пристыженные жены расходились. Видать, и впрямь дело нешуточное, коль столь важные чины самолично теперь себе штаны застегивают!

А по улицам кронштадтским патрули вылавливали всех без разбора. Сам начальник Кронштадта генерал-интендант флота Пётр Иванович Пушин, у которого давеча отобрали в комендоры последнего писаря, самолично отписывал корявым подчерком приказные бумаги, щедро брызгая вокруг себя чернилами.

Пётр Иванович Пушин

Злился:

– Пусть теперь умники бумажки мои читают, коль смогут! Будут знать, как писарей лишать!

Однако Чернышевские облавы дело свое сделали, и буквально в несколько недель Средиземноморская эскадра была укомплектована опытными командами. Бывшие няньки да садовники вновь вернулись к своему уже изрядно подзабытому моряцкому делу.

Тем временем вице-президент коллегии иностранной Александр Иванович Безбородко чинил обстоятельный опрос адмиралу Самуилу Грейгу, идущему в Средиземное море главнокомандующим.

– Кого считаешь ты, Карлыч, из флагманов наших к своей экспедиции наиболее годными? – спрашивал Безбородко, чулки на ногах сползавшие подтягивая.

– Толковых много, – отвечал Грейг степенно. – Из стариков многоопытны Чичагов с Крузом, но эти под мое начало пойти не пожелают. Из других неплох Виллим Фондезин, хотя и осторожен излишне. Достойным почитаю и контр-адмирала Козлянинова Тимофея – этот всем хорошо, особенно отвагою. Для начальства над транспортами и десантами хочу просить Спиридова Алексея, сына нашего первейшего флагмана.

– Хорошо! Хорошо! – соглашался пухлогубый Безбородко. – За сих кандидатур я с государыней говорить буду!

Сам адмирал Грей герой Хиоса и Чесмы был настроен наирешительным образом. При первой же встрече с Екатериной Второй, он без долгих разговоров раскатал перед ней карту дарданельских проливов.

– Вот, матушка, – сказал он, – Полюбуйся! Желаю я по прибытии своем на море Медетеранское форсировать сей пролив злосчастный и, разбив батареи неприятельские, встать на шпринг подле дворца султанского, бомбардируя его беспощадным образом, покуда злодей пощады и мира у тебя не попросит!

Самуил Карлович Грейг

Екатерина была таким планом растрогана.

– С легким сердцем вверяю вам исполнение сего многотрудного подвига! – молвила она адмиралу, улыбаясь.

На грейговском проекте императрица размашисто начертала: «Быть по сему. Екатерина».

Стать главнокомандующим всеми воинскими силами в Средиземном море императрица предложила графу Алексею Орлову-Чесменскому, успешно исполнившему столь ответственную должность уже в прошлую войну. Но Орлов от предложенной должности наотрез отказался, сославшись на немочь.

– Не хочет, как хочет, – обиделась Екатерина. – Незаменимых у нас нет!

Командующим войсками на Средиземном море в тот же день был назначен опытный и боевой генерал Завадовский.

К середине мая следующего года Средиземноморская эскадра была уже готова к началу кампании. Корабли стали по одному вытягиваться из гавани на внешний рейд. Вперед других ушли в море дозорные фрегаты. Чтобы не было задержек и проволочек с отправкой эскадры, решено было отправлять ее отрядами. В Копенгагене отряды эти должны были объединиться и дальше уже следовать сообща. В передовой отряд, покидавший Кронштадт раньше всех, были отряжены новейшие и сильнейшие 100-пушечники: «Чесма», «Саратов» и «Три Иерарха». Команду над ними поручили вице-адмиралу Виллиму Фондезину – младшему флагману уходящей эскадры.

Мартын Петрович фон Дезин

– Надлежит тебе, Виллим Петрович, подойдя к проливам, разгрузиться, чтоб способней было форсировать мелководный Зунд! – наставлял вице-адмирала граф Чернышев.

Спустя несколько дней 100-пушечные корабли с переменными ветрами взяли курс на Копенгаген. За линейными кораблями тянулась вереница транспортов с солдатами десанта и припасами.

Пока все шло по плану, но скоро все планы полетят в тартарары.

Глава вторая

Поужинать в Петербурге

В 1788 год мир вступала с верой в лучшее. Всех волновало исчезновение в южной части Тихого океана французской кругосветной экспедиции под командованием Жана Лаперуза. Где-то далеко на Черном море Россия всю воевала с Турцией, но в Европе это больше воспринималось как экзотика.

До Петербурга, разумеется, доходили слухи об экспериментах, которыми баловались на Западе всевозможные изобретатели, но к последним относились как к чудачкам. Между тем известия из Европы были весьма любопытными. Американский изобретатель Джон Фитч уже достраивал свое паровое судно «Эксперимент» с паровой машиной Уатта и кормовыми веслами, готовясь показать невиданную ранее скорость хода. Что касается Англии, то там заводчик Уилкинсон строил из железных листов первые цельнометаллические баржи грузоподъемностью в 20 тонн, открывая этим эпоху железного кораблестроения, а шотландец Миллер вместе с горным инженером Саймингтоном уже полным ходом испытывали первый в мире паровой катамаран. В Париже научный мир всю обсуждал только что вышедший из печати фундаментальный трактат Жозефа Лагранжа «Аналитическая механика», вносящий солидный вклад в развитие строительной механики корабля, а в Бресте на верфи торжественно заложили самый большой в истории кораблестроения парусный линейный корабль – 120-пушечный «Коммерс де Марсель».

Весной 1788 года шведскому королю Густаву Третьему показалось, что настал момент долгожданного реванша с Россией. К этому временно король Густав уже забыл, что был обязан своей короной именно России. Его отец, Адольф Фридрих, герцог Голштинский, воцарился на престоле исключительно по желанию Петербурга!

Из всех шведских монархов Густав Третий отличался, наверное, самой неуемной жаждой славы, стремлением подражать своим воинственным предкам, не имея к этому, увы, никаких талантов. Ради эфемерного блеска славы он был готов поставить на кон и судьбу своего государства. По мнению шведского короля, такой момент наконец-то настал. Восточный сосед, занятый войной на юге с турками, оказался почти беззащитным на Балтике, и этим следовало воспользоваться как можно скорее. Вся пикантность ситуации заключалась в том, что Екатерина Вторая и Густав Третий были двоюродными сестрой и братом. Дело в том, что сестра отца Густава Третьего, короля Адольфа Фридриха, Иоганна-Елизавета была супругой принца Ангальт-Цербстского и матерью Екатерины. Но что такое родство, когда сердце сжигает жажда славы!

О степени самонадеянности короля, его неукротимой вере в успех начатого дела, о его мании величия можно судить по его письму к своему другу – барону Армфельду, отправленному 24 июня 1788 года: «Мысль о великом предприятии, которое я затеял, весь этот народ, собравшийся на берег, чтобы проводить меня и за который я выступал мстителем, уверенность, что я защищу Оттоманскую империю и что мое имя делается известным в Азии и Африке, все эти мысли, которые возникли в моем уме, до того овладели моим духом, что я никогда не был так равнодушен при разлуке, как теперь, когда иду на грозящую гибель».

Густав III

Из Петербурга агрессивность короля подогревал его посол, барон Нолькен:

– Россия – это попавший в яму медведь, которого убьет тот, кто первым придет к этой яме! – иронизировал шведский барон.

Политическая ситуация, в которой оказался Петербург в 1788 году, и на самом деле была непростой. Начавшаяся в прошлом году война с турками обещала продлиться еще не один год и требовала колоссальных людских, военных и финансовых издержек. Нарушено было и равновесие в Европе. Лондон мечтал отомстить за бывшее унижение политики вооруженного нейтралитета, когда Екатерина вывела в океан свои эскадры на защиту торговцев-нейтралов. Что касается Берлина, то Пруссия была оскорблена нежеланием Петербурга пролонгировать союзный договор с Пруссией и ее дружбу с извечным ее врагом Австрией.

А потому едва Густав заикнулся о своем желании напасть на восточного соседа, как ему были обещаны самые щедрые посулы военной и финансовой помощи Пруссией и Англией. Последнее не ускользнуло от внимания Екатерины Второй. Получив информацию о тайных переговорах Стокгольма с Лондоном и Берлином, она не удивилась:

– Король шведский будет в кармане того, кто ему даст денег!

Прусский король Фридрих Вильгельм тоже был не промах и, в свою очередь, мечтал отхватить у Швеции Померанию.

– Этот драгоценный перл шведской короны был бы не лишним и в моей короне! – говорил он, не стесняясь.

Шведы нуждались в поддержке Пруссии и мечтали, чтобы та ударила в спину русским в Прибалтике, но цена помощи отпугивала.

Впрочем, Густав во многом ошибался. В Лондоне весьма успешно действовал посол – граф Воронцов, который умело манипулировал оппозицией в парламенте, а потому премьер-министру Питту приходилось все время оглядываться назад. К тому же Густав не учел характера самой императрицы, которая в минуту опасности всегда была не только предельно осмотрительна, но и стойка. Король мечтал, что Екатерина испугается его намерений и сразу запросит мира, но как он в том ошибался!

Густав Мориц Армфельт

Замыслив войну с Россией, Густав должен был преодолевать еще одно серьезное препятствие. Дело в том, что по конституции королю было дано право вести только оборонительную войну и запрещено нападать самому.

– Эту проблему я решу легко! – смеясь, втолковывал король своему младшему брату, герцогу Зюдерманландскому. – Я переодену верных солдат в русскую форму и пошлю их в Финляндию. Пусть там они сожгут и ограбят несколько деревень. Если кого и убьют – тоже не беда, цель оправдывает средства. Зато у меня сразу будет повод к войне!

– А если оппозиция не поверит в эти грабежи? – засомневался брат герцога.

– Тогда я заткну их глотки ружейными шомполами! – расхохотался Густав. – Еще как поверят, когда об этом будут писать все европейские газеты!

Король знал, что говорил. В Стокгольме сторону Густава поддерживала группа издателей и литераторов во главе с авантюристом Карлом Ингманом, создателем дешевых прогуставианских панегириков. Впоследствии Ингман будет уличен в финансовых аферах, бежит в Норвегию, оттуда в Данию, а потом и вовсе спрячется от полиции в Венеции. Пока же вороватый журналист ходил в любимцах у короля за то, что ловко обрисовал духовную преемственность трех великих Густавов – Густава Первого Вазы, Густава Второго Адольфа и, разумеется, будущего победителя России Густава Третьего.

В Стокгольме кипели нешуточные парламентские страсти. Дело в том, что шведский король Густав Третий во всеуслышание заявил о необходимости снаряжения сразу трех армий. Это вызвало настоящую панику среди представителей сословий.

– Ваше величество! – кричали ему с мест депутаты. – Зачем вам сразу три армии? Когда и одна-то не по силам!

– Одна будет воевать с Россией, другую, обсервационную, я расположу в Шонии прикрывать побережье, а третью направлю отобрать у датчан Норвегию! – невозмутимо вещал с трибуны король.

Среди депутатов царило смятение. В своем ли уме король? Разумеется, что столь наглое заявление не могло не стать известным в Санкт-Петербурге. Но там к нему отнеслись достаточно иронично.

– Где ему, сердешному, набрать три армии! – посмеялась императрица Екатерина, прочитав донесение посла графа Разумовского. – Пусть хоть словами потешится!

Однако в тот же день тайно распорядилась ни под каким видом не выводить гвардию из столицы.

А Густав Третий уже обратил свой взор на королевство Датское. И не случайно! Дания издавна была связана с Россией всевозможными союзными договорами. Для успеха переговоров, казалось, имелись все основания. Густав Третий был женат на принцессе Софии Магдалене, дочери датского короля Фредерика Пятого, и таким образом приходился сыну Фредерика, Христиану Седьмому, весьма близким родственником. Впрочем, Христиан не мог не знать, что его сестра несчастлива в браке со шведским королем, который почти с ней не общался и имел множество любовниц.

Стремясь склонить короля Христиана на свою сторону, Густав, не считаясь с собственным достоинством, лично отправился в Копенгаген. Увы, все потуги шведского короля оказались тщетны. Христиан вежливо выслушивал Густава, но не более. Это обидело шведского монарха, и он не выдержал.

– Хочу узнать ваше истинное отношение к России! – напрямик заявил он Христиану.

Датский король лишь деланно развел руками:

– Моя Дания мала ровно настолько, насколько Россия велика, а потому расположение мое к ней самое дружественное!

В тот же день, холодно простившись, шведский король убыл восвояси. Провожать его был определен лучший из датских полководцев – фельдмаршал герцог Карл Гессенский.

Уже в порту герцог спросил Густава:

– Ходят слухи, что вы желаете воевать с Россией?

– Кто-то распускает злые сплетни! – зло ответил шведский король.

– И все же, ваше величество, – хмуро заметил фельдмаршал, – Россия не та держава, с которой спорят пушками!

И тогда Густава прорвало:

– Лучше быть моим другом, чем врагом! Передайте об этом вашему королю! – топал он в ярости своими ботфортами. – Завтра же я водружу свой штандарт над Петербургом, а послезавтра мои солдаты будут маршировать по улицам Копенгагена!

Проводив шведского короля, Карл Гессенский немедленно поспешил к своему.

– Не сегодня-завтра Густав двинется на Россию, даже если мы его не поддержим! – доложил он ему свои соображения.

– Как вы оцениваете возможный исход этого предприятия? – задумчиво поинтересовался Христиан.

– Однозначно! – пожал плечами фельдмаршал. – Швеция будет разбита на голову. Густав непременно свернет в России себе шею!

– Что ж, тогда нам следует строжайше соблюдать все параграфы договоров с Петербургом. Только в этом я вижу сейчас спасение Дании. Россия нас в беде не оставит! – закончил этот разговор король Христиан.

В тот же день в Санкт-Петербург ушло секретное послание датского монарха с самым подробным изложением целей приезда Густава Третьего.

– Мой многоуважаемый брат и сосед, тупица, затевает вооружение против меня на суше и на море! – с раздражением прочитала письмо Екатерина. – Сейчас весь вопрос в том, как далеко готов он идти в своих бреднях! Как знать, может, он еще и одумается.

Но шведского короля было не так-то просто остановить. Едва ступив на родную землю, он тут же отправил в Копенгаген своего младшего брата, герцога Карла Зюдерманландского.

– Уговорить датчан уже невозможно, так ты хотя бы их запугай! – велел король.

Герцог Зюдерманландский так и действовал. Будучи приглашенным, по приезде в Копенгаген на обед к датскому королю он заявил там без обиняков:

– Наше вооружение сейчас таково, что в течение месяца мы можем полностью заменить все отправленные в Финляндию войска свежими полками. Освободившихся же солдат мой брат сможет использовать, где ему только заблагорассудится!

Над столом повисла гнетущая тишина. Датские вельможи удрученно уткнулись в свои тарелки с традиционной датской кашей – фельдегредом. После обеда королева Матильда нашла своего супруга в кабинете. Христиан сидел на софе, обхватив голову руками.

– Что случилось, дорогой? – бросилась к нему королева.

– Это война! – почти шепотом произнес король. – Швеция нас в покое не оставит! Все отныне зависит только от Петербурга! Только там могут обуздать тамерлановский пыл шведского монарха!

Верный союзническому долгу, Христиан вновь незамедлительно отправил еще одно послание императрице Екатерине, извещая ее о визите шведского герцога и предупреждая ее о возможном скором шведском нападении. «Уже этим, – писал один из отечественных историков, – Дания оказала русскому правительству тем более важную услугу, что в Петербурге никак не ожидали войны со Швецией».

А Густав Третий меж тем уже обратил свой взор к Австрии – единственной союзнице России по турецкой войне.

– Попробуем выбить хоть этого габсбургского туза из русской колоды! – смеялся шведский король в кругу друзей.

В письме австрийскому наследному принцу Густав навязчиво приглашал последнего посетить маневры своей армии в Шонии. Принц, посоветовавшись со своими министрами, от приглашения вежливо отказался. Но Густава дипломатические неудачи, казалось, нисколько не смущали. Вечерами на сон грядущий король читал письмо своего посла в Петербурге, барона Нолькена, и отдыхал душой. Чего только ни писал, не жалея черных красок, барон о России: неурожаи и голод, рост цен и воровство, беспомощность русской армии и полное расстройство финансов.

– Боже мой! – искренне возмущалась Екатерина Вторая, которой агенты регулярно доставляли копии перлюстрированных писем шведского посла.

– Поверить Нолькену – нас всех давно уже нет в живых! Бедный Густав, можно только представить, какие картины роятся в его и без того воспаленном мозгу!

* * *

Неприязнь к России шведский монарх испытывал всегда. Еще мальчишкой, слушая рассказы ветеранов о походах Карла Двенадцатого, Густав сжимал в бессилии кулаки, клянясь отомстить за позор Полтавы и вернуть Отечеству славу первой военной державы. Болью отзывались в нем и позорные параграфы Ништадтского мира, навязанная Швеции дворянская конституция, лишавшая короля единоличной власти. Особенно ж раздражало Густава традиционно сильное влияние российских дипломатов на аристократов Стокгольма. Прорусски настроенная партия «шапок» почти всегда одерживала верх над профранцузской партией «шляп». И изменить это положение был не в силах даже сам король.

– Русская императрица имеет в моей собственной стране более власти, чем я! – жаловался Густав в минуты откровения своим братьям.

– Конечно, – соглашались те. – Позор Ништадта дерзает сердце каждого шведского патриота!

– Разумеется, царь Петр был великим государем, – рассуждал далее шведский король. – Но ведь его давно уже нет в живых, а мертвецы не могут держать за рукава живых!

– Густав! – разом сложили руки на эфесы братья-герцоги. – Одно лишь слово – и мы на солдатских штыках вернем тебе единоличную королевскую власть!

– Еще не время для столь решительного шага, – останавливал их король. – Петербург ныне следит за каждым моим шагом!

Подходящее время для государственного переворота наступило лишь в 1772 году, когда занятая войной с Турцией Екатерина Вторая ослабила свое внимание к северному соседу.

– Теперь или никогда, – объявил своим сподвижникам шведский король. – Я захвачу Петербург и свалю на землю памятник Петру!

Перво-наперво агенты Густава быстро распространили слух о том, что русские собирают в финских пределах огромное войско, чтобы идти на Стокгольм. В народе поднялся ропот. Все требовали от дворянского правительства разъяснений. И тогда за дело взялся Густав Третий. Во главе верных батальонов он окружил парламент, и представители сословий под дулами ружей беспрекословно подписали все пятьдесят семь пунктов отмены конституции.

– Ура! – размахивали шляпами на улицах Стокгольма монархисты, – революция свершилась!

Однако сам король был еще весьма далек от торжества победы. Густав прекрасно понимал, что, отменив конституцию, он одновременно нарушил и Ништадтский договор. Поэтому, низложив парламент, король затаился в ожидании реакции европейских дворов на свою дерзость. Больше иных его волновали при этом, разумеется, Петербург и Потсдам.

– Каков молодец! – обрадовался, получив известие о шведском дворцовом перевороте, прусский король Фридрих. – Теперь у России забот прибавится!

– Какой деспот! – воскликнула, узнав о случившемся, Екатерина Вторая. – Ведь всего два месяца назад он клялся своему народу в неприкосновенности всех прав и законов. Воистину нет коварству тщеславного! Я этого так не оставлю!

И вновь по Швеции поползли слухи, будто русская императрица уже определила дату вторжения, а на кронштадтском рейде качаются семь десятков галер, готовые в любую минуту сбросить у Стокгольма сорокатысячный десантный корпус. Слухи эти, впрочем, не подтвердились. У Екатерины хватало дел на турецком фронте. Единственно чем тогда ограничился Петербург, было усиление гарнизонов в русской Финляндии.

– Слава богу, буря затихла! – облегченно вздохнул Густав. – В следующий раз я ее раздую уже сам, но только тогда, когда это будет надо мне самому!

Впрочем, через некоторое время напряжение между Стокгольмом и Петербургом несколько спало. А затем состоялась и первая встреча «графа Готландского» – под этим псевдонимом Густав Третий приехал на встречу с Екатериной Второй. Слегка пожурился строптивца, императрица затем обласкала его, не забыв при этом и щедро одарить золотом. В ответ граф Готландский подарил наследнику Павлу экипаж с лошадьми.

В Петербурге Густав больше месяца предавался увеселениям.

– Я люблю мир, – многозначительно сказала Екатерина Густаву на прощание. – Но в случае агрессии сумею защититься!

– Что вы, что вы! – замахал руками шведский король.

– Каков прохвост! – сказала Екатерина, когда карета с королем скрылась за поворотом дороги. – Ему нельзя верить ни на грош!

Сам Густав Третий встречей остался доволен.

– Кажется, я обманул московскую царицу! – сказал он, вернувшись домой, младшему из братьев, Адольфусу. – Путешествие удалось, и скоро мы будем пожинать плоды его!

Впрочем, Густав тоже попытался напустить дыма в глаза, всюду публично заявляя:

– Я в величайшей монархии узнал самую любезную женщину своего времени!

Сама же Екатерина была иного мнения о своем недавнем госте. Агенты в Норвегии почти сразу доложили ей о тайных интригах Густава в Норвегии. Это императрицу несколько не удивило.

– Я вижу, что молодой шведский король не придает никакого значения самым торжественным клятвам! И я вам ручаюсь, что этот король такой же деспот, как сосед мой, султан! – говорила она в близком кругу.

Густав мечтал, что отныне Екатерина будет прислушиваться к его мнению.

Но ожидания шведского короля не оправдались. Переписка короля и императрицы была и вправду весьма оживленная, но, к большому неудовольствию Густава, в своих письмах Екатерина говорила исключительно о воспитании своего старшего внука Александра, подробнейшим образом описывая порядок купания малыша, систему вентиляции воздуха в его спальне, нахваливала полезность прогулки с детьми в свежую погоду.

Положение Швеции было далеко не блестящее. Из года в год ее постигали неурожаи, народ откровенно голодал. А упрямый король Густав пускал все запасы хлеба на водку, чтобы не пустовала казна. Водкой можно было залиться. Этот период шведской истории получил впоследствии наименование «эпохи казенного пьянства».

Так шли годы. Монархи переписывались, обменивались поздравлениями, но глаз друг с друга не спускали. В 1783 году состоялась вторая встреча Густава и Екатерины. Снова обменивались любезностями. Сразу же после встречи шведский король поспешил заключить секретный договор – Людовиком Шестнадцатым, а Екатерина отдала распоряжение о немедленной инспекции всех северных крепостей. А для того чтобы кузен не потерял чувства реальности, она отправила ему письмо.

«Говорят, что вы намереваетесь напасть на Финляндию и идти прямо к Петербургу, по всей вероятности, чтобы здесь поужинать! – писала она с тонким ядом. – Я, впрочем, не обращаю внимания на такую болтовню, в которой выражается лишь игра фантазии».

Как известно, в сложнейших политических поединках первыми всегда скрещивают шпаги дипломатические посланники. В этой многолетней схватке русских дипломаты разили шведов наповал!

Первым поставил себя в особое положение в Стокгольме хитрый и ловкий граф Остерман. Немало труда стоило Густаву от него избавиться. Но уехал Остерман, приехал Марков, сразу же крепко взявший в свои руки вожжи политических интриг. Выпроводили Маркова, на смену ему заявился граф Алексей Разумовский, известный всей Европе как беспардонный и коварный интриган и ловелас.

– Я порой не понимаю, с кем я сражаюсь в своем парламенте! – негодовал король. – С моими заклятыми врагами – Акселем Ферзенем и семейством Браге или же с русским послом. Каждый миг я чувствую его присутствие за своей спиной. Это становится уже невыносимым!

На сейме 1786 года Алексей Разумовский с помощью своего союзника, графа Ферзена, и прорусской партии «шапок» с треском провалил в парламенте все предложения короля.

Кроме постоянно интриговавшей оппозиции, не все было ладно у короля и в его ближайшем окружении. Ни для кого в Швеции не было большим секретом, что Карл Зюдерманландский сам мечтал о престоле, а потому втайне радовался недовольству оппозиции своим старшим братом.

Но именно теперь король Густав решил, что час расплаты с Россией близок! В гаванях снаряжался многочисленный флот. Вышел указ о вербовке матросов. На главных площадях шведских городов вывесили желтые вербовочные флаги. Желающих идти на флот было немало. Рассудительные шведы понимали, что их заберут все равно, ну, а добровольцам платят несравненно больше. Помимо вербовочных матросов на флот мобилизовывали в полном составе команды купеческих судов, силой гнали жителей приморских сел, промышлявших рыболовством.

По дорогам гремели барабаны. Здоровые белобрысые солдаты орали во всю глотку:

*Кто хочет королю служить,
Тот должен быть счастливым.*

*Но нас давно не удивить,
Коль деньги проходят мимо!
Наш дикий майор хлещет вино,
А мы лишь воду из речки!
Спереди враг, сзади кулак.
Спеши к победе шведский солдат!*

Граф Разумовский, скривившись, прикрыл окно:

– Какой идиотизм! И после этого пусть кто-то мне еще скажет, что шведы – культурная нация!

Стекло дрожало от солдатского топота. Граф торопился на аудиенцию к королю.

– Ваше величество, чем вызваны ваши военные приготовления? – напрямую обратился он к Густаву, после взаимных приветствий. – И почему они проводятся сколь таинственно, столь и поспешно?

Алексей Кириллович Разумовский

– Только одним, – притворно вздыхал король. – Россия вооружает большой флот, и мы в такой ситуации просто вынуждены думать об усилении своей обороны!

– Но ведь о цели вооружения нашего флота вашему величеству хорошо известно! – напирал Разумовский. – Этот флот вскорости покинет пределы балтийские и уйдет в южные средиземноморские. Где же логика?

– Увольте меня от ответов на ваши дурацкие вопросы! – не выдержал, в конце концов, Густав. – Я болен и аудиенция окончена!

– Что ж, – объявил своим сотрудникам Разумовский, вернувшись в посольство. – Кажется, наступает жаркое время. Жгите декретные документы! Будем готовиться к войне! Впрочем, надо не иметь никакого здравого смысла, чтобы задирать Россию, когда у нас только в Пермской и Вятской губерниях людей поболее, чем во всей его Швеции!

Больше всего на свете шведский король любил пышные церемонии и празднества. И сейчас, когда в его жизни наступал момент, которого он ждал столько лет, и обставить его Густав Третий желал с максимальной пышностью.

– Война с Россией будет недолгой и веселой! – радовался он. – Мы просто прокатимся до Петербурга и вернемся обратно. Это будет триумф, достойный римских императоров, уж за это я ручаюсь!

Оптимизм монарха разделили, однако, далеко не все.

* * *

Задирать Россию было весьма опасно, но Густав все же на это решился. В тот день придворный банкир сообщил, что в казначейство через английские и прусские банки поступили обещанные деньги от султана Абдул-Гамида. То была плата за задержку на Балтике эскадры Грейга – пять миллионов звонким золотом. На эти деньги шведский король и собирался воевать.

Пересылка столь солидной суммы не осталась без внимания русской разведки. Но Екатерина поняла это по-своему:

– Густаву султаном плачены деньги, чтобы он нас страшал сказками о нападении, да чтобы мы, сиих сказок испугавшись, эскадру Грейговскую в пределы Медитеранские не пустили, а оттого султану в войне с нами послабление вышло. Но я сей хитрости не убоюсь и эскадру пошлю!

– Ну а ежели Густав не блефует, а действительно намеревается идти войной? – осторожно спрашивало Екатерину ближайшее окружение.

Та лишь отмахивалась, смеясь:

– Сей фуфлыга-богатырь только рыцарские романы читать и умеет, куда ему, сердешному, в настоящую драку!

Однако то, чего еще не видела императрица, было давно понятно нашему послу в Англии графу Воронцову, который имел от своих людей в парламенте информацию самую конфиденциальную.

– Сердце разрывается, когда я думаю об упрямстве в отправке эскадры в Архипелаг, когда новый враг на глазах всего света грозит кулаком в петербургские окна! – откровенничал он с посольским секретарем, закончив писание очередного секретного послания в столицу.

Волновался и гофмейстер Безбородко. По должности и чину он был всего лишь помощником при вице-канцлере, графе Остермане, но на самом деле все нити внешней политики были именно в руках этого хитрого малоросса.

– Спровадим Грейга, а тут и швед под Кронштадтом всею силой объявится! Чем оборонимся тогда? Оглоблями? – горячился он, то и дело подтягивая сползавшие шелковые чулки.

Генерал-поручик Михельсон с тревогой доносил из приграничного Вильманстранда, что шведы собирают на границе войска, а на озере Сайма готовят флотилию лодок. С чего бы это?

Наконец встревожилась и сама Екатерина. Архипелаг Архипелагом, но безопасность столицы была куда важнее. Пребывая в сомнениях, вызвала она в Царское Село Чичагова, которому поручено было возглавить Балтийский флот после убийства Грейга.

– Справишься ли в случае шведской агрессии собственными силами? – спросила она с нескрываемой тревогой вошедшего в приемную залу адмирала.

Чичагов был человеком бесхитростным и честным. Императрице он заявил с прямою обескураживающей:

– Даже ежели по всем сусекам скрести, то более пяти кораблей линейных не наскрести. А с таковыми силами можно лишь геройски помереть, но одолеть шведа никак, ибо против силы надобно выставлять таковую же силу, а оной у меня, увы, матушка, нету!

Адмирал Чичагов П.В.

И руки в стороны развел.

Отъезжая из Царского Села у въездных Египетских ворот встретил адмирал коляску генерал-аншефа и вице-президента военной коллегии Мусина-Пушкина, которая катила во дворец. Генерал вяло помахал Чичагову рукой. Оба прекрасно понимали в чем дело – Екатерина спешила узнать и о состоянии нашей армии и флота в балтийских пределах, чтобы принять какое-то важное решение.

Мусин-Пушкин тоже врать императрице не стал:

– Ваше величество, положение, прямо скажу, самое никудашнее. У нас вместе с гвардией наберется менее восьми тысяч, это даже ежели всем старикам гарнизонным да инвалидам ружья раздать. Против этого ополчения сиротского король шведский имеет до семи тысяч отборного десантного войска, гребной флот с армейскими командами да в Финляндии на границе в готовности полнейшей более двадцати тысяч испытанных ветеранов.

– Что же вы намереваетесь делать? – с грустью спросила императрица.

– Без боя мы, конечное дело, врагу земли нашей не отдадим! – почесал затылок генерал-аншеф, – но боюсь, что Петербург нам не удержать!

Последним в тот день к Екатерине прибыл главный кронштадтский начальник, вице-адмирал Пушин. Екатерина Пушина не любила, за что – и сама не знала, ну не нравился ей сей флотовождь – и все тут!

Изобразив любезность, она спросила нелюбезного Пушина:

– Ну что, Петр Иванович, удержишь ли шведа, коли тот нападать станет?

Пушин лишь вздохнул тяжело. Задумался. Не объяснять же императрице, что все лучшие пушки и канониров он давно передал на рейговские корабли, а ныне в крепости у него одни рекруты лопухие. Потом ответил. История сохранила нам доподлинный ответ вице-адмирала: «Ежели пойдет неприятель с десантом, то уж какой арсенал ни был, без людей ничего не поможет... Совершенная беда, когда Рейга упустим из здешнева моря!..»

Приезд Пушина окончательно склонил императрицу к мысли – Рейга в море Средиземное не отпускать!

Мусин-Пушкин Алексей Семёнович

Тогда же для наблюдения за шведским флотом были высланы в море дозорные фрегаты «Мстиславец» «Гектор» и «Ярославец». Лишний пригляд никогда не помещает!

* * *

В это время короля Густава занимали совсем другие дела, как сделать так, чтобы русские напали первыми. Тогда и в глазах европейских монархов он будет страдальцем, но самое главное, нападение русских заткнет глотки всем его недругам внутри страны и позволит единолично возглавить защиту страны. Однако русские, занятые своими делами на юге, не то что нападать не желали, но и вовсе не помышляли ни о какой войне. Это сильно огорчало короля Густава. Чтобы разозлить русского медведя, король, казалось, перепробовал уже все возможное. Где-то в середине апреля предприняли даже попытку организовать бой на границе. Для этого шведские передовые посты внезапно двинулись вперед и заняли всю нейтральную территорию в надежде, что русские затеют спор. Но тщетно, последний упорно делали вид, что ничего не происходит. И тогда, посоветовавшись со своим другом, графом Стединком, Густав решился на крайнюю меру. По его тайному приказанию несколько лично преданных ему гвардейских офицеров приступили к подготовке секретной операции. Прежде всего, из столичного театра они изъяли бывшие там казачьи костюмы. Другую часть русских мундиров срочно сшил известный стокгольмский портной Линдгрэн, за что ему щедро было заплачено золотом, а затем за молчание даден и немалый чин директора. Местом диверсии определили затерянное в финляндской глубинке местечко Думала, что на берегу пограничной речушки Вуоксе. Там переодетым в русскую форму офицерам предстояло разорить несколько окрестных деревушек и вступить в перестрелку со шведскими форпостами.

Сгорая от нетерпения, Густав отправился в Свеаборг, чтобы быть поближе к месту будущего маскарада. Рядом с ним всегда его фаворит и неизменный советчик – барон Густав-Маврикий Армфельд. Ревнуя к брату, барона люто ненавидел герцог Карл. Армфельд платил ему тем же.

Но вот наконец и Свеаборг. На фронтоне главной крепости короля встречала выбитая в камне надпись: «Собственность шведской короны».

Не теряя времени, Густав тотчас выслал курьера в Пумалу к Стединку с приказом весьма лаконичным: «Начинай!»

Затем, собрав генералов, велел им готовиться к походу на Петербург.

– Но нужен хотя бы формальный повод! – заволновались генералы. – Нас же осудит вся Европа!

– Повод будет! – оборвал их король. – Екатерина не хочет войны с нами, но она должна будет воевать! Мы должны быть твердыми, как железо, и безжалостными, как выпущенное из пушки ядро! Никто не может уйти от своей судьбы!

Эх, знал бы он свою собственную судьбу...

Там временем в Думала граф Стединк приступил к выполнению своего тайного плана. Вначале он снял с границы несколько форпостов и переодетые в казаков офицеры ушли на нейтральную территорию. А наутро последовала и лихая «казачья» атака. Подпаливая деревенские дома, шведы непрерывно кривлялись и корчили самые зверские рожи (так, по их мнению, должны были выглядеть настоящие казаки), а затем для пущей убедительности кричали каждому из увиденных крестьян:

– Я ест казак звер!

Поджегши все, что им было положено, гвардейцы лихо постреляли холостыми зарядами в мелькавших на опушке солдат и с криком скрылись в нейтральном лесу, чтоб затем в отдалении незаметно вновь пересечь границу. Довольный Стединк, самолично наблюдавший все

это красочное действо, тут же отправил записку королю: «Ваше величество! Дело сделано. Сто человек шведских солдат могут свидетельствовать о том, что неприятель открыл военные действия в шведской Финляндии...»

А спустя пару дней уже все шведские газеты извещали, что утром 24 июня 1788 года русские казаки тайком перешли речку Вуоксу, напали на шведский форпост, а затем, произведя разнузданный грабеж, сожгли дотла две деревни.

Прочитав газеты, Густав вышел к построенным войскам, картинно поднял вверх сжатые кулаки, провозглашая:

– Какая неслыханная наглость! Какое вероломство! Подумать только, что я так верил в порядочность Екатерины! Оставить такую дерзость без наказания просто невозможно! На этот вызов русские получат достойный ответ!

Затем, вновь собрав свой генералитет, поглядел на него с ухмылкой:

– Итак, нападение свершилось. Свидетелей тому имеется во множестве. А посему войну можно считать уже начатой. С чем, господа, я вас и поздравляю! Но я приготовил моей кузине еще одну пилюлю, ультиматум, от которого у нее пойдет кругом голова!

В тот же день батальон за батальоном потянулись к границе. Третья русско-шведская война за восемнадцатое столетие, война реванша началась.

Пройдет еще совсем немного времени – и «шведская сказка», названная так Екатериной Второй, при селении Думало еще аукнется шведам, но пока король был еще полон самых радужных надежд и едва успевал подписывать боевые приказы.

В те дни в послании к своему другу, барону Армфельду, шведский король напыщенно писал: «Мысль о великом предприятии, которое я затеял, весь этот народ, собравшийся на берег, чтобы проводить меня и за который я выступал мстителем, уверенность, что я защищу Оттоманскую империю и что мое имя сделается известным в Азии и Африке, все эти мысли, которые возникли в моем уме, до того овладели моим духом, что я никогда не был так равнодушен при разлуке, как теперь, когда иду на грозящую гибель».

Еще не начав войны, Густав завез в Финляндию несколько возов поддельных екатерининских медных пятаков, чтобы расплачиваться с финскими крестьянами, которые всегда особо охотно брали русские деньги.

В те дни подставился под удар и наш посол в Стокгольме граф Андрей Разумовский. Будучи прекрасно осведомленным о подготовке Швеции к войне и зная о том, что против этого выступает влиятельная оппозиция в парламенте, Разумовский напрямую обратился к ней с призывом выступить против короля. Густав был взбешен:

– Русский посол возглавил в моей стране заговор против меня! Он жаждет отделить короля от его народа, но этому не бывать! Передайте графу, что он должен покинуть Стокгольм в течение недели.

В своей ноте Густав именовал Швецию империей. Это вызвало смех у Екатерины, которая, качая головой, говорила:

– Вот насмешил так насмешил! Куда конь с копытом, туда и рак с клешней!

Императрица, как опытный игрок, мгновенно отреагировала и предложила немедленно покинуть Петербург шведскому послу – барону Нолькену.

– Обмен фигурами уже произошел! – констатировала Екатерина. – Посмотрим, каким будет следующий ход нашего оппонента!

Впрочем, ловкий Разумовский и здесь обхитрил шведского короля. Выправив себе задним числом отпуск, он остался в Стокгольме, к огромному неудовольствию Густова, как частное лицо, не прекращая, разумеется, своих встреч с «шапками».

Признаем, что, вмешиваясь во внутренние дела шведов, Разумовский превысил официальные полномочия, но признаем и то, что так во все времена действовали все умные послы.

В своем нелепом ультиматуме Екатерине Второй шведский король потребовал наказания Разумовского «примерным образом», а также возвращения Швеции земель в Финляндии и Карелии, закрепленных за Россией Ништадтским и Абовским договорами, кроме этого принятия шведского посредничества в войне России с Османской империей, причем предупреждал, что Россия обязана вернуть туркам все Северное Причерноморье, Крым и Грузию. Заканчивалась нота ультимативным требованием: «Король желает знать: да или нет, и не может принять никаких изменений в этих условиях, не нарушая интересов и достоинства своего народа».

Озадаченная столь безумными притязаниями, Екатерина показала ультиматум французскому послу, графу Сегюру.

Тот, прочитав, покачал головой:

– Мне кажется, государыня, что шведский король, принял свои детские мечты за реальность. Тон его письма таков, будто он уже победил вас, как минимум, в трех генеральных сражениях!

– О чем вы говорите! – раздраженно махнула раскрытым веером императрица. – Если бы даже он в самом деле одержал три победы и даже овладел Петербургом с Москвой, я бы еще ему показала, что может сделать во главе храброго и преданного народа решительная женщина!

На ноту барона Нолькена относительно трех главных требований вице-канцлер Безбородко, вызвав его к себе, ответил более чем лаконично:

– Нет, нет и нет!

Главные силы шведской армии уже собирались в крепкий кулак напротив Фридрихсгама – важнейшей русской крепости на пути к Петербургу, вспомогательный корпус одновременно приступал к атаке другой русской крепости – Нейшлота, что прикрывала русскую границу со стороны Северной Финляндии.

«Просто неслыханные вещи рассказывают про шведского короля, – писала Екатерина в те дни своему европейскому корреспонденту Гримму. – Представьте, говорят, будто он хвастает, что приедет в Петербург, велит низвергнуть конную статую Петра I, а на ее место поставит свою».

Отъезжая из Стокгольма, король заявил дамам, что надеется дать им бал в Петергофе и приглашал всех на молебен в Петербургском соборе.

Перья и чернила были уже ни к чему, наступало время пушек!

* * *

Еще в 60-х годах в Швеции по предложению адмирала Эренсверда было настроено немало весьма необычных судов с самими разнообразными названиями: хеммемы и турумы, удемы и т. п. Эренсверд мечтал, что новоизобретенные парусно-гребные суда заменят отжившие, по его мнению, парусные линейные корабли и обеспечат шведам господство на морях. В Европе все с интересом наблюдали за смелым шведским экспериментом, но копировать скандинавскую экзотику с их хеммами и турумами пока не спешили.

Карл Август Эренсверд

Уже много лет шведский флот был разделен на несколько частей: корабельный флот, стоящий в Карлскруне, галерный флот в Стокгольме и шхерный флот в Гельсингфорсе.

К предстоящей кампании для увеличения боевой мощи все линейные корабли шведов были вооружены, как говорится «до зубов», имея на нижних палубах 36-фунтовые орудия, а на верхних – 24-фунтовые. Матросы были опытны, а командиры кораблей решительны. Столь мощного и боеготового флота Швеция не имела еще никогда за всю свою историю.

Уже в мае готовый к отплытию шведский корабельный флот стоял на рейде Карлскруны. По королевскому указу корабли снабдили трехмесячным запасом провианта и посадили десантные полки: Генкепингский, Кальмарский, Вестгетадальский да королевский гвардейский. Именно им Густав Третий уготовил высокую честь первыми ворваться в поверженный Санкт-Петербург. Кроме них в море был послан еще один полк – вербовочный, наскоро собранный из самого отъявленного сброда: каторжников, бродяг и безродных негодяев. Боевой значимости это воинство не имело никакой, но, по мнению шведского короля, вступив на русскую землю, они должны были просто грабить и насиловать, чем повергнуть в ужас петербургских обывателей. Но пока шведский люмпен наводил ужас на своих сограждан, устраивая дикие дебоши в портовых кабаках с драками и поножовщиной.

28 мая на эскадру прибыл младший брат короля, герцог Карл Зюдерманландский. Флаг его подняли на 74-пушечном «Густаве Третьем». А на следующий день прикатил в коляске из Стокгольма и сам король. Наскоро осмотрев корабельную верфь, Густав собрал на флагманском корабле своего имени всех капитанов.

– Главное в предстоящем нападении – скрытность и быстрота! – заявил он собравшимся. – В этом успех предприятия!

Немедленно наполнили бокалы пенящимся шампанским. Капитаны кричали «прозит», а осушив бокалы, лихо били их об палубу на счастье. Пожелав всем успеха, король отъехал.

Опасаясь российских лазутчиков, в море тогда же были высланы дозорные фрегаты, по побережью назначены сигнальные станции, а на карлскрунских бастионах зарядили пушки.

На военном совете герцог вручил каждому из капитанов по объемистому пакету, щедро обляпанному красным сургучом. Их надлежало вскрывать в случае отделения от эскадры. Затем Карл вывалил на стол связку бумажных рулонов.

– Это первые оттиски секретных карт Финского залива. Столь точных чертежей нет даже у самих русских. Берите и пользуйтесь. Завтра выходим в море! – объявил он.

Однако ни завтра, ни послезавтра выйти в море шведам не удалось. Как назло, дул устойчивый норд-норд-вест и оставалось лишь ждать его перемены. Но вот, наконец, спустя неделю ветер переменялся и шведский флот в полном составе величаво проследовал мимо Карлскруны, беря курс на Гогланд.

Едва скрылся берег, герцог велел играть артиллерийское ученье. Всполошив сонных чаек, заухали пушки.

Герцог Карл Зюдерманландский был мужчиной видным, держался всегда гордо и уверенно, имея притом и немалый масонский градус. Самым пикантным в масонских делах Карла Зюдерманландского было то, что он являлся главой шведской ложи, которой подчинялось большинство масонских лож России, в том числе и кронштадтская ложа «Нептуна», куда входил почти поголовно весь адмиралитет Балтийского флота. Называя вещи своими именами, командующий шведским флотом одновременно мог руководить по масонским каналам и российскими адмиралами. При этом Екатерина Вторая почему-то считала Карла Зюдерманландского заядлым якобинцем.

Герцог Карл Зюдерманландский

Склонный к театральным эффектам и самолюбованию, младший брат короля был не слишком разборчив в советчиках. К льстецам и подхалимам герцог относился с уважением, будучи весьма падок на комплименты. По этой причине все время вокруг Карла вилось множество проходимцев. Так, выдававший себя за португальского барона проезжий еврей Виталь без особого труда всучил Карлу на вооружение флота три миллиона гульденов под невероятно чудовищный процент. На законное недоумение своих финансистов герцог лишь пренебрежительно отмахнулся:

– Не глупее вас! Все расходы с лихвой вернем за счет русских богатств, Россия – это бездонная бочка!

Делами государственными, впрочем, Карл Зюдерманландский себя особо не обременял. Все, что поручал ему старший брат, герцог, в свою очередь, старался тотчас перепоручить своему любимцу – барону Рейтергольму, говоря при этом неизменное:

– Вот эти бумаги бери, ступай и бди, я же буду думать о судьбах Швеции!

– Дозволено ли будет принести вам на подпись? – склонял барон длинные букли своего парика.

– Еще чего! Сам за меня и распишешься! – нетерпеливо махал ему рукой герцог.

В ту пору герцог пребывал в полнейшей хандре. Дело в том, что его давняя пассия, томная и белокурая фрейлина Рудельшельд, внезапно изменила ему с красавцем-генералом Армфельдом. Этой пикантной новостью упивался весь королевский двор. Над неудачником герцогом смеялись почти открыто, только что пальцами не тыкали, а потому, отлеживаясь целыми днями в постели, Карл Зюдерманландский строил планы мести своему более счастливому сопернику.

Что касается Густава Третьего, то король из Карлскруны поспешил в Финляндию, чтобы принять командование тамошними войсками. Накануне финляндская армия получила приказ начать наступление и собралась под начальством генерал-майора Армфельдта, на реке Кюмень, особая бригада на северо-востоке, у селения Святой Михель. Этой особой бригадой командовал майор, барон фон Спренгпортен. Восемь лет назад Спренгпордтен вышел в отставку и с тех пор непрестанно возбуждал финское дворянство бороться за независимую Финляндию. Теперь же с началом войны был снова призван в строй. Впрочем, король был весьма наслышан о закоренелом сепаратисте и не слишком ему доверял.

* * *

Немецкий историк пишет относительно шведов: «После королевского смотра флот 9 июня вышел в море; тайна военных планов была настолько хорошо сохранена, что о назначении флота никаких сведений не имелось. Дух экипажа был прекрасный; многие офицеры имели за собой службы в иностранных флотах и приобрели необходимый опыт плавания на коммерческих судах. Флот был в хорошем боевом порядке. Разведочные суда вышли заблаговременно вперед с запечатанными пакетами.

По пути флот, шедший в 3-х колоннах, производил эволюции и маневры с холостыми зарядами; через пять дней пришло известие, что король 19 июня выступает из Стокгольма с галерным флотом и армией».

Впереди шведского флота ходко бежал разведчик – легкий корвет «Патриотен». За ним в трех дивизионных колоннах следовал флот шведского королевства. В первой колонне корабли: «Принц Густав», «Густав Адольф», «София Магдалена», «Елизавета Шарлотта», фрегаты «Минерва», «Грипан», «Ярромес». Вел первую дивизию командующей эскадрой – полковник Карл Вахтмейстер. Во второй колонне держали кильватерный строй: «Дюгдан», «Эран», «Ферсиктихетен» и «Федернес-ландет» с фрегатом «Фрея». Эту колонну вел старый и испытанный капитан Дюден Раабе. И, наконец, третью колонну составляли: «Густав Третий», «Ваза», «Эмгейтен», «Ретвизан», при них фрегат «Тетис». Эту дивизию возглавлял командующий флотом – генерал Врангель. Вместе с ним на флагманском «Густаве» разместился со своим штабом и герцог Зюдерманландский.

Герцог вывел в море самые боеспособные корабли. Еще с десятков их осталось в портах. Верфи просто не справлялись со столь огромным объемом работ. Оставшимся линкорам велено было догонять флот самостоятельно по мере готовности.

За Готландом Карла догнала почтовая яхта. Ее изнуренный бешеной гонкой капитан, прибыв на флагман, вручил герцогу королевский пакет. Густав извещал брата, что намерен в самое ближайшее время отбыть в Финляндию с галерным флотом и армией. Ниже сообщалось, что, по сведениям лазутчиков, русские лихорадочно снаряжают свой флот, но им не хватает ни людей, ни пушек. Однако, прочитав письмо брата, Карл не нашел самого главного, что ждал – разрешения на начало боевых действий.

– Что ж, – недовольно пробурчал он, передавая письмо своему секретарю. – Будем ждать новых вестей от его величества!

Ветер между тем вновь поменялся на противный и весьма препятствовал движению флота к Финскому заливу. Лишь 21 июня шведы подошли к Дагепорту. Здесь Карлу Зюдерманландскому пришлось изрядно поволноваться. Внезапно дозорная яхта «Снапоп» донесла, что невдалеке следуют в Кронштадт торговые суда.

– Если они увидят нас, внезапность будет потеряна! – раздраженно бросил генерал Врангель.

Но Бог в тот день был на стороне шведов. Невесть откуда появился густой туман. В мано-
вение ока он скрыл корабли герцога от посторонних глаз. Брат короля был не чужд предпри-
имчивости.

– Кажется, погода сослужит нам сегодня неплохую службу! – заявил он своему флаг-
капитану Норденшельду. – Приказываю нести все возможные паруса и держаться к зюйд-весту
за торгашами. Как только туман спадет, мы хорошенько их потрепем!

Но когда к ночи дымка немного рассеялась, то, к своему изумлению, шведы увидели
вместо торговых судов русские боевые корабли. То был спешивший к Копенгагену передо-
вой отряд российской Средиземноморской эскадры под флагом вице-адмирала Фондезина: три
100-пушечных линейных корабля и четыре груженных припасами транспорта. Карл Зюдер-
манландский опустил зрительную трубу:

– Такое везение бывает только раз в жизни! Это просто подарок судьбы!

Прибавляя паруса, шведы торопливо ворочали на зюйд-вест. Вперед остальных по
команде с флагмана устремился фрегат «Тетис». Подскочив на голосовую связь к передовому
русскому кораблю, его капитан на скверном русском потребовал немедленной салютации коро-
левскому флагу.

Дело в том, что, когда первые восторги от встречи со столь малочисленным русским отря-
дом улеглись, герцог с генералом Врангелем трезво оценили ситуацию. В результате совеща-
ния выяснилось, что ни с того ни с сего нападать на русских весьма опасно, ведь война еще
не объявлена, а нападение до ее объявления граничило с пиратством. И что будет, если гер-
цог все же нападет, а его брат в последний момент передумает объявлять войну? Тогда про-
изойдет грандиознейший скандал и царица Екатерина потребует Карла на заклянье. Короче,
чтобы напасть на русских, должен быть весомый предлог, а лучший предлог – это потребовать
от них действий самых унижительных, на которые они явно не пойдут. Тогда-то, считая себя
оскорбленными, можно будет и открывать огонь. Немного поразмыслив, Карл решил избрать
поводом к драке требование салютации своему флагу, что русские корабли доселе, согласно
петровскому уставу, никогда не делали первыми.

– Посмотрим, как эти кронштадтские мореходы сейчас зачешут свои затылки! – улыба-
ясь, поддакивал герцогу его флаг-капитан Норденшельд. – Его высочество может уже считать,
что королевский флот пополнился тремя новыми превосходными кораблями!

Томительно тянулись минуты. «Тетис» резво бежал «ноздря в ноздю» флагманской
«Чесмы». На шканцах русского флагмана тем временем лихорадочно совещались, как быть.
Офицеры «Чесмы» были настроены решительно:

– Плевать нам на шведские претензии, чихать и на флаг королевский!

Не положено по уставу морскому наперед салютовать нам, кому ни попадя! А уж ежели
так шведам нейдется, то за свою честь мы всегда постоять сумеем!

Иного мнения был один лишь начальник отряда – вице-адмирал Фондезин:

– Конечно, господа, салютовать этому наглецу принцу нам зазорно, – рассуждал он вслух,
вытирая батистовым платочком вспотевшее от волнений лицо. – Однако, с другой стороны,
и ввязываться в драку с ним нам тоже ни к чему, он ведь, негодяй, только того и ждет! К
тому же трюмы наши полны припасов экспедиционных, случись что с нами – и весь поход
Средиземный прахом пойдет, погибнет дело великое! А ведь там, на равнинах дунайских, уже
кровушка вовсю льется!

– Не посмеет швед напасть на флот российский! Гангут и Гренгам он помнит вечно! –
горячились молоденькие мичмана.

– Еще как посмеет! – заверил их Фондезин, посвященный перед отплытием в некоторые
тонкости большой политики.

– Что же делать? – мрачнели офицеры.

– Что, что, – вздыхал им вице-адмирал в ответ. – Следует нам этого Карлу перехитрить. Но сие не просто будет, ибо принц шельма известная!

На шведский фрегат Фондезин прокричал, что рад был бы всей душой отсалютовать его королевскому величеству, но только как младшему родственнику российской императрицы. «Тетис» немедленно повернул обратно.

– Вот как следует разговаривать, – наставительно разъяснял обступившим его офицерам вице-адмирал. – Мы и не согласились, но и не отказались. Посмотрим, как сию пилюлю Карла проглотит!

Время тянулось томительно. Пробыли полную рынду и вахтенные штурмана перевернули песочные часы. Шведский флот по-прежнему безмолвно лежал на параллельном курсе. Из его открытых портов торчали жерла пушек.

Ответ Фондезина пришелся принцу не по душе. Карл Зюдерманландский долго думал, морща лоб. Взвешивал все за и против.

– Я изменил свое решение, – заявил он наконец. – Передайте русским, что королевский салют мне уже не нужен! Я требую салютации в свою честь!

– Будет исполнено! – отозвался капитан «Тетиса» и тотчас помчался к «Чесме».

Тем временем, воспользовавшись изменившимся ветром, Фондезин попытался оторваться от шведов. Однако из этой затеи ничего не вышло. Карл Зюдерманландский был бдителен. Шведские корабли по сигналу своего флагмана немедленно перестроились в линию баталии. Авангард полковника Вахтмейстера лихо прорезал русскую колонну. Маневрировали шведы великолепно, будто играючи выполняя сложнейшие эволюции. Орудия шведов, правда, пока не были выкаченными, что несколько успокаивало, однако верхние реи на линейных кораблях уже были закреплены железными цепями (что делалось только перед боем), и это настораживало.

– Ай-яй-яй! – не на шутку испугался Фондезин. – Сейчас зададут нам на орехи. Отсалютовать этим негодьям пятнадцатью залпами немедля!

Офицеры «Чесмы» были злы. Они предпочитали бой. Но делать нечего, приказ есть приказ!

Прогрохотав верхними деками ровно пятнадцать раз, русские корабли тотчас отвернули на южные румбы и, неся все возможные паруса, устремились в отрыв от шведского флота. Офицеры и матросы короля свистели и кричали им вдогонку обидные слова. Еще бы, ведь вид униженного недруга всегда приятен!

Не до смеха было лишь Карлу Зюдерманландскому. Вцепившись руками в шканечный планширь, он терзался сомнениями: напасть на русских или нет? В том, что не сегодня-завтра грянет война, герцог не сомневался. Но ведь король все еще молчит, и кто знает, вдруг императрица Екатерина все же приняла ультиматум Стокгольма? С каждой минутой русские уходили все дальше и дальше.

– Отсалюуйте ответно! – наконец выдавил из себя герцог и, сплюнув в сердцах за борт, удалился к себе в салон.

В этот раз осторожность взяла верх над решительностью. Прогрохотав восемью холостыми залпами, шведский флот отвернул на норд. Когда паруса королевских линкоров исчезли с горизонта. Фондезин повеселел. Расхаживая взад-вперед по палубе, он рассуждал, довольный:

– Черт с нею, с гордостью! Зато сейчас, целехоньки да живехоньки, плывем себе к Зундам, а там, что бог даст!

Что ж, вице-адмирал мог вполне поздравить себя с несомненной удачей, ведь ему удалось вырвать свои корабли из почти совершенно безвыходного положения. Хуже иное! Отныне и навсегда Фондезин станет панически бояться встречи со шведским флотом...

– По прихоти его высочества мы потеряли счастливый случай, который судьба дарует лишь единожды! – недовольно бросил он своим штабным, когда герцог покинул палубу. – Последствия этой ошибки еще не раз дадут себя знать!

У Борнхольма отряд Фондезина еще здорово потрепало штормовым ветром и только 24 июня русские корабли благополучно бросили якоря у Копенгагена. Балтийское море осталось позади. В первый же день стоянки вице-адмирал отправил в столицу подробнейший отчет обо всех перипетиях плавания.

К всеобщему изумлению, Екатерина исходом встречи со шведским флотом осталась недовольна.

– Надобно было все ж проучить дерзость шведскую ядрами! – заявила она вице-президенту Адмиралтейств-коллегии Чернышеву.

Граф Иван соглашался, головой кивая. На душе его было покойно. Корабли Фондезина уже стояли под охраной копенгагенских фортов. И три сохранных 100-пушечных линкора были сейчас для него куда важнее, чем соблюдение буквы морского церемониала.

– Время все расставит по своим местам! – философски заметил граф императрице, покидая ее.

Что касается шведского флота, то Карл Зюдерманландский, разминувшись с Фондезиным, поспешил к Гангутскому мысу. По пути ему снова представился случай нанести урон российскому флоту и этого шанса герцог уже не упустил.

В ночь на 27 июня в пасмурную погоду два дозорных фрегата «Ярославец» и «Гектор» слишком близко подошли к шведам, были застигнуты тихим восточным ветром. Наши о начале войны ничего не знали, а потому, как и положено, командиры фрегатов бодро отсолютовали брату короля одиннадцатью залпами, после чего были окружены шведским флотом и захвачены. При послевоенном разбирательстве командирам фрегатским, того, что не дрались до конца и пленения никто в вину, впрочем, не поставил. Дело в том, что фрегаты имели на борту несколько десятков морских кадет, проходящих морскую практику. Бросать мальчишек в огонь на заведомую смерть командиры не решились, и в том были оправданы. Что касается попавших в плен мальчишек, то те горько плакали. Позору плена они предпочли бы героическую смерть. И теперь, вместо того чтобы драться с врагом, им до конца войны надлежало сидеть в плену. То-то будут потом насмехаться над ними дружки-сотоварищи, в это треклятое плавание не попавшие! Офицеры-воспитатели, бывшие при кадетах, как могли, их успокаивали:

– Ничего, сынки, на ваш век войн еще хватит! Вон сколько у России вокруг недругов, то один, то другой в бок вцепиться норовит!

Но попробуй успокой мальчишку, которому всего пятнадцать, а мечта одна – драться и побеждать во славу Отечества на морях и океанах!

Захватив «Ярославец» и «Гектор», Карл Зюдерманландский проследовал к Гангутскому мысу, контролировавшему вход в Финский залив, где и бросил якорь, прикрывая морской фланг. Через день мимо флота прошла под штандартом короля шхерная флотилия в 85 вымпелов с 12-тысячным десантом. На следующий день Густав Третий высадился с войсками у Гельсингфорса, собрав там более 40 тысяч штыков. Теперь следующий ход был за принцем Карлом, который должен был поставить России шах – разгромить русский флот. После этого следовал уже и мат – высадка десанта в районе Петергофа и стремительное наступление на Петербург.

27 июня в день Полтавской победы императрица Екатерина Вторая подписала указ о войне со Швецией.

– В этом я вижу добрый знак! – сказала она.

* * *

В Кронштадт в те тревожные дни понагнали рекрутов, которых лихорадочно обучали азам матросского дела. За красотью уже не гнались, лишь бы суть усвоили. Намного хуже дело было с офицерами. Вахтенного начальника за три недели не сделать, тут годы нужны. Кликнули из поместий с десятков отставных лейтенантов, взяли и несколько торговых капитанов, но всего этого было слишком мало для комплектации большого флота. Тогда пошли на меру крайнюю и вынужденную.

В Морском корпусе на плацу построили гардемариников.

– Кому пятнадцать и более годов, ходи вперед!

Вышли и те, кому было пятнадцать и более, а вместе с ними и те, кому на самом деле было и менее. Не отставать же от товарищей!

Барабанщик ударил в палки сигнал «внимание всем». После чего директор корпуса зачитал наскоро написанный гардемаринский список.

– Волею ея императорского величества все нижепоименованные господа гардемариники с сего дня зачисляются в действующий флот «за мичманы», с последующим производством в оный чин по достижении шестнадцати годов!

Новоиспеченные офицеры кричали «ура» и высоко вверх подбрасывали свои треуголки. Кадеты младших классов, присутствовавшие при сем действии, рыдали навзрыд от мальчишеской зависти. Им-то снова предстояло идти в классы и зубрить геометрию с тригонометрией.

В тот день все новопроизведенные были расписаны в Кронштадт и Ревель. На флоте малолетних офицеров встретили весело, изгаляясь в прозвищах. Если на линейных кораблях мальчишек «за мичманов» тут же прозвали «ни то ни се», то на фрегатах и других малых судах – херувимами. Мальчишки, впрочем, не обижались, главное, что теперь они попали на настоящую войну, а уж там они всем на деле покажут, на что способны!

В портовых конторах новоиспеченных мичманов быстро распределили по кораблям и фрегатам. У большинства прибывших на флоте или отец, или брат, а у кого-то и вся родня, до троюродных дядьев включительно. Никто этому не удивляется, на русском флоте служат не только семьями, но и целыми родами! Родственные связи всегда помогают. Недаром на флоте говорят, что если ты имеешь двоюродным братом адмиральского кота, то и это сослужит тебе хорошую службу.

Мичмана-мальчишки трогательны и непосредственны. Все, как старые капитаны, они левой рукой придерживали свои новенькие кортики, а правую, со значением, держали за пазухой. Треуголки на головах, как у испытанных зейманов, развернуты концами «в корму» и «в нос», так, что золотые кисточки болтались между глаз. На ногах у всех громко скрипели новые лакированные башмаки с начищенными медными пряжками, а на новых мундирах еще ни одной пылинки.

Капитан-лейтенанты (старшие офицеры), собрав подле себя вчерашних гардемариников, наставляли:

– Запомните, что в мичманском чине преступление – даже смотреть на адмиральскую собаку! Все исполнять надлежит молча и быстро, всему учиться быстро и толково! Вопросы?

Вопросов не у кого не было. Чего спрашивать, все и так понятно – началась настоящая корабельная служба.

Прибывших, как самых младших, определяли командовать брамселями, заведование не слишком большое, но опасное, все время под небесами, впрочем, пока ты молод, об опасности думается меньше всего.

Мичманская выгородка-берлога располагалась в жилой палубе напротив кают-компаний по левую сторону от грот-мачты. В берлоге всегда темень, да и запах оставляет желать много

лучшего, так как маленький световой люк ее почти не освещает и не вентилирует. Посреди берлоги подвесной деревянный стол, застеленный грязной скатертью. На столе медный подсвечник с оплывшей свечой. Вокруг рундуки, сколько рундуков, столько и мичманов. Более старшие офицеры зовут мичманскую выгородку не иначе, как зверинцем. Впрочем, нет такого флотского офицера, который не отдал бы зверинцу несколько лет своей жизни.

Разобравшись с жильем, новоприбывшие мичмана гурьбой полезли на грот-марс, где их уже с нетерпением ждали марсовые. Сегодня их день! Впервые забравшись на грот-марс, новый мичман обязан дать марсовым хотя бы гривенник. В пять часов пополудни обед в кают-компании. На английском флоте мичманов не считают за офицеров, потому вход в кают-компанию им заказан и питаются мичмана английские у себя в каморке. На русском же флоте мичман – полноправный офицер и пользуется всеми правами, зато и спрос с него тоже по полной, как с офицера. Сегодня в кают-компании присутствует капитан, посему он один и говорит, лейтенанты лишь поддерживают разговор. Что касается мичманов, то они, в основном, молча орудуют ложками, вилками и рюмками (когда последнее дозволяется). Их время говорить за общим столом еще не настало. Впрочем, все они отныне члены особого кают-компанейского братства.

* * *

Во главе импровизированной армии, которой предстояло защитить Петербург от шведского вторжения, был неожиданно для всех поставлен член Военной коллегии – генерал-аншеф граф Мусин-Пушкин.

Отец генерал-аншефа Валентина Платоновича Мусина-Пушкина, будучи сенатором, пострадал во время бироновщины, за что сын был благодетельствован вначале императрицей Елизаветой, а потом и Екатериной. К тому же, помимо всего прочего, Мусин-Пушкин оказал во время государственного переворота в 1762 году императрице немалую услугу, и Екатерина всегда считала себя в долгу перед генералом.

На войне Мусин-Пушкин лично был храбр, но уже в молодые годы отличался нерешительностью. При всем этом уже в 1782 году по случаю двадцатилетия восшествия на престол Екатерина дала ему чин генерал-аншефа, а потом определила и генерал-адъютантом при великом князе Павле Петровиче.

В 1786 году после отъезда из Петербурга Потемкина Валентин Платонович был назначен вице-президентом Военной коллегии, а затем стал и членом личного совета императрицы Екатерины Второй.

– Не приложу ума, кого поставить на финляндскую армию! – говорила в сердцах Екатерина, перебирая все возможные кандидатуры на столь ответственный пост.

Выбирать, и вправду, ей было не с кого. Лучшие: Румянцев, Суворов, Репнин и Долгоруков, – все дрались с турками.

В гвардейских полках в те дни солдаты распевали новую песню:

*Густав шведский, вот те раз, пошел с дракою на нас,
Государыня сердится и надрать его грозитя:
«Ох, вы гой еси, мои слуги, слуги верные мои!
Вы подите, приведите Суворова-графа ко мне».
Вот приходит граф Суворов к государыне самой.
«Уж ты гой еси, государыня, не страшия ничего.
У нас есть чем принять, есть чем подчивать его!»
С предводителем таким воевать всегда хотим».*

Но Суворова забирать с турецкого фронта не решились. Остававшийся в столице Брюс, по выражению императрицы, «не имел головы», то есть был бестолков, с графом Ангальтом Екатерина просто пребывала в ссоре, граф И.П. Салтыков, по ее определению, был «плут и упрям», а Н.И. Салтыков должен был представлять в Военной коллегии и за президента, и за вице-президента.

По всему выходило, что, кроме Мусина-Пушкина, на армию и ставить некого.

Из воспоминаний современника: «Граф Валентин Платонович имел чрезвычайно доброе сердце, был ласков, обходителен со всеми, отличался благородным образом мыслей, честнейшими правилами, достигал желаемого терпением; в молодых годах был счастлив, любим прекрасным полом; собою видный, роста высокого, красивой наружности, но в старости пополнился, сделался сутуловат, имел лицо красноватое, покрытое угрями; должен стоять наряду более с искусными царедворцами, нежели с победоносными вождями, по нерешительности своего нрава».

Честно говоря, воевать Валентин Платонович и сам не любил. Более всего на свете обожал он дремать в пуховых перинах и поглощать домашние курники под вишневую наливку.

– Конечно, Мусин-Пушкин не Юлий Цезарь, – признавалась императрица. – Но попробуем обойтись тем, что имеем!

– Никаких побед от сего воеводы мы не дождемся! – был полностью с ней согласен и Безбородко. – Лишь бы шведов из лесов не выпустил, и за то мы ему поклонимся!

Командующим артиллерией определили генерала Христофора Эйлера, сына великого математика и самого первоклассного артиллериста.

– Если будет нужда, я сама пойду в бой в последнем батальонном каре! – заявила без всякой рисовки Екатерина Вторая. – Если бы он даже захватил две наши столицы, я бы показала ему, что может мужественная правительница, стоящая на развалинах своего государства!

В виде особой милости впервые со времен Петра было велено рекрутам лбов не брить!

Из Петербурга выгребали в те дни все, что было возможно. В солдаты хватали прямо на улицах. Со всех губернских городов забрали ямщиков. Те съезжались на своих мохнатых лошадаках с засунутыми за кушаки кнутами. Собирая в сотни, им давали пики. Ямщики – люди обстоятельные, на войну они ехали, как на работу. Долго думали, как писать ямщиков, в конце концов решили писать казаками!

Из праздношатающихся столичный полицмейстер Архаров сколотил два эскадрона. Их так и называли – архаровцы.

Несколько цыганских таборов решили вдруг объявить себя гусарами и отправились на фронт в полном составе с женами, стариками и детьми. Толку от этих гусар было немного, зато шума и гама более чем достаточно.

Из каторжан, бродяг, отставных и увечных тоже наскоро слепили несколько пехотных полков. Увечным обещан был полный пенсион, каторжанам – прощение. Несмотря на всю разношерстность общий настрой импровизированного воинства был весьма боевой.

– Нам бы до шведских обозов добраться, так мы быстро всех там оголодим! – мечтали гусары-цыгане.

– Пушай только к нам сунутся! – мрачно грозились прощенные убийцы и воры. – Так мы враз кистенями по затылку попотчует!

Мало толку было и от крепостей. Выборгская цитадель, к примеру, всеми своими верками была обращена в сторону России, как ее в свое время и построили шведы. На защиту огромной Фридрихсгамской крепости надо было определять все наши войска. Остальные и вовсе были полевыми ретрашементами. Что касается стоящего на самом севере Нейшлота, то гарнизон сей крепостицы составляла лишь малочисленная инвалидная команда, а потому на Нейшлот особо не рассчитывали.

Генерал-майор Левашов, на всякий случай, отъезжая к армии, отправил простодушное письмо императрице: «Я имею от многих дам детей, коим число по последней ревизии шесть душ; но как по теперешним обстоятельствам я легко могу лишиться жизни, то прошу, чтобы по смерти моей означенные дети, которым я, может быть, и не отец, были наследники мои».

– Ишь, шельмец какой! – всплеснула руками Екатерина, письмо генеральское прочитавши. – Сам детей по всей России наплодил, а мы ими занимайся!

Но императрица была женщиной добросердечной. Вздохнув, она велела секретарю Храповицкому:

– Что делать, и будем воспитывать! Возьмите на заметку, что ежели лишат шведы живота Левашова, то мы за его детками присмотрим и в люди выведем, а генералу о том отпишите, может храбрее драться будет!

В Зимнем дворце спешно паковали мебель и вещи. Перед дворцом постоянно держали запряженными полтысячи лошадей, на случай экстренного отъезда. Двор готовился перебраться в Москву. Сама Екатерина, впрочем, присутствия духа не теряла.

– Передайте в армию все вышитые мундиры из дворцов и театров! – велела она. – Ничего что все разные, зато красивые!

В связи со шведскими происками императрица велела отменить поход балтийской эскадры в Средиземное море.

– Сейчас не время думать о конюшнях, когда сам дом вот-вот подпалят! – заявила Екатерина.

Во главе же всех морских сил на море Балтийском велела поставить адмирала Самуила Грейга.

Балтийский флот никогда толком не знал адмирала Грейга, который до последнего времени ничем не командовал, а лишь занимался хозяйственными делами в Кронштадтском порту. И офицеры, и матросы его откровенно не любили и более бы желали видеть на посту командующего уважаемых всеми адмирала Чичагова или Круза, но у Екатерины Второй на сей счет было свое мнение.

Подписав указ о назначении Грейга командующим Балтийским флотом, она в тот же день велела передать ему в Кронштадт:

– Следовать с Божией помощью вперед, искать флота неприятельского и оный атаковать!

* * *

Новая война всколыхнула не только все слои российского общества. Она всколыхнула и тайные масонские ложи.

Еще в декабре 1778 года в России произошло открытие первой ложи шведской системы – «Феникс». Членами капитула стали тогда князь Гагарин, братья Долгоруковы, Осип де Дерибас, братья Строгановы и другие. Каждый из «братьев» должен был иметь дворянскую родословную в шестнадцати коленах и, по крайней мере, в четырех последних не смешивать свою кровь с маврами, турками и иудеями. Официальное название новой масонской структуры, в которую вошли «русские братья», – «Священный орден храма Иерусалимского».

Инструкцию русским масонам слал герцог Карл Зюдерманландский – великий провинциальный мастер Ордена Соломонова храма. Борьба с вольнодумством, восстановление ордена храмовников XII века и поддержка Швеции – такие задачи ставил он перед российскими братьями-рыцарями.

Еще в 1777 году Петербург посетил шведский король. Русские масоны торжественно чествовали своего «брата» в ложе «Аполлона». Ходили даже слухи, что в это время состоялось посвящение в вольные каменщики наследника престола, Павла Петровича. В 1780 году герцог Зюдерманландский организовал 9-ю провинцию своего масонского ордена, куда помимо Шве-

ции включил и Россию. Отныне русские масоны были поставлены в прямую зависимость от наследника шведского престола.

К 1788 году вся Россия была опутана сетью масонских лож. В столице активно действовали «Аполлон», «Феникс», «Святой Александр», «Пылающая звезда», «Благотворительность» и «Горус», в Москве вели свою тайную работу «Озирис», «Три меча», «Три добродетели» и «Апис». Насаждались шведские ложи в Пензе, Нижнем Новгороде, в Казани. Не осталась в стороне и армия. В Кронштадте вовсю трудилась ложа «Нептуна», а в Ревеле «Три секиры». Особая ложа действовала даже в далеком Кинбурне.

...На флагманском линейном корабле Балтийского флота «Ростиславе» проходил чрезвычайный капитул масонской ложи «Нептун». В золотых трехсвечниках и семисвечниках горела ровно 81 восковая свеча. Переборки были затянуты кроваво-красными тканями. Даже палуба в адмиральском салоне была устлана красным сукном, рассеченным по диагонали голубым Андреевским крестом. У одного из бортов возвышались семь крутых ступеней, символизирующих путь к жертвеннику и трону Префекта. На жертвеннике – небольшой высеченный из камня гроб с изображением последнего гротмейстера ордена тамплиеров Жака Молэ в орденском одеянии. Слева от жертвенника походное знамя – красное, с белым крестом. Посреди салона была водружена черная виселица с подвешенным большим золотым крестом храмовников. У ее подножия разостлан черный гробовой покров. Братья молча выстроились вдоль переборок салона. Все в белых плащах с красным восьмиконечным нагрудным крестом, в ботфортах со шпорами, в белых шляпах с белыми перьями. На руках у всех белые лайковые перчатки с красным крестом, нашейные ленты и цепи. У всех длинные обоюдоострые мечи.

Сегодня особое собрание, а потому на нем присутствует не только масонская знать – рыцари ложи, но все, включая новичков.

Секретарь ударил мечом об меч. Звонком мечей открывается капитул. Затем великий префект ударил трижды молотком о жертвенник и произнес:

– Капитул объявляется открытым!

Все рыцари разом скрестили руки на груди – знак верности рыцарей храма. Наконец префект занял свое место и раскрыл Библию на 21-й главе Откровения Святого Иоанна. Свой меч он положил на раскрытые листы святой книги.

– Просвещенные братья, блюстители Храма, который час? – спросил великий префект.

– Солнце правды сияет на Востоке, – раздалось в ответ.

Невидимый хор с воодушевлением запел масонский гимн «Коль славен Господь в Сионе». Скрестив руки на груди, братья преклонили колени. Началась молитва.

После окончания всех ритуалов, братья-рыцари расселись на лавки.

Председательствовал мастер стула контр-адмирал Алексей Спиридов.

Алексей Григорьевич Спиридов

– Причина нынешнего капитула, думается, вам, братья, понятна! – начал он заседание, оглядев всех присутствующих. – Государыней объявлена война Швеции, и мы, члены ложи шведский системы, должны уяснить для себя, что для нас важнее – Россия или масонское братство.

– Предлагаю заслушать мнение каждого из братьев! – подал голос командир линкора «Мстислав» Муловский.

– Тогда начнем с младших! – кивнул Спиридов.

Первыми встали лейтенанты-неофиты:

– Братство нам дорого, но и Россия нам тоже дорога! К тому же мы принимали присягу на верность Отечеству. Поэтому предлагаем на время войны отложить дела масонские и заняться делами ратными! – сказали они.

Лейтенантов поддержали рыцари в чинах капитанских, но уже не все. Командиры линкоров Коковцев, Вальронд и Баранов были куда менее категоричны:

– Надобно с братьями нашими шведскими договориться, чтобы всем мимо друг друга стрелять!

– Для чего ж они тогда на нас нападают, чтобы мимо нас палить? – резонно подал голос командир «Ростислава» Одинцов.

– Тогда надобно все одно мимо ядра кидать. Братья-масоны со стороны шведской увидят наш знак и одумаются! – даже вскочил со своего места командир «Иоанна Богослова» Вальронд.

– Держи карман шире, одумаются! – усмехнулся капитан 1-го ранга Муловский. – Пока мы будем мимо палить, они нас всех на дно морское отправят и не поперхнутся!

В углу о чем-то увлеченно шептались два закадычных дружка Денисон с Денисовым, прозванные за сходство фамилий кузенами.

Всех удивляла дружба этих двух линкоровских командиров – англичанина Джона Денисона со «Святого Петра» и ярославца Петра Денисова с «Болеслава». Первый при этом ни слова не понимал по-русски, а второй – по-английски. Между тем Денисон с Денисовым были что называется «не разлей вода», общаясь друг с другом каждый на своем языке. И главное, что при этом прекрасно понимали друг друга!

Большинство рыцарей ложи «Нептуна» было за то, что надо драться с братьями-шведами по-настоящему, без дураков. Наконец взял слово, молчавший дотоле адмирал и по совместительству мастер ложи Самуил Грейг. Высочайший указ о назначении его командующим флотом уже лежал у него в кармане:

– Не мы, а шведский король Густав вероломно напал на нашу державу. Во главе флота его брат, принц Карл, коему по закону масонскому мы подчинение имеем. Но возможно ли изменить присяге и государству своему в сей грозный час, чтобы влечения наши к совершенству превыше России ставить?

Братья-рыцари заговорили разом:

– Истину говоришь, брат Самуил! Не мы, а шведы братство наше отрунули! Не мы напали, а они! Будем драться так, чтобы навек от границ наших отвадить!

Молча сидели лишь Вальронд да его дружки – командир «Дерись» Савва Коковцев да «Памяти Евстафия» Баранов. Эти были за святость масонских уз. Но их было меньшинство, и они ничего не могли изменить в решении ложи.

– Драться, да так, чтобы от супостата щепки летели! – таково было общее мнение.

– Быть по сему! – махнул рукой адмирал Грейг, в свое кресло усаживаясь.

– Быть по сему! – с размаху ударил молотком о жертвенник контр-адмирал Спиридов. – На сем капитул объявляю закрытым!

– Прошу каждого заняться его прямыми обязанностями! – объявил Грейг. – Дела масонские откладываем до лучших времен, теперь время дел военных!

Позднее историк напишет: «Грейг и все масоны-моряки выказали себя верными россиянами и покрыли славой свои имена».

Впрочем, в реальности все было далеко не так просто...

В те дни корабли доукомплектовывались офицерами и матросами. Перед самым выходом на «Мстислав» прислали артиллерийского офицера.

– Кто таков! – спросил его Муловский.

– Преподаватель инженерного корпуса подпоручик Бестужев!

– Дело артиллерийское знаете?

– Окончил артиллерийский корпус, а науки пушечные сам кадетам преподавал!

– Ну, что ж, принимайте орудия верхней палубы!

Матросам новый артиллерийский офицер сразу пришелся по душе. И артиллерист отменный – и к ним относился сердечно, да другим в обиду не давал. Звали матросы по этой причине Александра Бестужева своим благодетелем. С ним мы скоро еще встретимся...

Глава третья

День Сисоя Великого

В Кронштадте в то беспокойное время распевали залихватское:

*Море – наша доля,
Море – наша жисть!
Веселись Расся,
Швеция держись!*

У простого люда подъем духа был небывалый. Война стояла у порога их дома, а потому к ней относились со всею серьезностью. Минует еще четверть века – и Россия познает великий порыв 1812 года. Год же 1788-й можно считать ее своеобразным прологом. Впрочем, общее настроение было тревожным. Все волновались, удастся ли Грейгу остановить шведский флот, ведь в противном случае десант у Петербурга становился реальностью. У Зимнего для возможной спешной эвакуации двора в Москву стояло с полтысячи запряженных лошадей. Все ждали известий от адмирала Грейга.

В те дни Екатерина, храбрясь, писала на юг князю Потемкину ироничные письма: «Король шведский себе сковал латы, кирасу... и шишак с красными перьями. Выехавши из Стокгольма, говорил дамам, что он надеется им дать завтрак в Петергофе. Своим войскам в Финляндии и шведам велел сказать, что он намерен превосходить делами и помрачить Густава-Адольфа и окончить предприятие Карла XII. Последнее событие сбыться может, понеже сей начал разорение Швеции, так же уверял он шведов, что он меня принудит сложить корону. Сего вероломного государя поступки похожи на сумасшествие».

Но за иронией чувствовалась тревога. Светлейший, письма подобные читая, ходил мрачный:

– Сумасшедший он, может, и сумасшедший, но уж кровушки нашей попьет вдосталь, хотя, может статься, в ней же и захлебнется!

Над Финским заливом клочьями стелился туман. Ветер был тихий. По этой причине адмирал Грейг велел по флоту держать все паруса. С кораблей запрашивали: «Дозволено ли будет прочистить стволы холостыми залпами?» Командующий ответил утвердительно. Гулкие отрывистые залпы вспугнули дремавших на волнах чаек, и те с пронзительным криком закружили над кораблями. На траверзе белел Толбухин маяк. Над его маячным конусом еще курился легкий дым ночного костра.

Впереди своего флота в авангард Грейг поставил отряд Мартына Фондезина, состоявший из наиболее старых кораблей, так сказать, для присмотра. Наиболее надежные корабли, наоборот, были поставлены им в арьергард под началом контр-адмирала Козлянинова. Самые же мощные линкоры, вошли в кордебаталию, под началом самого адмирала.

В Петербург Грейг доносил: «...Снялся с якоря с порученной мне эскадрой. Лавирую для сыскания шведского флота при противном ветре. На флоте произвожу пушечную и ружейную экзерцицию».

Вместе с командиром флагманского «Мстислава», Муловским, командующий подолгу сидел над картой Финского залива.

– Ну куда шведам деться! – говорил он, тыча в бумагу курительной трубкой. – Путь у герцога один – к Кронштадту и на этом пути мы его непременно должны встретить!

– Шведам самим нужна генеральная баталия, и герцог сам станет нас всюду искать! – высказал свое мнение капитан 1-го ранга Муловский.

– Что ж, сойдемся всерьез! – резюмировал Грейг. – Спесь сбивать сразу и навсегда!

Впереди эскадры дозорные фрегаты. Капитаны фрегатские имеют строгий приказ останавливать все переходящие торговые суда. Всех опрашивают: где шведы и в каком количестве?

Получив доклад, Грейг самолично дырявил циркулем карту:

– Ежели флот шведский усмотрен купцами подле Ревеля и Кокшара, то ждать нам гостей осталось недолго!

В сумерках уходящего дня командующий перенес свой флаг с 74-пушечного «Мстислава» на 100-пушечный «Ростислав». Прощаясь с Муловским, он сказал:

– Знай, Гриша, что любезней твоего «Мстислава» кораблей для меня нет, но в бою должен я быть на корабле наисильнейшем, дабы в случае нужды решить исход баталии!

Ночью походный порядок эскадры был изменен. Вперед навстречу неприятелю адмирал выслал сильный дозорный отряд: линейные корабли «Мстислав» под брейд-вымпелом капитана 1-го ранга Муловского и «Брячеслав» да фрегат «Надежда Благополучия».

Пока ж Грейг стремился не потерять ни одной свободной минуты, чтобы хоть как-то поднатаскать свои сырые команды. Цейхмстер эскадры Леман, не единожды обходя шлюпкой корабли, внушал капитанам:

– Матроза не жалеть! Скоро экзамен кровавый!

Капитаны кивали молча, что ж тут непонятного? Затем уже спрашивали по-деловому:

– Дозволено ли нам при экзерцициях пушечных палить зарядом половинным?

– Палите! – кричал в ответ Леман.

Ближе к полночи миновали Гогланд. Командир дозорного отряда Муловский имел от командующего ордер строгий: обнаружив шведов, сосчитать его силы и, немедля ни минуты, отходить к главным силам. Грейговским приказом молодой капитан доволен не был. Сам он предпочел бы атаковать!

На марсы «Мстислава» послали самых зорких. Офицеры до боли в глазах вглядывались в зрительные трубы. Где же неприятель?

– С оста паруса! – раздалось внезапно сразу несколько голосов.

– Кажется, дождались! – облегченно вздохнул капитан 1-го ранга, вытащив из кармана золотые часы.

Вдалеке мазнул по горизонту одинокий парус. Через пару часов «Мстислав» уже подходил к обнаруженному судну. То был кронштадтский галиот «Слон», спешащий с грузом мануфактуры в Ревель.

– Чего здесь шляетесь? – крикнул на транспорт вахтенный лейтенант. – Жизнь не дорога? Швед рядом!

– Против нашего «Слона» и слон иной, что муха! – пытался было отшутиться галиотский шкипер.

– Что б духа твоего здесь не было! – прокричал ему в ответ, выскочивший на шканцы Муловский. – Не то сменишь кафтан на матросский бастрог!

Поняв, что дела и впрямь серьезные, на «Слоне» тотчас прибавили парусов и отвернули к берегу.

А сверху уже, сосчитав неприятеля, кричали:

– До полутора десятка вымпелов! Следуют на ост!

К Муловскому подошел старший офицер корабля, капитан-лейтенант Эссен:

– Прикажете ложиться на обратный курс?

– Мы остаемся в прежней позиции! – отрезал Муловский. – Бить аллярм!

Ударили барабаны, вызывая наверх дремавшую подвахту, тревожно засвистали боцманские дудки.

– Открывать порты! Изготовиться к пальбе! – кричали, разбегаясь по декам, артиллерийские начальники.

Муловский с тоской поглядел на обвислые косицы вымпелов. Ветра почти не было! Лишь к полудню шведский флот открылся полностью. Дистанция между противниками по этой причине сокращалась крайне медленно. Не понятно почему, обнаружив отряд Муловского, шведы не придали ему никакого значения. Когда все же спохватились и отправили к нему напересечку несколько линкоров, было уже поздно – к Муловскому подходили главные силы. Над флагманским «Ростиславом» трепетали флаги: «Прибавить парусов. Гнать за неприятелем».

В подзорные трубы было хорошо видно, как шведы начали энергично перестраиваться в боевую колонну. Ветер меж тем стих совершенно. Было ясно, что столкновение случится не ранее чем завтра. Ночь пришла в лихорадочных приготовлениях. Все понимали – грядущий день будет кровав и страшен.

Незадолго до полуночи Грейг собрал у себя в салоне флагманов и капитанов. Объявил план предстоящей баталии:

– Герцог Карл станет ломить напролом, ибо его цель – Петербург. За ценой он стоять не станет. Мы же, зная это, не мудрствуя лукаво ляжем всем флотом поперек залива и преградим ему дорогу. Посему боевую линию я велю держать насмерть!

– А почему маневрами нам шведов не запутать? – подал голос кто-то из непонятливых.

– А потому, что три четверти команд у нас – рекруты и море видят всего восьмой день! – ответил за командующего контр-адмирал Козлянинов.

Определяя порядок кораблей в боевой линии, Грейг отметил:

– Впереди моего «Ростислава» будет следовать «Мстислав»!

– Пока мой корабль держится на воде, он не отстанет от своего флагмана! – вскочил с места капитан 1-го ранга Муловский.

Эти слова Григория Ивановича донесли до нас документы той эпохи... А капитаны уже уточняли детали:

– Сколь гребных судов следует держать у борта?

– Смотрите на «Ростислав» и держите столько ж!

– На какой дистанции предпочтительнее драться?

– На наикратчайшей!

– Дозволено ли будет сваливаться в abordаж?

– Вне всяких сомнений!

...Едва забрезжил рассвет, с зюйд-веста забелели парусами шведы. Орудийные порты на их кораблях были отворены – верный признак решительности намерений.

– Класть рули на перпендикуляр курса! – распорядился Грейг. – Следовать станем строем фронта. Арьергардии надлежит быть от центра по левую руку, авангардии ж – по правую!

На адмирале белый парадный мундир, щедро обсыпанный звездами и крестами, на левом бедре золотая шпага. При полном параде были и прочие офицеры. Над палубами витал запах французских духов и матросского пота.

Стрелки часов показывали восемь утра, когда российский флот, развернувшись в пол-моря, устремился на неприятеля. Грозный вид и очевидность атаки произвели на шведов неприятное впечатление. Самоуверенность Карла Зюдерманландского сняло как рукой. Не приняв вызова, шведский флот лихо отвернул и поспешил разойтись на расходящихся курсах.

– Ишь, кишка тонка! – смеялись корабельная молодежь, в порты открытые высовываясь. – Никак побегли, а мы при победе остались!

– Цыть вы, Аники-воины! – одернули их те, кто поопытней. – Война-то настоящая еще и не начиналось, а начнется, всем на орехи хватит!

Грейг следил за шведским маневром. Поняв замысел герцога Карла, поморщился:

– Прибавить парусов!

– А это что еще за партизан? – указал он рукой на оторвавшийся от остального флота фрегат. – Вернуть его во вторую линию!

То был дозорный фрегат «Надежда Благополучия». Его командир настолько желал первым разрядить свои пушки по неприятелю, что сделал вид, будто не заметил адмиральского сигнала. Однако, когда над «Ростиславом» вторично взлетели флаги, извещающие фрегат о немедленном возвращении, пришлось подчиниться. С видимым сожалением пропускала команда «Надежды Благополучия» мимо себя громады линейных кораблей:

– Теперь разве что утопленников из воды доставать придется да побитых за «ноздрю» из линии вытаскивать. Вот она участь наша фрегатская!

Отойдя от российского флота на безопасное расстояние, Карл Зюдерманландский быстро развернул свои корабли на сходящийся контркурс.

– Ловко шведы ходят! – профессионально оценили маневр неприятеля на шканцах русских линкоров. – Это вам, господа, не турки вислоухие. Это один из лучших флотов Европы!

– Тем почетнее будет их отлупить! – заканчивали разговор капитаны, то и дело поглядывая на флагман, не будет ли нового сигнала.

И точно, бабахнула сигнальная пушка, взвились флаги – Грейг приказывал начать построение классической батальной линии. Российские корабли перестраивались достаточно быстро, но без того изысканного изящества, которое только что продемонстрировали шведы. Из-за нехватки времени теперь впереди флота оказался арьергард, а в «замке» шли корабли авангардии. С «Ростислава» уже всю сигнализировали: «Спуститься на неприятеля». В шканечном журнале флагманского корабля штурман сделал следующую запись: «6-го числа. В 1-м часу. Ветер легкий брамсельный от SO-оста, небо ясно, но по горизонту большая мрачность, флот расположен в линию баталии, фронт фордевинд в 17-ти линейных кораблях, а фрегаты и малые суда за линией к осту, флот шведский построен в линию кордебаталии левым галсом, идущий к зюйд-весту».

– Распорядитесь оповестить команды кораблей о начале обеда! – велел адмирал Грейг командиру «Ростислава» капитану 1-го ранга Одинцову.

Одинцов командир опытнейший, герой битвы при Метелино еще в прошлую турецкую войну. Адмирала он понимал с одного взгляда.

Что и говорить, Балтийский флот был поражен распоряжением своего командующего, в котором читалось все: и большая личная выдержка, и уверенность в своих подчиненных, и вера в сегодняшнюю победу. Теперь даже самые робкие обрели спокойствие и хладнокровие. Матросы пообедали наскоро и молча. Было не до шуток. От винной порции отказались все:

– Не такой нонче день, чтоб из ендовы хлебать!

Пообедав, поднялся на шканцы и Грейг. Адмиралу подали зрительную трубу.

– Кажется, все собрались! – объявил он, оглядев еще раз неприятельский флот. – Смыкайте линию!

Повинуясь команде флагмана, российские корабли стали сокращать дистанцию между собой. словно гигантская смертоносная пружина сжималась для того, чтобы затем распрямиться со всею своею колоссальной силой...

Теперь колонна боевых кораблей России шла единой, оцетинившейся сотнями орудий стеной. В какой-то момент, потеряв ветер в парусах, вывалились из строя «Ярослав» с «Виктором», но тут же, как нашкодившие ученики, юркнули обратно.

Мимо боевой колонны прошла контркурсом спешившая занять указанное ей место «Надежда Благополучия». С фрегата кричали задиристо:

– Кабы нас не отозвали, мы бы со шведом и сами совладали!

– Давай, давай! – отзывались им с кораблей линейных. – Вы свое дело заячье сделали, а теперича мы – люди серьезные в кулаки двинем!

Грейг меж тем беспрестанно требовал прибавления парусов, желая, как можно скорее, достичь неприятеля.

– И так, уж все возможные тряпки несем, а ему все мало! – ворчали капитаны. – Осталось разве что самим дуть!

Командующий озабоченно поглядывал в корму «Ростислава». Его волновали концевые корабли. Не отстанут ли? К сожалению, самые тревожные предположения Грейга оправдались! Внезапно адмирал, воздев к небу кулаки, начал что-то кричать по-шотландски. К командующему подбежали адъютанты:

– Что случилось, ваше превосходительство?

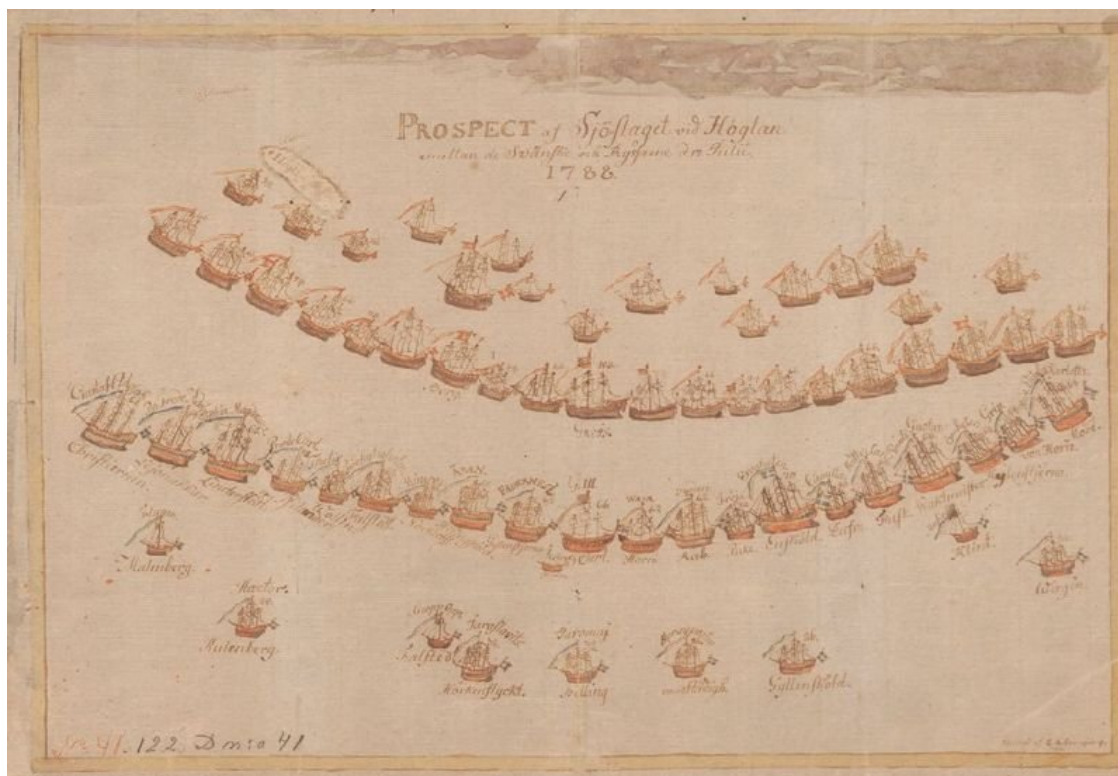
– Измена, форменная измена! – не унимался Грейг. – Вы только гляньте, что вытворяет этот Фондезин!

Взгляды всех устремились на корабли арьергарда. Эскадра вице-адмирала Фондезина, совершенно не слушая сигналов «Ростислава», все больше и больше отставала от остального флота. Но и это не все! Фондезин правил так, чтобы прикрыться остальными кораблями от неприятельских ядер. Воевать командующий арьергардом явно не собирался. Напрасно беспрерывно гремели сигнальные пушки, да на грот-брам-стеннге бесполезно висел сигнал командиру арьергарда «занять свое место в линии баталии».

Фондезин все больше и больше заваливался в сторону, уходя как можно дальше от места предстоящей схватки.

Было четыре часа пополудни, когда герцог Карл, находясь под ветром, поворотил разом всем своим флотом навстречу россиянам, ложась на курс параллельный. Шведы наконец-то решились принять бой! Однако брат короля и здесь осторожничал. Боясь ошибиться в расчетах, он шел под малыми парусами. В линии шведы имели шестнадцать линейных кораблей и семь линейных фрегатов. Авангард их вел генерал-адъютант короля, граф Вахтмейстер, под флагом вице-адмирала, арьергард – бригадир Мандаршted под контр-адмиральским флагом. Центр возглавлял сам генерал-адмирал герцог Карл Зюдерманландский, при котором в советах состоял адмирал Врангель.

Теперь противники двигались навстречу друг другу, с каждой минутой сближаясь все больше и больше. Столкновение флотов становилось неизбежным. Уступать не желал никто! Сила противопоставлялась силе, решимость – решимости! В эти последние мгновенья тишины, наверное, учащенно бились сердца даже самых отчаянных храбрецов. Нервы людей были напряжены до предела. Напряжение достигло своей высшей точки. И в этот момент случилось нечто почти невероятное: два передовых российских корабля внезапно, вильнув в сторону, самовольно покинули боевую линию!

Дело в том, что капитаны трех передовых линкоров неправильно поняли один из сигналов флагмана и, отвернув в сторону больше, чем было велено, оказались вне общего строя. Теперь у их капитанов было два пути: сбавить ход, и привесться к ветру, бежать с поля боя или же продолжать смело идти вперед, вступая в неравный бой с неприятелем, чтобы уже затем, если получится, втиснуться где-нибудь в линию. К чести всех капитанов, они выбрали второй путь.

Но общее положение оставалось сложным. Теперь впереди всего Балтийского флота шел 74-пушечный «Всеслав» под флагом контр-адмирала Тимофея Козлянинова. Командующий авангардом, неукоснительно соблюдая приказ Грейга, нес положенные бом-брамсели и лиселя. Увеличивая ход, Козлянинов стремился закрыть корпусом своего корабля «провал», образовавшийся из-за выхода передовой тройки, и выйти на траверз первого шведского линкора. Задачу свою контр-адмирал выполнил блестяще, но теперь в авангарде против дюжины шведских кораблей оказалось всего семь наших.

По шканцам «Ростислава» нервно расхаживал адмирал Грейг. Нет, главнокомандующего сейчас не особо волновало превосходство шведов над Козляниновым. В начальника авангарда адмирал верил. Хуже было иное. «Провал» трех передовых кораблей Балтийского флота предоставил Карлу Зюдерманландскому уникальный шанс взять противника в два огня. Один маневр – и шведский герцог наверняка вошел бы в историю как выдающийся флотоводец. Но таланта и решимости Карлу Зюдерманландскому в этот звездный миг так и не хватило. Страшно себе представить, что могло бы случиться, устремись шведы в образовавшуюся дыру в русской колонне. Но ничего не произошло. И тогда российский командующий, отвлекая на себя внимание противника, круто развернул «Ростислав» прямо на шведский флагман и тот, не приняв вызова, отвернул.

– Передайте по линии; всем держать свои места с тщанием! – распорядился Грейг, вытирая платком вспотевший лоб.

Сражение еще не началось, а сколько волнений позади!

В четверть пятого пополудни на обоих флагманских кораблях противников почти одновременно взвились сигналы: «Вступить в бой!» Тотчас с хриплым надрывом ударили 32-фунтовые орудия нижних деков, вторя им, зачастили легкие пушки верхних палуб. Грохот... Дым... Пламя...

– Посмотрим, у кого затылки крепче! – подбадривали себя дюжие комендоры, ловко орудуя правилами у своих пушек. – А ну наддай!

Так началось одно из самых кровопролитных сражений в истории отечественного флота, известное потомкам как Гогландское.

Позднее один из современников этого героического и достопамятного для российских моряков дня напишет: «...Свершилось, страшный знак битвы возгорел, взблестала, молния, расторглись воздушные полости и раздался ужасные громы... Уже льющаяся кровь дала водам багряный вид... Со звуками ярых громов мешаются пронзительные вопли умирающих. Сколь ужасны битвы морские! Повсюду смерть длани свои распространяет: железо, огонь, брег, вода – все тут же представляет: воин погибает в бездне, едва она ему коснется... Путешественник не узрит его гроб... кости его на веки поглощены пучиною».

Спускаясь к шведской линии, российские корабли один за другим приводились к ветру и самостоятельно вступали в бой. Первыми сошлись в схватке авангарды, затем кордебаталии наконец разрядили друг в друга пушки и корабли арьергардов. Вскоре бой уже сделался всеобщим.

По прошествии времени историки подсчитают соотношение сил в той страшной схватке. Шведы имели двадцать три корабля, 1336 орудий и более 720 пудов металла, выбрасываемого лишь одним залпом. Российский флот имел соответственно 1220 пушек и 460 пудов выбрасываемого в залпе металла. Шведские историки, принимая во внимание исход Гогландского сражения, приводят несколько иные цифры: 1236 пушек у шведского флота и 1452 – у российского.

Из хроники сражения: «Оба флота между тем в пылу битвы и под завесой дыма тихо продолжали двигаться на юго-запад, а ядра, свистя, пронизывали воздух, прорывали всюду паруса у сражающихся, по временам ломали им рангоут и спутывали снасти. В нашей авангардии сыпали картечью – здесь Грейг надвигался неотступно и вместе с Козляниновым надеялся сломить передовую половину флота неприятельского... Таков был первый вид этого знаменитого сражения».

66-пушечный «Болеслав» капитана 1-го ранга Денисова и 74-пушечный «Иоанн Богослов» капитана 1-го ранга Вальронта вели огонь, ища возможность занять свое место в боевом строю.

Начавшаяся перестрелка сразу же стала жаркой. Дистанция между противниками была малой и обе стороны били друг в друга наверняка. Уже через каких-то полчаса после начала сражения получил сразу несколько ядер в борт «Иоанн Богослов». С треском разлетелись бортовые доски и в трюм хлынули потоки воды, а ядра все летели и летели. Пустили помпы, плотники наскоро латали пробоины, но вода все пребывала. Впрочем, капитан «Богослова» Степан Вальронт присутствия духа не терял:

– На то и баталия, чтоб борта дырявить!

Новый шквал шведских ядер в одно мгновение снес на «Богослове» почти все снасти. Языки пламени уже облизывали мачты. Шатаясь, точно пьяный, корабль внезапно вывалился из строя.

– Держать место! – кричал Вальронт рулевым. – Запорю!

Но все было бесполезно. Корабль совершенно не слушался руля, становясь теперь опасным не столько врагу, сколько своим. Пытаясь хоть как-то помочь горящему «Богослову», Козлянинов послал к нему свой гребной катер. Но катер не пробился, будучи расстрелян в упор проходившими мимо шведскими кораблями.

В конце концов, «Богослов» ветром и волнами все же вынесло из-под губительного огня. Мимо в круговерти прошли окутанные пороховыми дымами «Всеслав» и «Вышеслав». Кое-как исправив повреждения, Вальмонт развернул было свой корабль к боевой колонне, но втиснуться в нее уже не смог.

– Нескладно у нас получилось! – зло оглядывались на шканцы матросы. – Все чин чином дерутся, а мы, что дерьмо в проруби болтаемся!

– Простите, братцы! – оправдывались бывшие тут же лейтенанты и мичмана. – Уж хоть бы щель какая была к линии, так мы бы уж как таракан в нее влезли!

Сам капитан нервно вышагивал по дубовым палубным доскам. Нрав Грейга Вальмонт знал прекрасно и пощады от него теперь не ждал...

Но всему плохому когда-нибудь приходит конец. Повезло и «богословцам». Их корабль сошелся борт в борт с невесть откуда появившимся шведом и по палубе русского линкора пронесся вздох облегчения:

– Кажись, и нам работенка привалила!

Положив грот-марсель на стеньгу, «Иоанн Богослов» свалился с неприятелем и бой закипел с новой силой.

Тем временем шведы, имея в голове колонны пять кораблей против одного, выбили пытавшийся возглавить русскую колонну «Болеслав». Туша многочисленные пожары, тот провалился за линию. Балтийский флот по-прежнему вел за собой командир авангарда Тимофей Козлянинов.

Следующий залп уже полностью достался его «Всеславу». Против флагмана Козлянинова держалось сразу шесть линкоров под сине-желтыми королевскими флагами.

– Сходимся на пистолетный выстрел! Все меньше достанется! – велел вице-адмирал капитану 1-го ранга Маркову.

– Есть! – отвечал тот, приложив два пальца к полям треуголки, и тут же повернул руль прямо на неприятеля.

Корпус «Всеслава» дрожал от града шведских ядер. Вместо парусов свисали жалкие лохмотья. Убыль в людях была ужасна! На головы еще живых непрерывно сыпались обломки рей, обрывки канатов. Шведские артиллеристы имели строжайший приказ целить в рангоут, чтобы как можно быстрее лишить русские корабли хода. Наши, наоборот, лупили в корпус!

Несмотря на трагичность своего положения, Тимофей Козлянинов места своего в строю на бросил, чем сильно облегчил положение идущих следом за ним. Изнемогая в неравной схватке, «Всеслав» по-прежнему вел флот. Более четырех часов длился неравный поединок пылающего «Всеслава» с шестью, а потом с тремя неприятельскими кораблями. Более четырех часов длился этот подвиг, и шведы, в конце концов, не выдержали мужества российских моряков. Сначала один, за ним другой, а потом и третий, их корабли, сбивая пожары, покинули общий строй. К этому времени по палубе «Всеслава» передвигаться было уже невозможно. Мертвые и раненые лежали там в несколько слоев. Гребными шлюпками израненный корабль отбуксировали подальше от пекла боя, но едва разобрали завалы тел и забили сальной ветошью дырки в бортах, как неутомимый Козлянинов снова вывел его на линию боя, на этот раз уже в арьергарде.

Историк так напишет о первых часах грандиозного сражения: «Оба флота между тем в пылу битвы и под завесой дыма тихо продолжали двигаться на юго-запад, а ядра, свистя, пронизывали воздух, прорывали всюду паруса у сражающихся, по временам ломали их рангоут и спутывали снасти. В нашей авангардии сыпали картечью – здесь Грейг надвигался неотступно и вместе с Козляниновым надеялся сломить переднюю половину флота неприятельского...»

...Выстроившись друг против друга, оба флота продолжали поражать друг друга в упор. Побоище давно стало всеобщим. Лишь иногда выстрелы внезапно стихали – это из-за густого

порохового дыма враги теряли друг друга из вида. Однако стоило пороховым облакам хоть немного рассеяться, как дуэль начиналась с еще большим ожесточением.

Не связанные строгими инструкциями, российские капитаны бились как кому способней, сами выбирая цель нападения. Главным условием было лишь удержание своего места в строю. Иногда им удавалось вдвоем или даже втроем обрушиваться на какой-нибудь шведский корабль – и тогда, последний обращался в бегство. Иногда, наоборот, наши в одиночку сражались сразу с несколькими противниками, и тогда доставалось нам. И та, и другая сторона дрались в тот день отчаянно, понимая, как много зависит от исхода этого самого первого сражения.

В какой-то момент «Ростислав» сошелся вплотную с флагманом герцога Карла Зюдерманландского «Густавом Третьим». Первыми в этом поединке разрядили свои пушки шведы. Однако качнувшийся в последний момент на волне корабль сорвал им наводку и ядра легли с недолетом. Зато ответный залп с «Ростислава» был на редкость точен. Русские ядра буквально взломали верхнюю палубу «Густава Третьего». Чем дальше продолжался поединок двух главнокомандующих, тем с каждым новым залпом превосходство «Ростислава» становилось ощутимей. Ответный огонь «Густава» же слабел.

Натиск русского флагмана несколько сдерживал шедший впереди «Мстислав» Григория Муловского. Командир «Мстислава» дрался сразу с тремя шведскими кораблями, пытаясь прикрыть при этом еще и своего флагмана.

– Гришка, кончай пятиться! – кричал ему в рупор адмирал. – За помощь благодарствую, но теперь дай мне простор!

Дважды капитану «Мстислава» говорить было не надо, немедленно наполнив ветром грот-марсель, тот прибавил ход.

Муловский был спокоен и собран, словно не в бою, а на маневрах заурядных. Завидев спешащего к раненым корабельного батюшку, окликнул его:

– Отец Тимофей, а какой сегодня день?

– Ежели по святцам, то день святого Сыся!

– А чем знаменит сей Сысой?

Отец Тимофей на минуту остановился. Мимо с противным воем пролетело ядро. Поп огладил бороду:

– А тем знаменит преподобный Сысой Великий, что жил он в пустыне аскетом, учил смирению и творил чудеса!

– Ну, что ж, – усмехнулся Муловский. – И мы живем в пустыне морской, яко те аскеты, смирения нам тоже не занимать, а вот чудо бы нам сегодня не помешало!

– Уж я помолюсь за дарование победы воинству нашему! – заверил его отец Тимофей и, подобрав ряску, побежал далее.

Между тем сражение было уже в самом разгаре. Появились первые убитые и раненые. Ядром в бок поразило артиллерийского поручика Бестужева, и тот упал ничком на палубу.

К сожалению, добить «Густава Третьего» Грейгу так и не удалось. Шведский флагман к этому времени уже отвернул в сторону от «Ростислава», явно не желая продолжать поединок.

– Кажется, с прынца ихнего спесь мы уже сбили! – утирали руками пот матросы.

Прибавив парусов и обогнув два впереди идущих корабля, «Ростислав» снова вступил в линию, но уже втиснувшись между «Святым Петром» и «Еленой». Сражение продолжалось...

Желание капитанов нанести возможно больший вред противнику, плохая видимость и неразбериха несколько спутали первоначальную диспозицию и теперь и русские, и шведские корабли держались по способности, стремясь лишь находиться в гуще боя и сохраняя общее направление.

Спланировав нападение на головные корабли шведского флота, адмирал Грейг не учел одного – трусости своего командира арьергарда. Фондезин, однако, не только бросил на произ-

вол судьбы авангард и центр, с таким же преступным хладнокровием он оставил без поддержки и свои собственные концевые корабли.

– Мартын постыдный! – кричали ему в отчаянии с соседних кораблей.

Драться с неприятелем, идя при этом в конце боевой колонны, всегда особенно тяжело. Ведь концевые корабли, как никакие другие, стеснены в свободе маневра идущими впереди. Им то и дело приходится то резко сбавлять ход, чтобы не сесть утлегарем на корму переднего мателота, то, наоборот, прибавлять паруса, чтобы не отстать. Замыкающим в колонне Балтийского флота шел линейный корабль «Дерис». Капитаном на нем – капитан 1-го ранга Савва Коковцев. Вскоре после начала сражения «Дерис» оказался из-за безграмотности Фондезина один против пяти неприятельских кораблей. На помощь командующего арьергардом Коковцеву рассчитывать не приходилось, Фондезин в это время уводил ближайшие к нему корабли от места схватки. Опытные шведские капитаны тотчас стали окружать одинокий «Дерис», стремясь поставить его в «два огня». И тогда капитан 1-го ранга Коковцев сделал непростительную ошибку. Он самовольно вышел из общего строя. Поворотив на другой галс, «Дерис» уклонился от неприятеля, но, потеряв при этом ветер, вступить в сражение более уже не смог...

А шведы уже наваливались на шедший предпоследним «Память Евстафия». На долю его пришлось сразу три шведских линкора. На исходе двух часов неравного боя «Память Евстафия» с массой пробоин и полузатопленным трюмом также вынужден был оставить свое место в строю.

Самуил Грейг, которому доложили о двух «дезертирах» из арьергарда, был взбешен:

– Я своими руками повешу обоих мерзавцев-капитанов, а рядом на рее вздерну и подлеца Фондезина!

А пушки все грохотали и грохотали безостановочно. Уступать не желал никто...

* * *

Линейный корабль «Владислав» был в боевой русской колонне шестнадцатым по счету, держась в строю 66-пушечного «Изяслава». Именно «Владиславу» выпала в тот кровавый день самая горькая участь... В первый же час боя «Владислав» попал под жесточайший огонь нескольких шведских кораблей и получил большие повреждения. Очевидец пишет: «...Владислав», которому с самого начала боя сбили большую часть рангоута, вследствие чего он сделался мишенью у пяти задних шведских кораблей, тогда как прочие наши корабли числом шесть – это был арьергард Фондезина, который только издали развлекал шведскую арьергардию...»

Лишенный возможности управляться, «Владислав» вскоре был предоставлен воле волн. Видя это, шведы еще более усилили натиск. Вода вокруг русского корабля буквально кипела от всплесков падающих ядер. К несчастью для «Владислава», ветер все больше и больше сносил его в сторону неприятельского флота и скоро корабль оказался один в самой середине шведского строя. Не воспользоваться таким подарком судьбы для таких опытных моряков, как шведы, было бы непросительным, и они им воспользовались! Окружив одинокий русский корабль плотным кольцом, они обрушили на него огонь небывалой силы. Едва один неприятельский корабль разряжал свои пушки по русскому линкору, как его место уже занимал другой. Уже был разорван бомбой мичман Дурнов, палубы завалены истерзанными матросскими телами, уже борта зияли дырами пробоин, а «Владислав» продолжал держаться, изнемогая в непрерывной бомбардировке.

– Флаг! Флаг сбило! – внезапно разнеслось по кораблю.

Капитан 1-го ранга Амантус Берх разлепил запекшиеся губы в переговорную трубу:

– Вынести запасный, да немедля поднять его на бизань-рее!

– Фалундер! – уже кричал кто-то рядом.

Берх невольно пригнулся, и вовремя. В двух шагах от него с грохотом рухнула разбитая в щепки крьюйс-брам-стенга. С надрывом стонали задавленные ею люди.

– Каковы повреждения? – перешагнул через раненых капитан.

– Грот-марса-фал перешибло! – кричал ему боцман, тыча вверх окровавленной рукой, начисто лишенной пальцев.

– Кладите найтовы!

– Клали, вновь перебило! Да и сам грот-марсель уже завалило!

Парус пытались было поднять на перлине, но вновь перебило ядром канат – и огромное полотнище окончательно рухнуло вниз, обрывая снасти и увлекая за собой барахтающихся в парусине людей.

– Фалундер!

Это, давя неуспевших отбежать, уже падала вниз сбитая стенга.

– Что это вы делаете? – подозвал какого-то матроса капитан «Владислава», увидев, как он что-то гребет по палубе деревянными лопатами.

– Ядро свейское прямо в грот-марс, а там о десяток наших! Теперь вот сгребаем, чтоб каждому свои руки-ноги достались!

– Убиенными займетесь после. Сейчас подбирайте раненых! – распорядился Берх, продолжив обход корабля.

По трапу капитан 1-го ранга спустился вниз. В батарейных палубах вповалку побитая прислуга. Кругом чад... смрад... копоть... стоны...

Возвращаясь на шканцы, Берх едва успел отскочить в сторону. Навстречу ему по ступенькам прогромыхал сбитый с нактоуза... компас. А пушки все били и били! В седьмом часу вечера «Владислав» лишился последних парусов. Да, по правде говоря, и ставить-то их было уже некому! Смерть выкашивала людей безжалостно. Много позднее сам Амадус Берх вспоминал об этих ужасных минутах: «В 8-м часу, видя, что урон... причиняем от нахождения к шведам лагом, будучи несен вдоль по линии всегда от двух кораблей встречаем и провожаем, горячность и мщение платить за смерть смертью возгорелась во мне».

Полыхая огромным костром, «Владислав» из последних сил бился сразу против СЕМИ шведских линейных кораблей. И как бился! Внезапно неподалеку от избиваемого корабля из клубов порохового дыма вынырнуло сразу несколько кораблей под Андреевскими флагами.

– Никак наша арьергардия! – обрадовались на «Владиславе». – Теперь-то мы спасены!

Однако помощи владиславовцы так и не дождались. Вице-адмирал Фондезин сделал вид, что не заметил гибнущего корабля. Ведомый им арьергард спокойно прошествовал мимо и исчез в дыму, несмотря на отчаянные сигналы с «Владислава».

– Будьте вы прокляты! – несло им вслед с залитых кровью палуб.

Одинокий корабль по-прежнему кружило на волнах посреди шведского флота.

Избивая одинокий русский линкор, капитаны «Густава Третьего» не боялись получить сдачи (на «Владиславе» к этому времени уже совсем не осталось целых пушек). Шведы расстреливали русских моряков на выбор. И тогда Амадус Берх решился на шаг отчаянный: попытался шлюпкой завести подальше от шведов дагликс-якорь, чтобы затем, подтянувшись к нему, хоть немного отойти от неприятеля.

– Мичман Шубин! – призвал он к себе пятнадцатилетнего вчерашнего гардемарина, бывшего на корабле «за мичмана», когда тот пытался в это время закрепить вместе с матросами какой-то уцелевший фальконет.

Сказано-сделано! Под свист пронсящих мимо ядер принял Володя Шубин в шлюпку тяжеленный разлапистый якорь и, отойдя подальше от места схватки, сбросил его в море. Затем быстрее к своему кораблю, чтобы передать на него якорный канат. Канат тотчас завели на брашпиль. На крик капитана сбежали еще оставшиеся в живых матросы и начали выхаживать канат. Подтянувшись к якорю, Берх сумел развернуться к шведам бортом, где у него еще оставались невредимые пушки. К немалому удивлению шведов, «Владислав» заговорил вновь. Но, к сожалению, ненадолго. Последние пушки были вскорости повыбиты, а противник по-прежнему засыпал корабль ядрами. Перед самыми шканцами свечой догорала грот-мачта.

– Поднять сигнал бедственный! – распорядился Берх. – И всем тушить пожар!

А пламя над палубой все разгоралось и разгоралось. Вот сразу несколько выпущенных в упор неприятельских ядер, разворотили весь бак. Из находившихся там не уцелел никто...

– Держаться у меня до последнего! – кричал матросам Берх.

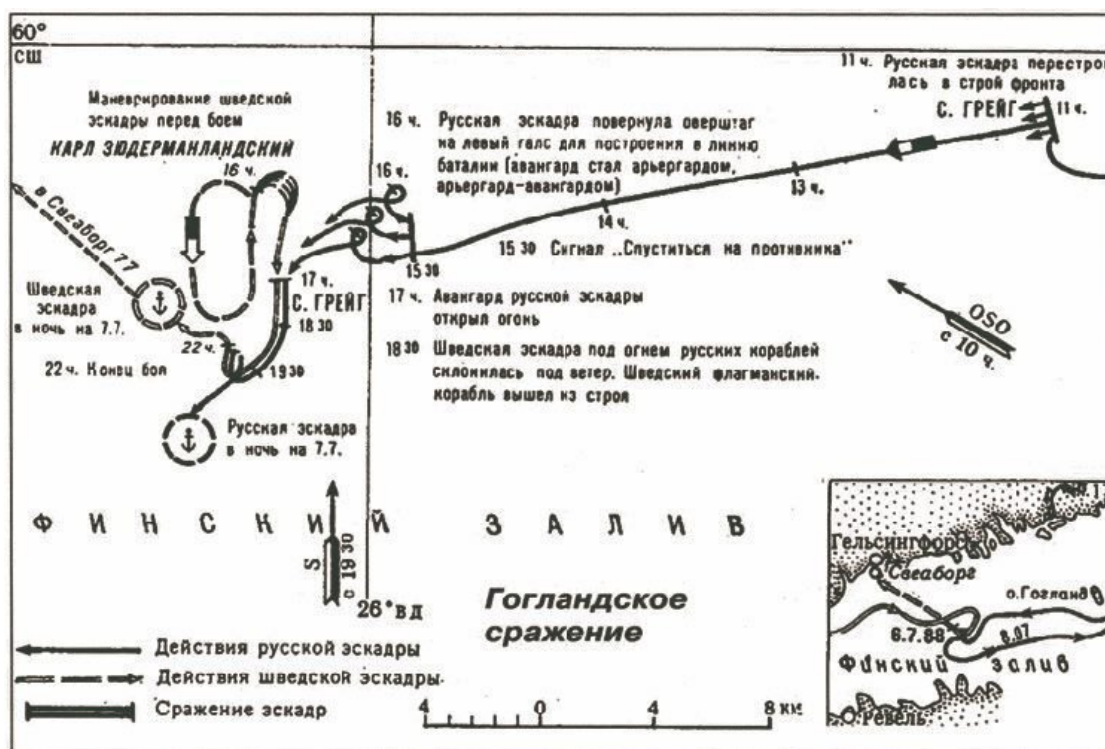
– Держаться-то мы держимся! – отвечали те. – Да уж больно нашего брата мало в живых осталось! Мы и есть последние!

И тогда Берх вновь подозвал к себе самого молодого из мичманов – Володеньку Шубина:

– Ну что, отдышался?

Тот кивнул утвердительно.

– Тогда давай снова в шлюпку и попытайся пробиться к «Ростиславу». Проси у адмирала помощи гребными судами. Передай, что ежели не оттащат, то долго нам не продержаться. С богом!

Взвездя курки пистолетов, спрыгнул Володька Шубин в шлюпку. Гребцы молча разобрали весла. Вставивши же их в уключины, поинтересовались:

– Кудыть плысть будем?

– Рулим на «Ростислав»! – ответил им Володя, усаживаясь за румпель. – Весла на воду!

Вслед шлюпки понеслось сразу несколько ядер. Лавируя между обломками и клубками спутанных снастей, мичман Шубин упорно пробивался к цели. Задание у него было далеко не из легких. К этому времени главные силы флотов ушли далеко вперед и нагонять адмиральский корабль приходилось в долгой яростной гребле. Но вот наконец и «Ростислав». По скобам шторм-трапа мичман быстро взобрался на палубу. Адмирал Грейг выслушал доклад молча, не перебивая.

– А свои гребные суда куда дели? – спросил он немного погодя.

– Наши шведами перебиты!

– Кто из наших к вам самый ближний? – помолчав, снова спросил Грейг, в голосе его чувствовалась тревога.

– Пожалуй, что «Виктор»! – прикинув, ответил Владимир.

– От моего имени вели его капитану выслать к вам все гребные суда. А Берху мой ордер – держаться сколь хватит сил. Даст Бог шведы в дыму да сумерках вас и упустят. Нам же остается надеяться на чудо и верить в милость Божию! Давай, мичман, поторопись!

Нахлобучив треуголку, Шубин прыгнул в шлюпку:

– Все, братцы, отваливаем!

И снова одинокая шлюпка помчалась между дерущихся гигантов, среди огня и смерти.

– Семи смертям не бывать! – подбадривал он матросов (да и себя заодно) молоденький «за мичмана», пригибаясь от града пронесшийся над головой картечи.

Страха у него почему-то не было, даже наоборот, была какая-то бешеная радость азарта, упоение важностью выполняемого задания и гордость за собственную смелость. Эх, видели бы его бабка с дедом да девицы знакомые!

Рядом, вскрикнув, повалился на бок матрос загребной. Картечная пуля попала прямо в лоб. Мертвого тут же засунули под банку.

– Навались! – кричал мичман. – Иш-шо немножко осталось!

На «Викторе», выслушав Шубина, сразу же отрядили к «Владиславу» катер.

– Более ничего нету! – извинялся капитан. – Все, сам видишь, побито!

Гребной катер к «Всеславу» добрался, но оттянуть ему корабль так и не удалось. Все время рвался буксир, и катер вернулся обратно.

Несмотря на всю трагичность момента записи в шканечном журнала «Всеслава» велись, как и всегда, с тщанием: «...Корабли “Дерис” и “Виктор” были видны в кабельтове на ветре, а “Богослов” в 5 кабельтовых под всеми парусами в бейдевинд. Во время лежания на этом галсе убито 30 человек».

В неистовстве огня прошел еще час. Начало понемногу темнеть. Шведы били из пушек, как и прежде, а помощи все не было и не было. Державшиеся неподалеку наши корабли пытались, правда, облегчить жребий попавшего в беду собрата, паля в защиту «Владислава», но ядра их до неприятеля не долетали, падая на полпути.

И тогда Амудус Берх собрал подле себя оставшихся офицеров.

– Вот, что, – сказал он мрачно, – адмирал помочь нам более ничем уже не сможет. Пушки у нас перебиты, люди тоже. Воды в трюме за семьдесят дюймов. Попробуем продержаться еще полчаса, а там как Бог даст!

Офицеры молчали. К смерти они были готовы уже давно. Берх поискал глазами Шубина:

– Тебе, Володя, наказ особый! Собирай гардемарин, грузи их в шлюпку да увози отсюда, пока еще можно!

– А почему я? – не выдержал тот.

– А потому, что жизнь у вас только начинается, еще навоюетесь! – махнул рукой Берх. – Исполнять немедленно!

Помимо разобитых гардемарин да нескольких малолетних «за мичманов» в шлюпку погрузили тяжелораненых.

– Прощайте! Даст Бог еще свидимся! – кричали уходящие на шлюпке.

– Не поминайте лихом! – несло в ответ.

В этот момент «Всеслав» развернуло носом к шведским кораблям. Пальнув, навсегда замолк последний «погонный» фальконет. Видя, что русский линкор прекратил всякое сопротивление, шведы окончательно осмелели. Три линейных корабля сразу же обошли «Всеслав» с носа, буквально вычищая его палубу смертоносными продольными залпами. Еще двое других били с бортов. На «Всеславе» творилось нечто невообразимое...

– Где же Грейг? – кричали погибавшие. – Почему он бросил нас?

Хладнокровно распорядившись, капитан 1-го ранга Берх ходил у самого фальшборта. Он искал смерти, но смерть обходила его, поражая лишь тех, кто находился рядом.

– Все, отвоевались! – подбежал к капитану артиллерийский капитан-поручик Кузнецов. – У нас более нет ни горсти пороху!

Вздыхнув, Берх перекрестился, а перекрестившись, велел созывать к себе тех офицеров, кто еще оставался жив. На зов капитана пришли, увы, немногие.

– Благодарю вас за службу! – обратился к ним Берх. – Мы честно исполнили свой долг, и никто не вправе упрекнуть нас в малодушии. Согласно морскому уставу, толкования капитанской должности за номером девяносто, артикулов с первого по третий, я имею право на сдачу, когда иного выхода боле нет. Что скажете?

Измученные офицеры лишь качали головами:

– Отец наш, делай как знаешь, мы отдаем себя всецело тебе в руки!

Тогда Берх велел:

– Все пушки за борт!

Кто-то из лейтенантов было закричал:

– Хватай топоры, руби днище!

Но капитан тотчас пресек своевольца:

– Днище рубить не дам! У нас сотни раненых и ни одного гребного судна.

– Господин капитан! Там мичман Смирнов, что назначен был для насыпки картузов, запершись в крюйт-камо́ре, грозит взорваться, ежели шведы кораблем завладеют! – прибежал к Берху кто-то из шкиперов.

Капитан 1-го ранга поспешил к крюйт-камо́ре, где храбрый мичман, обложившись мешками с ружейным порохом, уже взвел курок своего пистолета.

– Отопрись, голубчик, – увещевал юношу седовласый моряк. – Ты, известное дело, герой, но и другие сражались не хуже. О себе не думаешь, подумай о других, на что ты их-то обрекаешь! С нашего «Всеслава» шведу корысть не велика, он ведь теперь только на дрова и годится, а людям еще жить надо. Не бери греха на душу, отопрись!

Отворив дверь, рыдая, мичман бросился на шею своему капитану:

– Что-то теперь будет! Мы же честь свою потеряли навеки!

– Нет, – отвечал ему Берх. – Не мы честь потеряли, а те, кто в беде нашей нас бросили!

Много позднее, уже по возвращении из шведского плена, Берх вспоминал: «Таковые отчаянные мысли моих подчиненных и неизбежно угрожавшая гибель, подвигли меня в жалость, и довели смущенные мысли мои до чувства согласия с их голосом, и отдаться для общего спасения в плен. Я велел бить отбой».

На исходе десятого часа вечера, уже, не доверяя никому, Берх, связав меж собой секретные ордера, шканечные и сигнальные книги, привязал к ним здоровенный книппель и выбросил за борт. Сделав это, он взял в руки переговорную трубу и прокричал на близлежащий неприятельский корабль:

– Я более не дерусь!

Убитых к этому времени на «Владиславе» было за три сотни, раненых же вообще никто не считал...

* * *

К половине седьмого вечера шведский флот уже значительно смешался и выглядел весьма неприглядно. Генерал-адмиральский корабль, вдребезги разбитый Грейгом, уныло тащился далеко в стороне на буксирах.

Карл Зюдерманландский разгуливал по верхней палубе. Еще в начале сражения ядром снесло голову стоявшему рядом с ним камердинеру. Но герцог велел не вытирать с камзола брызги мозгов и крови, так было героичней. Покуривая трубку, он говорил окружающим его офицерам слова, которые, по его мнению, должны были остаться для потомков:

– Я готов скорее умереть и взорвать корабль, чем сдаться!

Около «Принца Густава» тушили пожары еще два линейных корабля. Остальной флот, ведомый командующим авангардом графом Вахмейстером, из последних сил смыкал боевую линию, стремясь не допустить ее взрыва русскими кораблями.

На наших кораблях все чаще и чаще кричали «ура», торжествуя по поводу очередного удачного залпа. Всем было ясно, что чаша весов победы медленно, но уже начала склоняться в сторону российского флота. Поняв это, прибавил хода даже державшийся вдалеке от места схватки Фондезин.

Из хроники сражения: «В половине 7 часа, в передних кораблях шведского флота, уже заметно было замешательство. Шведский генерал-адмиральский корабль, разбитый “Ростиславом”, пошел за линию на буксире; спрятались еще за линию, два передовых их корабля и один из находившихся между “Ростиславом” и “Изяславом”. Прочие шведские корабли, следуя передовым и своему адмиральскому, тоже спустились и стали смыкать линию. Это был первый сигнал к победе! На наших кораблях раздались крики “ура”; все, даже отсталые, Фондезина, погнались за неприятельским флотом и уже с большею бодростью вступили в дело».

К семи вечера передовые корабли Тимофея Козлянинова, рассеяв часть шведского авангарда, уже имели против себя только по одному неприятельскому линкору. Бились же передовые корабли, как и в начале баталии, с большим ожесточением.

Стремясь хоть как-то облегчить участь своего флагмана, к «Ростиславу» подвернул шедший за «Принцем Густавом» линейный корабль «Ваза». Но и «Вазе» не повезло. Огонь по ней был на редкость точен. Спустя какие-то двадцать минут шканцы шведского корабля были буквально снесены в воду. В куски разорвало старшего офицера Фуста, а рядом в луже собственной крови хрипел смертельно раненный капитан «Вазы» Бальтазар Горн. Командование кораблем принял лейтенант Лагарстрале, тоже раненый. Умиравший Горн жестом подозвал к себе лейтенанта, прошептал, корчась от боли:

– Ты перед Богом отвечаешь мне, если сдашься неприятелю!

Избитую «Вазу» спасли от пленения проходившие мимо «Аран» и «Федернесланд». Они прикрыли разбитый корабль своими корпусами и тут же, без промедления, получили свою порцию ядер с «Ростислава».

На исходе седьмого часа, не выдержав напряжения боя, вывалился из линии передовой шведский мателот. Козлянинов усилил натиск. Еще несколько обменов залпами – и второй шведский линкор отвернул в сторону, прося помощи у буксиров.

– Суда нашей авангардии и кордебаталии избиты так, что починиться сумеют не ранее утра – мрачно резюмировал Грейг – На арьергардию ж «стыдливого» Фондезина рассчитывать мне уже не приходится! За сегодняшнюю баталию сей герой достоин сразу двух наград: лаврового венка от короля шведского и веревочной петли от императрицы российской!

* * *

В яростной схватке авангардов наши моряки особенно потерпели от флагманского корабля вице-адмирала Ватмейстера. Его «Принц Густав» дрался на редкость храбро и умело. Первое время против «Принца Густава» держался наш «Вышеслав». Спустя час после непрерывной дуэли Вахтмейстер превратил его в настоящую развалину. Волоча за собой по воде паутину сбитых снастей, «Вышеслав» покинул место схватки.

Место его тут же заступил шедший следом «Изяслав» капитана 1-го ранга Карцова. «Изяслав» сражался отважно, но и он не смог устоять против «Принца Густава» более часа. Уж больно точно били артиллеристы графа Вахтместера, которых он лично пестовал не один год.

К чести Ивана Карцова, несмотря на все повреждения, уступать шведу он не желал, а стоически выдерживая огонь, ожидал помощи. И та пришла! На выручку изнемогающему «Изяславу» бросился сам Грейг.

Явный успех Вахтмейстера ободрял весь неприятельский флот и, добей «Принц Густав» окончательно «Изяслав», подъем духа на шведских кораблях стал бы небывало высоким. Этого Грейг допустить как раз никак не мог!

Отчаянная схватка двух адмиралов длилась более часа. Каждый из них противопоставлял другому смелость и расчет, мастерство и опыт.

Полыхало пламя над «Ростиславом», полыхало оно и над «Принцем Густавом». Но вот точные залпы с российского корабля буквально промели палубу шведского линкора густой картечью. На одно лишь мгновение растерялись рулевые «Принца», но этого оказалось достаточно. Флагман Вахтмейстера развернуло к «Ростиславу» кормой. Тут же последовал залп всем бортом – и корма «Принца Густава» была разметена вдребезги. Опытный Вахтмейстер, прекрасно понимая, что команде надо хоть немного перевести дух после такой взбучки, приказал немедленно оттянуться на шлюпках от «Ростислава». Но Грейгу опыта тоже было не занимать! Ловким маневром «Ростислав» отрезал «Принцу Густову» путь отхода. Эта ошибка стала для

графа Вахтмейстера роковой. Тем временем ведомый самим адмиралом «Ростислав» стал бортом против кормы «Принца».

Несколько всесокрушающих залпов – и все было кончено. «Принц Густав», еще какой-то час назад бывший гордостью всего шведского флота, являл теперь лишь пылавшую развалину. С фор-стенги вице-адмиральского корабля медленно, будто нехотя, пополз вниз королевский флаг. Спустя мгновение вместо него взвился другой – сине-белый Андреевский!

– Виват, Екатерина! – выхватил из ножен шпагу командир «Ростислава».

– Ур-ра! – подхватили офицеры и матросы.

Через четверть часа к борту российского флагмана подошла шлюпка с «Принца Густава». Шведские матросы с печальной торжественностью положили у ботфортов Грейга свой корабельный кормовой флаг. Поднявшийся вслед за ними на палубу «Ростислава» граф Вахтмейстер молча протянул адмиралу вперед эфесом свою шпагу. Далее между двумя морскими предводителями состоялся следующий диалог.

Адмирал Грейг:

– Кто вы такой?

Граф Вахтмейстер:

– Я генерал-эд-де-кап короля граф Вахтмейстер. В настоящем сражении командовал авангардом под вице-адмиральским флагом!

Адмирал Грейг:

– Каковы ваши потери? Почему не был спущен ваш стеньговый флаг до подхода нашей шлюпки?

Граф Вахтмейстер:

В начале боя я велел прибить его гвоздями к фор-брам-стенге и матросы просто не успели его отодрать...

Адмирал Грейг:

– Возьмите, граф, обратно вашу шпагу, вы храбро и искусно дрались!

В своем донесении российский главнокомандующий написал об этом эпизоде так: «В начале 9 часа шведский флот спустился на фордевинд и скоро посла привели корабли в бейдевинд на правый галс; сие же в нашем флоте некоторые корабли сделали; в то время шведский вице-адмиральский корабль приближался к кораблю «Ростиславу», который в то же время поворотился буксиром на фордевинд, началось между ними сражение, продолжая оное около часа, потом шведский вице-адмирал спустил свой кормовой флаг и с корабля «Ростислав» больше по нему пальбы не производили, а обратили пальбу на другой шведский корабль; тогда послан с корабля «Ростислава» офицер завладеть вице-адмиральским кораблем...»

К девяти часам вечера шведы стали выдыхаться окончательно. Все реже и реже следовали ответные залпы, все больше и больше распадался их боевой порядок.

– Никак приморимшись свеи! – обменивались мнением на русских кораблях. – А ну, ребята, прибавим-ка им еще жару!

И снова рвались на отдаче опутанные брюкинами пушки. Российский флот, ловя парусами слабые порывы ветра, снова и снова сокращал дистанцию, выходя на пистолетный выстрел.

Карл Зюдерманландский явно предлагал почетную ничью, но адмирал Грейг был настроен иначе.

Едва шведы отходили, как наши их нагоняли. К радости российских моряков, к месту боя подошел наконец со своими кораблями и «робкий» Фондезин. Огонь по шведам сразу же резко усилился.

По сигналу с «Густава Третьего» шведский флот стал торопливо оттягиваться от наших под ветер, не желая более продолжать сражение. Но оторваться было непросто.

– Ага, кишка тонка! – кричали наши матросы, банниками да мушкетонами потрясая. – Счас мы вас к царю морскому на аменины спровадим! Ужо там повеселитесь!

Но шведы не были бы шведами, если б не обладали присущими им мужеством и хладнокровием. Неприятельские капитаны под ураганным огнем сумели навести порядок в командах и вскоре, подравняв свой строй, шведский флот вновь начал организованно отбиваться. Но это была уже последняя попытка сохранить лицо.

Через полчаса неприятель выдохся окончательно и повернул вспять. Наши, поддерживая частый огонь, устремились в погоню. Впереди иных гнал бегущих шведов «Ростислав» англичанина Джеймса Тревенина (того самого, что плавал вокруг света с капитаном Куком), «Святой Петр» и «Болеслав» капитана 1-го ранга Денисова. Ветер меж тем быстро слабел. Чтобы не упустить неприятеля, капитаны распорядились опустить на воду все шлюпки и тащить корабли на буксире. Но и шведы не дремали, их гребные суда тоже были пущены в дело. К этому времени ветер упал окончательно, и паруса повисли никчемными тряпками.

В начале десятого часа вечера Грейг распорядился прекратить пальбу по всему флоту. Из-за наступавшей темноты, а также из-за густых облаков порохового дыма, висящих над местом сражения, и отдаленности шведов, огонь стал бессмысленным. Почти одновременно смолкли и шведские пушки, давая понять, что шведы так же не намерены продолжать бой далее.

– Победа наша! – устало бросил через плечо офицерам своего штаба адмирал Грейг, спускаясь к себе в каюту. – Ибо поле боя осталось за нами!

– Ищите Берха! – велел он чуть погодя своим адъютантам. – Меня сильно волнует судьба «Владислава»!

О трагической участи этого корабля на российском флоте еще ничего не было известно. Лишь после полуночи Самуил Грейг получил известие, что «Владислав» пленен неприятелем. Привез его мичман Шубин. Адмирал был в бешенстве.

– Сигнал по флоту! – потрясал он кулаками. – Ставить паруса! Догнать! Отбить!

На ближайших кораблях капитаны выразили немедленную готовность пополнить приказ командующего. Но эти корабли были настолько избиты в сражении, что их в пору было уже самих спасать.

– Немедленное преследование неприятеля, увы, невозможно! – доложил командующему капитан «Ростислава» Одинцов, собрав сведения о понесенных потерях со всех кораблей. – Нужно хотя бы немного починиться!

Выслушав доклад капитана и поглядев присланные письменные отчеты, Грейг поостыл. Потери и повреждения и вправду были впечатляющи.

Тогда же вызваны были адмиралом на «Ростислав» и отказавшиеся от боя капитаны «Дериса», «Иоанна Богослова» и «Памяти Евстафия». Шпаги у них Грейг отбирал самолично. Разумеется, адмирал понимал, что истинная причина в поведении капитанов – не их трусость, а нежелание драться против братьев-масонов.

– Попомните, ваше превосходительство, орден еще отомстит за наше унижение и попрание законов братства! Ждать осталось совсем немного! – заявили арестованные.

Взятые под караул капитаны уныло побрели в корабельный карцер. На прощанье Грейг бросил им в лицо:

– Трусость ваша не соответствует званию российских моряков, а это звание я ценю выше всех иных!

На то, чтобы отстранить от командования начальника арьергарда Грейг прав не имел, однако он тут же отписал письма о постыдном поведении Фондезина в коллегии и императрице.

Всю ночь на русских кораблях очищали от обломков палубы, как могли, чинили такелаж. Со стороны шведов ветер доносил истошную ругань, да шум весел на буксирных шлюпках.

К рассвету следующего дня шведам наконец повезло, они попали в полосу легкого западного ветра. Не испытывая более судьбу, Карл Зюдерманландский распорядился спешно ставить все возможные паруса. Не тратя времени на перестроения, шведы в полнейшем беспорядке устремились к ближайшему Свеаборгскому порту. Спереди иных мчался флагманский «Густав Третий». Это был уже не хитромудрый маневр, это было самое настоящее бегство!

Завидев шведскую ретираду, наши тотчас развернули форштевни своих кораблей вслед шведам. Балтийский флот устремился в погоню.

– Добьем покусителя в его же берлоге! – кричали балтийцы. – Отомстим за погубленных дружков наших, за вероломство!

Отправиться к Свеаборгу, однако, смогли не все. Наиболее поврежденные: «Болеслав» с «Вышеславом», да «Мечеслав» с «Всеволодом» Грейг был вынужден отправить в Кронштадт. Вместе с ними решили послать и отбитый «Принц Густав». Пусть люд кронштадтский полюбуется первому трофею! Командиром захваченного «Принца Густава» был определен капитан-лейтенант Коля Бодиско. Он и повел почетный трофей в Кронштадт.

Наши потери составили до шестисот человек и почти тысячу раненых. Шведы потеряли и того более.

У фальшборта рядом лежали убитые. Отряженные матросы, зашивали покойников в парусину, делая, по старой морской традиции, последний стежок через нос. Когда начали зашивать поручика Бестужева, тот неожиданно вздохнул.

– Никак живой! – отшатнулись матросы.

– Тащи его к докторам! – может, еще и выживет. – Хороший человек – господин поручик – всем нам благодетельствовал!

Бестужев выжил. В Ревеле его выходила простая женщина-мещанка, на которой он потом и женился. У Бестужевых была большая семья, пять сыновей и две дочери. Александр Федосеевич, сам, будучи человеком просвященным, дал детям отличное образование и воспитание. Все сыновья, к сожалению, подались в масоны-декабристы. Ветеран Гогланда, слава богу, до этого не дожил. Дальнейшее известно – четверо сыновей сгинут на каторге, а самый талантливый из всех – писатель Александр Бестужев-Марлинский погибнет в схватке с черкесами во время десанта Черноморского флота.

После Гогланда принца Карла Зюдерманландского сразу же дружно прозвали на нашем флоте Сидором Ермолаевичем. Так и говорили:

– А что там наш Сидор Ермолаевич замышляет, небось какую новую пакость?

* * *

11 июля Грейг с флотом встал на якорь у острова Сескар в ожидании подвоза боеприпасов. Адмирал торопился закупорить свеаборгскую бутылку.

Одновременно на эскадре занимались теперь делами тяжелыми, но необходимыми. Тела павших в саванах поместили на чисто оструганные доски и покрыли Андреевскими флагами. Гробы для моряков – слишком дорогое удовольствие. Священники начали отпевание. Над всей эскадрой до половины приспустили флаги. По окончании церковного обряда под пение «Со святыми упокой» тела вместе с досками поднесли к борту ногами вперед и положили концами на планширь. Специально назначенные матросы встали в изголовье и взяли края флагов в руки. Горнисты, вскинув трубы, протрубили прощальный напутственный сигнал. Затем доски разом приподняли, и тела выскользнули за борт из-под флага. Всплеск и все... Орудия на верхних палубах проводили покойников в вечное плавание троекратным залпом. Флаги немедленно подняли до места. Все, с погибшими простились, настало время подумать о живых...

С победной реляцией был отправлен к императрице Екатерине и адъютант командующего – капитан 2-го ранга Логин Кутузов (сын российского адмирала И.Л. Голенищева-Кутузова и двоюродный брат великого русского полководца).

Прочитав донесение Грейга, Екатерина прослезилась:

– Теперь как камень с души свалился и можно свободно вздохнуть!

Самого Кутузова тут же произвела в капитаны 1-го ранга.

– На гербе грейговском, сколь я помню, начертан девиз: «Ударяй метко», вот он и ударил! – не преминул вставить свое словцо и гофмейстер Безбородко.

– Не желает ли ваше величество, лицезреть плененного Грейгом шведского адмирала? – поинтересовался бывший тут же вице-президент Адмиралтейств-коллегии граф Иван Чернышев.

– Нет! – резко повернулась к нему Екатерина. – Везите его немедленно под караулом в Москву. Пусть там и сидит!

В тот день императрица отписала на юг Потемкину: «Петербург в эту минуту имеет вид укрепленного города, и я сама как бы в главной квартире; в день баталии морской 6-го июля дух пороха здесь в города слышен был; таким образом, мой друг, я нюхала порох...»

День сражения совпал не только с днем памяти преподобного Сисоя Великого, весьма почитаемого на Руси, но и с днем рождения наследника престола – генерал-адмирала Павла Петровича. Посему императрицей Екатериной велено было запечатлеть в истории не место победного для русского оружия сражения, а его дату.

– Повелеваю отныне в память о сем достопамятном дне всегда иметь в составе нашего флота корабль с именем «Сисой Великий»! – велела она.

Уже через пару недель «Сисоем» нарекли первый спускаемый в Архангельске на воду 74-пушечный линейный корабль. Отныне в императорском российском флоте всегда будут корабли, носящие это славное имя.

Достоин удивления, но члены высшего военного совета империи результатами сражения были не слишком довольны. Почему – остается загадкой. Когда стало ясно, что Петербург избавлен от шведского нападения, к вельможам вернулась былая уверенность и важность, Против награждения Самуила Грейга орденом Андрея Первозванного члены совета не возражали, а вот против награждения Тимофея Козлянинова Георгиевским крестом третьей степени голос подали:

– Чтоб Егория третьего поручить, надо ж какую крепость взять, а тут пострелял-пострелял, и шашь в герои!

Но тут уж нашла коса на камень! За своего боевого товарища вступился адмирал Грейг. Флотоводец без обиняков заявил:

– Если верному моему товарищу креста не будет, то и я свою звезду брать не стану!

В дело вмешалась императрица, и контр-адмирал Козлянинов был уважен. Но и после этого Грейг свой орден так и не надел. На расспросы любопытных отвечал нехотя:

– Возложу на себя сие отличие, когда всех шведов испепелю!

– Надеюсь, что этого дня нам осталось ждать недолго! – сказала императрица, когда ей передали слова адмирала.

По адмиральскому представлению кресты получили пятеро капитанов кораблей, храбрейшие из храбрых:

Цейхмейстеру эскадры Леману и капитану флагманского «Ростислава» Одинцову вручены были золотые шпаги с лаконичной гравировкой «за храбрость».

В канун Гогланда в Санкт-Петербург приехал из деревни отставной адмирал Чичагов. Прослышав о жестоком морском сражении со шведами, старик решил проситься на флот.

Добившись приема у вице-президента коллегии Чернышева, он с порога принялся уговаривать его взять его на корабль.

– Но как я вас возьму, – резонно отвечал граф Иван Григорьевич. – Когда вы старшинством своим гораздо старше Грейга!

– Не о старшинстве речь нынче, когда Отечество огнем с двух сторон полыхает! – насыпился Чичагов. – Согласен и на младшего флагмана!

– Но года ж ваши преклонные? – хитрил Чернышев.

– Я бодр, как и в прежние годы молодые!

– Но вы ж больны простудами!

– Излечусь!

В конце концов, Чичагову было все же отказано и велено лечиться, если хочет он еще послужить Отечеству. Уезжая, старик бросил пророчески:

– Вы не смотрите, Иван Григорич, что стары годы мои. Я еще и Грейга вашего переживу! Как в воду глядел старый вояка...

* * *

Итак, шведский флот бежал. Позднее шведские историки неуклюже попытаются объяснить это бегство недостатком ядер, как будто русские моряки всю баталию безмолвствовали!

Курс шведских моряков был проложен к Свеаборгу. Лишь там, под защитой его гранитных фортов, Карл Зюдерманландский мог чувствовать себя в безопасности от русского флота. Впрочем, герцог особо не унывал. Посланный им к брату королю в Ловизу на яхте барон Бунге, не моргнув, сообщил Густаву Третьему о блестящей победе. Король отнесся к донесению младшего брата скептически.

– Где ныне сам Карл? – спросил он барона.

– Мчится на всех парусах в Свеаборг! – бойко доложил посланец.

– Где же русские? – поинтересовался король.

– Мчатся следом за вашим братом!

– Так кто же победитель? – изумился Густав.

– Разумеется, вы, ваше величество! – смиренно опустил голову барон Бунге.

– Что ж, – помолчав, вздохнул король. – Тогда будем объявлять о победе! Самому ж герцогу передайте от меня, что если ему удастся ускользнуть от Грейга и добраться без потерь до Свеаборга, то праздновать ему Гогландскую победу с всею пышностью, чтобы ни у кого не было никаких сомнений в торжестве нашего оружия. На празднике буду и я!

Непонятно почему, но герцог Карл растрезвонил на всю Европу, что адмирал Грейг погиб в сражении. Когда же ложь его стала очевидной, то герцог лишь развел руками:

– Ну, если и жив, то ногу, по крайней мере, ему оторвало, это уж точно!

За кормовым балконом флагманского корабля герцога Зюдерманландского плескалась балтийская мутная волна. Сам генерал-адмирал королевского флота, сидя за сосновым столом, предавался невеселым раздумьям. Герцог еще не знал, как отнесется старший брат к итогам Гогланда. Объявит ли для поднятия духа армии о мнимой победе или же займется поиском виновников поражения... Утопающий, как известно, хватается за соломинку. Герцог Карл решил искать оправдание перед королем в... брандскугелях!

– Поспешный уход наш под стены свеаборгской крепости имеет причину единственно употребления русскими их любимого варварского оружия – взрывающихся гранат, следы от которых видны на борту моего корабля! – объявил он своим изумленным офицерам.

А чтобы ни у кого не оставалось сомнений на сей счет, герцог отправил своего адъютанта Клинта. В Ревеле к тому времени стоял лишь один старый брандвахтенный фрегат «Паллас». Его командир капитан 2-го ранга Билан встретил шведов дружным залпом. Когда же над шху-

ной взвился парламентарский флаг, капитан фрегата велел бить отбой. Прибыв на русское судно, лейтенант Клинт вручил капитану 2-го ранга Билану письмо от герцога Карла для адмирала Грейга с возмущениями относительно применения брендскугелей.

Говорят, что, прочитав это послание, Самуил Грейг долго плевался. В ответ он тотчас не замедлил переслать в Свеаборг Карлу образцы его картечи с замысловатыми крючьями и брендскугели с клеймением в три короны, которыми скандинавы всю засыпали русские корабли.

Тем временам в Свеаборге и Гельсингфорсе всю гремели салюты. На празднество прибыл и сам Густав Третий.

Благодарственные молебны шли во всех церквях Стокгольма. Сам король прибыл в Гельсингфорс и посетил тамошний молебен. При этом Густав раздавал ордена налево и направо, в том числе и высшую награду королевства – орден Меча. Торжественно похоронили командира «Вазы» графа Вальтазара Горна, прикрывавшего флагман корпусом своего корабля, при этом раненого и вскоре умершего от ран. Шведская академия назначила премию за лучшую оду в честь павшего героя. По улицам столицы торжественно носили как доказательство победы флаг и вымпел «Владислава». Ремесленники и крестьяне верили и восхищались. Дворянство недоумевало: если одержана победа, то почему победоносный флот прячется от русских в Карлскруне, а не разбитые русские не прячутся от нас в Кронштадте?

Встреча двух братьев, однако, не была особо радостной. Когда они остались наедине, Густав взял Карла за локоть и пристально глянул ему в глаза.

– Ты провалил весь мой план! Русские загнали тебя в Свеаборг, как мышь в щель!

Тяжко вздыхая, герцог подавленно молчал. Да и что мог он ответить?

– Разумеется, на флот я рассчитывать в эту кампанию больше не могу – продолжал меж тем король. – План нападения на Петербург провален полностью. Но у меня уже есть иной выход!

– Какой? – робко поднял глаза на старшего брата Карл.

– Вскоре в Финляндии я буду иметь до сорока тысяч солдат. С моря их поддержит шхерная флотилия. Этих сил будет вполне достаточно, чтобы ворваться в русскую столицу по Выборгской дороге!

– А русские войска? – недоверчиво поинтересовался генерал-адмирал.

– Финляндия пуста, как порожняя бочка!

– А русские галеры?

– Они существуют лишь на бумаге! Путь вдоль опушки шхер на Петербург тоже совершенно свободен! – ухмыльнулся Густав Третий. – Конечно, русский флот задал нам сильную трепку, но война еще только начинается, и я не намерен сидеть сложа руки!

Едва братья окончили разговор, герцога уже поджидали в приемной капитаны дозорных фрегатов, только что вернувшиеся с моря.

– Вблизи порта русских не видно! – доложились они, уставшие и обросшие щетиной. Герцог обернулся к королю:

– Вот видишь не все так уж плохо. Им тоже досталось, и Грейг еще долго будет зализывать свои раны в Кронштадте!

Шведский генерал-адмирал ошибался. Адмирал Самуил Грейг уже вел свои корабли на Свеаборг и настроен он был весьма воинственно.

Утро 26 июля выдалось пасмурным и туманным. Уныло вышагивали по куртинам свеаборгских бастионов полусонные часовые. Сонно качались на внешнем рейде три корабля и фрегат. Вахтенный лейтенант 64-пушечного «Густава Адольфа», позевывая в кулак, заполнял шканечный журнал.

– Господин лейтенант! Смотрите! Смотрите! – внезапно закричал сидевший на клотике матрос-наблюдатель.

– Что там еще? – Тот недовольно обернулся – и обомлел. Прямо на него из мутной пелены тумана бесшумно и стремительно надвигалась громада линейного корабля, за первым угадывался второй, третий...

– Русские! Русские идут! – уже всю кричали бегавшие по палубе матросы. – Рубите, к черту, якорный канат! – выкрикнул опомнившейся лейтенант.

– Свистите тревогу! Будите капитана!

На стоявших поодаль шведских кораблях суетливо ставили паруса и поворачивали на Свеаборг. Ударил сигнальная пушка. За ней другая – это русских заметили и в крепости. А дальше была погоня. Настоящая! В надрыве жил и нервов Тимофей Козлянинов (это был он!) гнал перед собой шведские корабли, как борзая гонит обмершего от смертельного страха зайца.

– Круче к ветру! – кричал висевшим на штурвале рулевым контр-адмирал. – И-ш-шо круче!

Из-под форштевня передового «Мстислава» клочьями разлеталась пена. Наконец беглецов настигли! Видя, что уйти уже не удастся, концевой шведский корабль вильнул в сторону, в надежде, что преследователь проскочит мимо, и тут же с грохотом выскочил на гребень подводной скалы. От страшного удара разом рухнули мачты. Закричали придавленные. В распоротое днище хлынула вода. Не сбавляя хода, Козлянинов осыпал бедолагу градом ядер и продолжил преследование остальных, оставив своего незадачливого противника идущим сзади.

А по фалам «Густава Адольфа» уже скользил вверх белый флаг сдачи. К пленнику подходили главные силы во главе с Грейгом. На русских кораблях всю играла музыка. Зато на свеаборгских фортах царило полное молчание. Оттуда лишь в подавленном бессилии наблюдали, как с захваченного «Густава» шлюпками свозят пленных да сгружают пушки.

Самуил Грейг демонстративно пришел под стены Свеаборга, бросая вызов шведскому флоту еще раз померяться силой в генеральном сражении. Шведы этого вызова не приняли. Несмотря на то, что в гавани стоял весь королевский флот, объявленный «победителем» Гогланда, а ветер дул самый благоприятный, никто из «победителей» даже не попытался выйти в море и наказать за неслыханную дерзость «побежденных». К вечеру следующего дня Грейгу доложили:

– С разбитого «Густава Адольфа» свезено 553 пленных, все пушки, ядра и порох. Корабль готов к сожжению!

– Начинайте аутодаффе! – махнул рукой адмирал.

Языки жадного пламени вмиг охватили пленника. Взрыв и лишь усеянные обломками досок и обрывками канатов волны говорили о том, что еще минуту назад здесь был корабль шведского короля.

Уничтожение «Густава Адольфа» на виду всего шведского флота и гарнизона крепости произвела на шведов самое гнетущее впечатление. Грейг как бы устроил показательную публичную казнь...

Российские корабли окружили шведский порт плотным кольцом.

– Что пробку в бутылку вбили! – шутили наши, в сторону неприятельскую поплеывая.

Одновременно Грейг разослал по всему Финскому заливу дозорные фрегаты, словно огромной ловчей сетью накрыл балтийские воды. И началось! Шведские капитаны, сбитые с толку известием о победе своего флота над русскими, без опаски покидали порты и тут же становились легкой добычей грейговских фрегатов. От обилия захваченных трофеев на российских кораблях скоро не знали куда деваться.

– А подать сегодня служителям на обед по дюжине яиц в яешне! – решали на «Брячеславе».

– Да по ведру молока с булками изюмными на артель! – изгалялись на флоте под Свеаборгом.

Грейга волновал в те дни уже шведский гребной флот, сновавший вдоль всего финского побережья. Лазутчики докладывали:

– Король хочет на галерах перебросить в Стокгольм гвардейские полки. Разогнать штыками оппозицию и продолжить войну уже без оглядки на недовольных.

– Этого допустить никак нельзя, – заключил разумно Грейг и тотчас отрядил к Гангутскому мысу отряд капитана 1-го ранга Тревенина.

У адмирала с Джеймсом Тревениным отношения были особые. Капитан был соплавателем знаменитого морехода Кука. Грейг же был женат на кузине Кука, милой и очаровательной Сарре Кук. Ныне Тревенин, так же, как и Грейг, верой и правдой служил российской державе.

– Я никогда не забывал доброй старой Англии, – неоднократно говаривал капитан в кругу друзей. – Но что поделать: если я полюбил Россию!

– Якорь выхаживать! – распорядился Тревенин, получив ордер адмирала. – Курс на Гангут!

* * *

Наверное, нет более места на море Балтийском, с которым было бы связано столько славных боевых страниц, как с Гангутом. Гремели здесь, знаменуя первую победу молодого российского флота, пушки Петра Великого, били шведов эскадры адмирала Мишукова при императрице Елизавете.

Нашим современникам памятен Гангут и по событиям войны Великой Отечественной...

Гангут – место особое. Полуостров и одноименный мыс как кинжалом вонзаются в воды Финского залива, рассекая его. Владеющий Гангутом держит в руках ключ от Финского залива, владеющий Гангутом – полноправный хозяин в здешних водах.

Встав с несколькими судами у Гангутского мыса, Тревенин сразу разорвал артерию, питающую припасами финляндскую армию шведов. Суда свои капитан расставил мористее скал. От крайнего протянул к берегу цепь. Вдоль цепи баркасы с фальконетами. Поди-ка прорвись!

Офицерам своим Тревенин объявил:

– Глядеть в оба. Шведы обязательно скоро объявятся. Кто заметил – пали без всяких раздумий!

При капитане худенький и рыжеволосый гардемарин «за мичмана» Вася Головнин. Нынешняя война для него первая и потому каждый выход в море – целое событие. Время главных подвигов Василия Головина еще впереди, пока же он учится драться.

Захват Гангутской позиции вызвал раздражение у Густава Третьего. Король нервно велел:

– Русских с позиции сбить и водную коммуникацию восстановить!

Поначалу шведы выслали к мысу дозорные суда, поглядеть и посчитать, много ли там русских. Когда увидели, что немного, решились на прорыв. Но, получив отпор, сразу же ушли.

Занятие Гангута принесло шведам массу проблем. Отныне все получаемое из Швеции военное припасы, в том числе и для запертого в Свеаборге флота, приходилось выгружать с судов и везти сухим путем через Гангутский полуостров. На другой стороне полуострова их надо было снова нагружать на суда и везти через шхеры в Свеаборг. Теперь у шведов для войны на море просто не было сил.

Глава четвертая У стен Фридрихсгама

Капитан 1-го ранга Слизов жил с семьей неподалеку от кронштадтской гавани, занимая верхний этаж небольшого деревянного дома. Сам капитан был собой человек неприметный: роста небольшого, щуплый, стрижен под горшок, а нос и вовсе картошкой. Роду ж был он самого захудалого – крестьянского. Отец Слизова состоял в крепостных при герцоге Бироне на конюшне. Там среди лошадей и навоза вырос и его сын.

Многотруден был путь к капитанству конюшенного мальчика Петруши. Чего только испытать ни довелось: побои и оскорбления, голод и несправедливость. Но не отчаялся, выдержал, превозмог и выстоял! Службу свою начал Слизов матросом. Служил на совесть и вскоре был пожалован за сметку и лихость в боцмана, а затем и вовсе в шкипера. Шкипер, он хоть и не офицер, но фигура на любом судне уважаемая, ибо ведает всеми такелажными припасами. Казалось бы, что еще надо крестьянскому сыну? Выбился в люди – и будь счастлив! Но не таков был сын бироновского конюха. Было у шкипера увлечение чудное – любил он решать задачки арифметические да наблюдать, как судовой штурман прокладку на карте вычисляет. Вечно он около штурманов крутился и то ему покажи, и это интересно. Дружки слизовские на него порой обижались. Все люди, как люди, есть случай – сразу в кабак, а этот вечно сидит цифирьки выписывает, противно!

А как-то и вовсе заявился Слизов к капитану своему, бухнулся в ноги да давай просить:

– Пустите, отец родной, учиться меня в роту штурманскую!

У капитана аж челюсть отвисла:

– Экий дурень ты, Слизов, и на кой ляд тебе та рота? Кто ты сейчас? Шкипер – персона уважаемая! А кто после роты той выйдешь? Учеником штурманским на побегушках! Тебе уж третий десяток, семья, детки малые. Пора уж и головой своею сурьезно думать!

Но Слизов от своего не отступал и в роту штурманов определился. Бедствовал, конечно, последнюю полушку слал семье, сам месяцами жил лишь на хлебе да воде. Соученики многие ему в сыновья годились, смеялись над дядькой-перестарком. Но ничто не могло поколебать слизовского упорства. С чисто крестьянской жадностью накинул на учебу. Себя ж утешал так:

– Великий Михайла Ломоносов и грамоте к двадцати годам выучился, а каких высот в науках достиг!

Не мудрено, что штурманскую роту Слизов окончил первым по списку. За успехи в науках навигацких дали ему, минуя ступень ученическую, сразу чин подштурмана да должность навигаторскую на фрегате. Дело новое пришлось Слизову по душе. Любил он высоты светил брать, счисление вести, ход корабельный мерить. Местом своим дорожил и гордился.

– На нас, навигаторах, весь флот держится! – говаривал дружкам за столом питейным. – Кто знает нынче капитанов короля португальского, что округ Африки в Индии плавали? Никто! А имя Васки да Гамы – великого навигатора – известно каждому просвещенному мореплавателю!

– Ну ты даешь, Иваныч! – искренне восхищались товарищем шкипера да боцмана. – Головастый ты у нас, прям как немец!

Жена подштурмана, Ирина Николаевна, восхищения дружков, однако, не разделяла.

– У всех мужики как мужики. Все что-нибудь со службы домой тащут – кто рыбку, кто окорочек, кто холстинку залатанную. Мой же – одна прореха! Все по грамотеям бегаёт да книжки напролет читает! И пошто я такая несчастная! – жаловалась она своим подругам – товаркам.

– И то, Николавна, – сочувствовали те. – Не повезло тебе, сердешной, в жизни, еще ты со своим дурнем намаешься!

Проплавал Слизов одну кампанию, затем вторую. Прометил его начальство, стало от иных отличать, в пример ставить. Хорошие штурмана во все времена в цене немалой! Получил Слизов и повышение – стал старшим штурманом на корабле линейном. Стал и деньги неплохие получать, квартиру приличную снял. Жена его о былых разговорах с подружками позабыла.

– Я теперь супружница штурманская, а потому дама солидная и почтенная! – гордо объявляла она при случае.

– Иш, возгордилась! – шептались промеж себя бабы. – Барыней стала! Вот ведь, что значит мужика башковитого охомутать! Живи и радуйся!

Казалось бы, уж теперь-то надо было Слизову наконец успокоиться. Все в его жизни устроилось вполне. Надо лишь отплыть пять-шесть кампаний, а затем куда-нибудь под Казань на должность фортмейстерскую, лесами корабельными заведовать. Место сытное и доходное. Предел мечтаний каждого флотского штурмана. Но и теперь сын конюха не угомонился! Завел он дружбу с профессором Кургановым, что в Морском корпусе науки точные читал и налаждался к нему при каждом удобном случае навещать, уроки брать. Смеялся Курганов:

– Экий ты, Петр Иванович, настырный, будто в академики метишь!

Смушался тогда Слизов, треуголку в руках сжимая:

– Хочу лишь от учености вашей малую долю перенять, чтобы дело свое познать до тонкостей предельных. А мечту имею найти способ, чтоб, в море плавая, долготу определять!

Тут уж и Курганов посерьезнел, вздохнул тягостно:

– Сие есть задача неразрешимая. Ни англичанин Невтон, ни наш Эйлер решенья ее не осилили. Куда уж нам тщиться! Ладно, доставай учебник, будем делать урок!

– Иш, халдрон, то наш все с книжками бегают, мол, я не я, а как был сиволапым, так им и останется. Одно слово: х-а-л-д-р-р-о-н! – частенько говорили ему тогда вослед.

Халдронами в те годы презрительно называли корабельных штурманов, тех, что не допускались в кают-компанию и, завидев офицера, должны были вставать перед ним во фронт.

В прусскую войну под Мемелем дрался Слизов с пруссаками на праме «Дикий бык». Храбрость подштурмана была такова, что, вопреки всем старшинствам, ему дали вскоре под начало транспортное судно. В 1760 году Слизов по приказу адмирала Мишукова на двух шлюпках под неприятельским огнем провел промер речки Пресанте у Кольберга, был ранен, но задачу исполнил. Однако, несмотря на это, никаких наград не получил.

Прошло еще немного времени и не стало Петру Слизову равных в штурманском деле на всем флоте. Теперь капитаны перед очередной кампанией за Слизова чуть не в драку, какими только посулами не прельщали. И было из-за чего! С таким штурманом любой капитан был как за каменной стеной. Теперь Слизова даже флагмана по имени-отчеству величали за ученость его и мастерство. Так и служил штурман Слизов до самой турецкой войны 1768 года. Когда ж стал собирать адмирал Спиридов эскадру в пределы Средиземные, вспомнил он и о Слизове. Должность Петру Ивановичу определили большую – старшим штурманом всей эскадры.

Едва прибыл Слизов на флагманский «Евстафий», тут же прибил в своей выгородке над гамаком картинку малую. На той картинке персона какая-то в шляпах с перьями. Спрашивали штурмана:

– Кто таков мужик на картинке?

– Сей портрет персоны кавалера Васки да Гамы – первейшего из штурманов мира! – был ответ Слизова.

Затем был сложнейший поход в Средиземное море. Свой «Евстафий» Слизов привел к месту эскадры на острове Минорка первым. После был Хисский бой. Когда ж свалился «Евстафий» на abordаж с турецким флагманом, Слизов храбро дрался на палубе, когда ж от взрыва крьюйт-камеры «Евстафий» взлетел на воздух, Слизов был отброшен далеко в море. Долгое

время плавал он, оглушенный. Держался за обломок мачты, да еще поддерживал обессиленного капитана Круза. Так их вдвоем и вытащили.

За заслуги в Чесме, по ходатайству Спиридова, был даден Слизову мичманский чин и пожаловано личное дворянство. Затем были походы и сражения иные. Закончилась экспедиция, и вернулся в Кронштадт флот. Началась обыденная служба. Скоро, очень скоро почувствовал Слизов, как обходят его чинами и должностями, как смеются в спину сопливые, но родовитые и со связями мальчишки. Впрочем, по этому поводу Петр Иванович особо не печалился. Дело свое он знал и служить привык на совесть. От особ интригующих держаться старался подальше.

– И чего нервы друг дружке трепать? – удивлялся он искренне. – Море большое – всем места хватит!

Дружбу водил Слизов с приятелями старыми – шкиперами да боцманами. Накоротке знался с адмиралом Крузом, с которым породнила чесменская купель. Частым гостем в слизовском доме бывал и молодой капитан 1-го ранга Муловский. С Муловским Слизов отплавал две кампании на фрегате. Первый – капитаном, второй – старшим из лейтенантов. И хотя гордился Гриша Муловский Слизову по годам в сыновья, отношения меж ними были самые сердечные. Что сблизило этих, таких, казалось бы, совершенно разных людей: блестящего молодого офицера и старого трудягу-моряка, кто знает... Может быть, общая любовь к морю, да еще неистребимая тяга к знаниям.

Шли годы и, наконец наступил день, когда сын конюха стал капитаном 1-го ранга. Но дома Слизову все одно не сиделось. Почти каждый год просился он перегонять новостроенные корабли из Архангельска вокруг Скандинавии в Кронштадт, а когда подустал от бесконечных штормов, полюбил всей душой шхеры финляндские, куда и старался в плавание направиваться. Тут уж и видавшие виды моряки удивляться стали.

– И что ты сыскал там, Иваныч? – говаривал при встрече адмирал Круз. – Ведь хуже места для мореплавателя пойдти – в целом свете не сыщешь! А ты ж туда как на ярмарку едешь!

– Да потому и катаюсь, что мне по хутородству моему самое там и место! – отвечал ему седовласый капитан 1-го ранга. – Политесь там без надобности, начальство тож далече. Зато уж плавание шхерное, ровно что война. Все время настороже быть надобно, чуть рот раззявил – и уже на камешке сидишь! А я ж в этих шхерах, что волк в лесу – любую тропинку знаю!

Правду говорил Петр Слизов, ибо не было на всем российском флоте более капитана, равного ему в искусстве шхерных плаваний. Не только каждый пролив знал он как свои пять пальцев, но и риф подводный за добрую милю нутром чуял.

Гребной флот России всегда влачил существование достаточно жалкое. О нем вспоминали только тогда, когда, как говорится, клевал жареный петух. Так уж повелось, что в мирное время галеры потихоньку гнили на приколе, а чуть в Швеции начинали высовывать из ножен мечи, на кронштадтских и петербургских верфях начиналась паника и суета – это в очередной раз создавали практически заново галерный флот.

Так было и на исходе восьмидесятых годов XVIII века, когда стали спешно закладывать гребные фрегаты да новые «секретные» суда.

О «секретных» судах ходило тогда много толков. Говорили даже, что двигаются те суда без парусов от действия некой хитроумной машины, а пушки, на их палубах стоящие, прямо поливают врага пламенем на манер «огня греческого», без всяких там ядер и бомб.

На самом деле все обстояло куда более просто. «Секретные» суда были по существу обыкновенными малыми фрегатами, только наиболее приспособленными для действий в узких и мелководных шхерах. Чертежи этих судов в свое время были через датчан выкрадены у тех же шведов, которые давно занимались разработкой подобных судов. Названы ж суда были «секретными» лишь только по той причине, чтобы шведы о том похищении не пронюхали.

Дальше – больше, Густав Третий, прознав про имеемые у русских от него секреты, заволновался изрядно. Слухи о невероятной мощи новых екатерининских судов вызвали у шведского короля прямо приступ ярости. По его приказу посол Нолькен, щедро сыпя золотом, сумел выкрасть у русских наисекретнейшие чертежи. Каково же было изумление короля, когда взору его предстал чертеж его же собственного судна! Густав Третий умел быть ироничным.

– Воруя ворованное, мы оберегаемся от воров! – заявил он, смеясь.

Нынче из-за шведской угрозы гребные суда строили быстро, а потому часто и бестолково. Чего только ни рождала буйная фантазия адмиралтейских флотоводцев: шебеки и полусебеки, дубель-шлюпки и канонерские лодки, прамы и каики, «северные» суда и венецианские ботики. Вся эта несуразная и разношерстная армада, быстро заполняя гавани, вызывая оторопь у выдавших виды мореходов. И было от чего! Если одни из наспех сколоченных судов грозили сделать оверкиль прямо у причала, то другие были сработаны столь экономно, что и пушки-то на них ставить было некуда. О таких мелочах, как плохая управляемость и невозможность стрельбы из-за загораживающих пушки весел, уже никто и не заикался, засмеют!

Из наблюдений очевидца: «Гребной флот почти всегда бывает смешан с парусным, действие же галерами совсем разнится от управления парусными судами. Другая конструкция, другая оснастка, другие названия всякой вещи, другой порядок в плавании и прочее; так что офицер, служивший довольно на кораблях, если вступит на галеру, должен учиться узнавать вещи, их употребление и наименование. Не видав галер, всякий мореходец удивится, что для того, чтоб остановиться на якоре, бросают с галер по два якоря: один в носу, а другой с кормы. Большую еще перемену встретит офицер, привыкший к галерной службе, когда случится быть ему на корабле».

Плавать же галерный флот в ту пору не умел и вовсе. По причине экономии денег ежегодно из Кронштадта в шхеры посылали не более трех галер. Экипажи для них собирали с бору по сосенке. Поэтому из матросов редко кто более одного раза в шхерах и бывал. Об офицерах же и говорить нечего! Офицерство галерное от вечного безденежья и неустроенности бежали при первой же возможности по портам и береговым конторам, а потому моряков знающих и понимающих в деле галерном было крайне мало. Ну, а чтобы еще и всем флотом гребным не только командовать, но и в бой вести – такого не было на всей Балтике за исключением одного офицера. Этим одним и был уже знакомый нам капитан 1-го ранга Петр Иванович Слизов.

Уже в начале кампании из Кронштадта в Выборг перешла шхерная флотилия под началом капитана 1-го ранга Петра Борисовича Слизова. Флотилией, впрочем, она называлась больше для острастки врага, так как имела всего восемь старых полугалер, помнивших еще славные елизаветинские времена. Перед выходом в море Слизов потребовал, чтобы корпуса связали канатами.

– А то все скрипит и течет так, что, боюсь, до Выборга только на досках и доплывем! – говорил он с болью в сердце.

До Выборга кое-как доплыли, а там полугалеры снова принялись веревками обвязывать.

* * *

Печальный результат Гогланда, бегство шведского корабельного флота в Свеаборг и неудача у Гангута разом перечеркнули все честолюбивые помыслы короля Густава атаковать Петербург десантом с его самой беззащитной – южной стороны. Но король был человеком деятельным. В Финляндии у него было до сорока тысяч штыков и шхерная флотилия, а потому Густав решает атаковать российскую столицу на выборгском направлении.

– Это кратчайший путь до Петербурга, а потому он сулит нам не меньший успех, чем атака с юга! – вдохновенно внушал своим генералам король. – Перед шведским штыком не устоит никто!

Кротчайший путь был, безусловно, хорош, но была на том пути одна заковыка – Фридрихсгам.

Крепость Фридрихсгам (ныне финская Хамина) была главным трофеем России в прошлой войне со шведами. Крепость имела значение стратегическое, так как через нее шел кротчайший путь на Выборг, а оттуда и на Санкт-Петербург. Значение Фридрихсгама увеличивалось еще и потому, что форты крепости перекрывали узкий перешеек и обойти Фридрихсгам было просто невозможно. Его надо было или штурмовать, или вообще выкинуть из головы мысль о походе на русскую столицу. Если глядеть на крепость с высоты птичьего полета, то она походила на огромную морскую звезду, распластавшуюся на каменном перешейке. Каждый луч этой звезды – форт с пушками и гарнизоном. Помимо этого, фридрихсгамская гавань была весьма удобна для базирования гребного флота. Что и говорить, Фридрихсгам был лакомым куском, но поди его проглоти!

О том, как ему разгрызть фридрихсгамский орех, король Густав думал и днем и ночью. Планы его были дерзки, но как все выйдет на деле, не знал никто.

Главными генералами в Финляндии у короля вначале кампании были два графа Армфельда – дядя и племянник. Дядя Карл был уже в преклонных летах, благороден, но характер имел слабый и воевать откровенно не хотел. По этой причине всем заправлял его племянник, молодой и предприимчивый фаворит короля и счастливый соперник его брата Карла.

Еще до приезда короля Карл Армфельд двинулся с войсками к границе. Младший Армфельд атаковал тем временем наш форпост при Абберфорсе и, перейдя границу, занял местечко Питтис. Оттуда Армфельд направился по дороге к Фридрихсгаму, но был остановлен на полпути. Старший Армфельд между тем двинулся с другим отрядом к Фридрихсгаму с севера. К моменту сражения при Гогланде Фридрихсгамская крепость была уже почти окружена.

Густав хвастался:

– Завтра я буду уже у стен Фридрихсгама и задам работы русским! Скоро мой штандарт будет развеиваться на донжоне русской крепости!

Вскоре шведские егеря попытались атаковать нашу предмостную батарею, но комендант крепости Левашев атаку отбил. Затем шведский десант попытался перекрыть дорогу на Выборг, но тоже был отброшен.

Уже 4 июля гребная флотилия с десантом направилась для высадки в тыл Фридрихсгамской бухты. Густав ждал подхода галерного флота с шеститысячным десантом, чтобы атаковать крепость с моря.

Узнав о намерениях Густава, Мусин-Пушкин впал в панику:

– Ахти мне бедному, ахти несчастному! Чем же я буду защищаться от этакой армады! Зовите из Выборга Слизова с его каиками, пусть флотский свой порт и защищает, а с меня взятки гладки!

Тем временем шведские галеры попали в шторм, перепутали место и высадили солдат совсем не там, где надо. Командующий галерами – контр-адмирал Эренсверд – попался на нехитрую уловку. Наши с берега дали два условных выстрела из пушек. Шведы, поверив, что на берегу свои, начали высадку. Разумеется, тут же попали под картечь. Потери были большие, многие утонули, а те, кто добрался до берега, сразу сдались. Однако флотилия была цела, и король велел Эренсведру ворваться в Фридрихсгамскую гавань, чтобы бомбардировать крепость с моря.

Но Слизов шведов опередил. 14 июля он вошел в Фридрихсгамскую бухту. Мусин-Пушкин был его прибытию рад несказанно:

– Помогите, Петруша! Не дайте шведам закидать нас бомбочками, оборони!

– Шведов я не боюсь и с ними охотно переведаюсь! – отвечал Слизов. – Надеюсь, что их будет не больше десятка на одного!

– Ты меня хоть от малого набега оборони! – кивал генерал-аншеф.

Через два дня показались и шведы. Голова колонны медленно выплыла из-за гранитных утесов Свенкзунда. Стоя на палубе и втиснув глаз в окуляр зрительной трубы, Слизов, затаив дыхание, считал неприятеля и, чем больше считал, тем больше мрачнел. Только в авангарде у шведов было более четырех десятков вымпелов, включая фрегаты, а вдали за скалами острова Муссала виднелся еще густой частокол мачт корбедаталии и арьергарда. Перед ним был весь шведский гребной флот! Куда ему с восемью кайками, которые и так едва на волне держатся, против такой армады выстоять? Тут выходило не по десять на одного, а по все тридцать! Теперь надо было уже думать не об отражении нападения, а о том, как спасти от полного истребления сам отряд. Вида, однако, капитан 1-го ранга не показывал, оставаясь бодрым и деятельным, как всегда.

– Поднять сигнал на отход под защиту Выборгских батарей! – велел он.

Полугалеры медленно разворачивались на фарватере. Не слишком обученные гребцы неравномерно опускали весла.

Сам же Слизов храбро остался на месте, прикрывая отход своих кайков.

– Ну, – перекрестился он и махнул своим комендорам. – Пали!

Первые же ядра легли около форштевней передовых шведских галер. Вторые уже дырявили борта, а третьи рушили мачты и рвали ванты. В это трудно поверить, но одна-единственная маленькая полугалера-каик, остановила весь шведский гребной флот с королем во главе! Передовые шведские удемы и турумы, не ожидавшие столь сильной и меткой прелюдии, разом отвернули в стороны, не пытаясь преследовать отходящих. Так, прикрывая свой отряд, Слизов и отошел к Выборгу.

Даже наблюдавший с берега за происходящим Мусин-Пушкин признал:

– Иш, храбрец какой! Я уж думал конец флотскому, а он и лодки спас, и сам вывернулся! Пишите представление на крест Георгиевский!

Забегая вперед, скажем, что ордена Слизову, разумеется, Адмиралтейств-коллегия не дала.

– А за что давать-то? – возмущались чиновники адмиралтейские. – За то, что от шведов ушел, так не велика заслуга! Вот ежели бы он шведов разбил, да короля ихнего из воды отпорником выловил, тогда другое бы дело!

Впрочем, Слизов не обиделся. В первый ли раз его наградами обходят?

В Выборге полугалеры слизовские тоже долго не задержались и были отозваны в Петербург, где поставлены на прикол, так как никакой боевой ценности не имели и могли в любой момент просто утонуть. Команды отправлены были на комплектацию вооружающихся линейных кораблей. Самому Слизову было велено ждать нового назначения. Однако мы с героическим капитаном 1-го ранга надолго не прощаемся.

А под Фридрихсгамом все время шли ожесточенные стычки. В один из дней шведы даже прорвались к форштадту, но были отброшены в штыковой контратаке. В отряде, защищавшем крепостное предместье, дрался и Александр Чесменский, 25-летний подполковник, храбрец и отличный малый. Отцом его был граф Алексей Орлов, а мать, по слухам, таинственная княжна Тараканова.

Комендант крепости генерал Левашев (тот самый, что перепоручил императрице всех своих законных и незаконных детей) поджег предместье и, запершись в цитадели, решил ждать выручки из Выборга, куда предусмотрительно удалился главнокомандующий Мусин-Пушкин. Получив письмо Левашева с просьбой о помощи, Мусин-Пушкин обиделся.

– Ишь, чего захотел, сам сидит за стенами гранитными, а мне кричит, чтобы я его выручал! Нам сейчас уже не до бастионов фридрихсгамских. Густав вот-вот десант у Выборга высаживает, а потом того и гляди и на Питер двинет, чем мне его тогда отбивать! – вздыхал генерал-аншеф, подсчитывая свои немногочисленные силы.

24 июля шведы сгрузили на берег осадные пушки. Вплотную к крепости подошли и канонерские лодки. Началась усиленная бомбардировка Фридрихсгама. Генерал Левашев, выглядывая в средневековую бойницу, прикидывал:

– Ежели только палить будут, то глядишь, недельку – другую еще и продержимся. А вот коль на штурм рванут, то часа на полтора нас и хватит, а потом шпагу в руки – и помирай геройски!

В один из дней генерал проснулся от непривычной тишины. Выглянул в бойницу – вокруг крепости пусто, ни шведов, ни их пушек. Глянул на залив – тоже пусто, лишь на горизонте паруса удаляющихся судов.

– Не может такого быть! – протер глаза генерал. – Не иначе привиделось!

Ущипнул себя, снова выглянул, нет, все так и есть! Послал разьезды. Вернувшись, казаки доложили, что на двадцать верст вокруг крепости нет ни одного шведа.

– Чудеса, да и только! – подивился Левашев. – Не иначе как Божья Матерь заступилась за нас, грешных!

И заплакал.

Откуда было знать генерал-майору, что нынче королю Густаву было уже не до его крепости.

Глава пятая

Заговор в Аньяло

Утром 22 июня в шведском лагере севернее Фридрихсгама не пробила побудочная пушка. Спящих, однако, не было. Солдаты и офицеры уже давно толпились у штабных палаток в ожидании подробностей только что полученного известия о морском сражении при Гогланде и бегстве герцога Карла в Свеаборг.

– Метили в Петербург, а оказались в Гельсингфорсе! – злословили одни.

– Пока в Гельсингфорсе, но скоро русские доберутся и до Стокгольма! – подхватывали вторые.

– Ясно одно, что вся королевская авантюра уже оборачивается нам поражением! – делали вывод третьи.

В тот же день командиры Абосского и Бьернеборгского пехотных полков отослали донесение Густаву Третьему, что их солдаты не желают идти в бой. Получив бумагу, король был несказанно удивлен и, бросив все, верхом прискакал в лагерь. Не владея финским языком, он говорил с выстроенными полками через переводчика. Ответ угрюмых финских бородачей поверг Густава в уныние еще больше. Солдаты, как оказалось, и не помышляли отказываться воевать и клялись королю в своей верности.

– Я ничего не понимаю! – обратился Густав Третий к своему адъютанту.

Барон Лантингаузен, успевший к этому времени уже кое-что выяснить, отвел короля в сторону:

– Дело, ваше величество, вовсе не в солдатах, а в финских офицерах, которые не желают войны с Россией!

– Но ведь все они дружно кричат «ура», когда зачитывали мой приказ о выступлении в поход? – изумился король.

– Увы, ваше величество, на язык попадают не самые затаенные мысли!

– Боже, какое вероломство! – помрачнел Густав. – Верните полки на позиции, а позади их поставьте парочку шведских батальонов с пушками!

Но финские солдаты на позиции не вернулись. Командир бьернеборгцев, полковник Хестеско, во всеуслышание заявил о своем неподчинении приказу:

– Хватит с нас и Гогландской бойни, а в полку своем я и сам себе король!

Недовольные войной офицеры настойчиво убеждали командующего финской армией генерал-майора Армфельта немедленно вернуть войска к границам.

– Моряки уже заплатили за умопомрачение короля тысячами жизней! Неужели вы желаете этого и нам? – наседали на него офицеры.

После недолгих и слабых возражений генерал дал согласие на отвод войск с русской границы. Ударили барабаны – и финны, вскинув на плечи ружья, бодро зашагали назад к пограничным столбам.

– Трусливые финны мне изменили, но храбрые шведы, как и прежде, верны своему королю! – в отчаянии кричал Густав Третий, получив известие об измене генерала Армфельта.

Подойдя к карте, он долго ее рассматривал, а затем ткнул пальцем в порт и крепость Фридрихсгам.

– Вот! – сказал он, немного придя в себя. – Пилюля от всех финских болезней – молниеносное взятие хотя бы одной из русских крепостей. Тогда сразу в войсках исчезнет дух Гогланда. Сейчас как воздух нужна хоть самая малая, но победа! Унывать рано, ведь у русских против нашей армии все равно ничего нет. У них все, кто может держать в руках шпагу, дерутся сейчас с турками!

Верные королю войска медленно подтягивались в дальний угол русской Финляндии к Герфорсу и Кюменегороду. Помимо солдат, набранных из внутренних шведских провинций, король рассчитывал и на бодрость духа экипажей своего галерного флота. Но и здесь его ждало полное разочарование. Генерал Анкарсверд, командующий гребной армадой короля, был лаконичен:

– Поражение корабельного флота отняло надежду на успех и в галерных командах!

– Но ведь вы, генерал, читаете газеты и знаете, что при Гогланде нами одержана блистательная победа! – закричал Густав сорвавшимся голосом.

– Все это так, ваше величество, но матросы газет не читают, а потому знают, что не мы русских, а русские заперли нас в Свеаборге и доказать обратное им я никак не могу!

– Чем заняты сейчас ваши матросы? – попытался сменить тему разговора король.

– Ругают русских, войну и... вас!

Шведская гребная флотилия все же подошла к Фридрихсгаму, сразилась с каиками Слизова и высадила десант. Густав не терял оптимизма.

– Если падет Фридрихсгам, все мои недруги сразу прикусят языки и забудут про Гогланд, порядок снова восторжествует!

Однако если под Фридрихсгамом солдаты и офицеры еще исполняли приказы короля, то в войсках, находящихся в Финляндии, все было куда хуже. Рассказы о горах исковерканных трупов, потоках крови и сказочной храбрости русских при Гогланде вызывали уныние у самых бывалых. Варя овсяную кашу в луженых котлах, шведские солдаты теперь ругались:

– Нам объявили: берите мешки и идите за богатством в Россию, и что же? Морячки уже кровью умылись, а теперь, видимо, скоро и наш черед! К черту обещанные богатства, когда нас уже ждет какая-нибудь выгребная яма под Петербургом!

В офицерских палатках выражались конкретнее:

– Господа, ведь теперь и последнему юнцу ясно, что Густаву никогда не поставит Россию на колени! Еще один Гогланд – и у Швеции не будет больше флота!

– Нам самим пора начинать разговор с русской императрицей. Заключим мир и объявим Финляндию независимым королевством!

После долгих ночных разговоров финские офицеры решились составить заговор против короля. К генералу Армфельду отправился с сообщением его зять, майор Клик. Выслушав крамольные речи, старик долго ахал.

– Я прошу дать мне время, чтобы все обдумать! – попросил он.

Но думать генералу долго не пришлось. В это время подоспело королевское письмо, где Густав Третий велел немедленно убираться старшему Армфельду в отставку. Выбора теперь у Армфельда более не оставалось и он, сразу же сделавшись решительным, примкнул к заговорщикам.

Тем временем мятежные офицеры времени даром не теряли. Своей резиденцией они объявили деревушку Аньяло, где квартировал Бьернеборгский полк. Майор Клик быстро составил мемориал-послание Екатерине. Бумагу подписали: генерал Карл Густав Армфельд, полковники Хестеско и Оттер, подполковник Клингспор, майор Клик и другие. Суть мятежного послания сводилась к следующему: удостоверившись на примере Гогландского поражения в силе и мощи России, финские офицеры искренне заверяли русскую императрицу в своем желании мира.

Доставить документ вызвался обер-адъютант командующего – Егергорн. Чтобы избежать лишних разговоров, майор покинул лагерь еще затемно под предлогом осмотра передовых постов. Вместе с ним выехал и подполковник Клингспор. Отъехав подальше в лес, офицеры разрядили в воздух свои пистолеты. Затем Клингспор помчался обратно с криком: «казаки!».

Егергорн же, доехав спокойно до русских дозоров, подцепил на кончик шлага белый платок и сдался. В тот же день майор был уже в ставке генерала Мусина-Пушкина, а оттуда в

сопровождении фридрихсгамского капитан-исправника отправлен в Петербург. Мусин-Пушкин, предварительно успев переговорить с перебежчиком, вызвал к себе начальника штаба:

- Остановите пальбу по финским отрядам!
- А как быть со шведами? – поинтересовался генерал-квартир-майор.
- Этих бейте, как и ранее! – распорядился командующий.

Вскоре почти на всем протяжении русско-шведского фронта наступило томительное затишье. Безостановочно пушки гремели лишь на приморском направлении, где победитель Пугачева, неутомимый генерал Михельсон, сбивая шведские заслоны, упорно пробивался по лесным дорогам к Фридрихсгаму, чтобы снять блокаду крепости.

Михельсону противостоял сам шведский король. Густав Третий публично поклялся, что не отдаст ни пяди завоеванной земли в устье реки Кюмени. Собрав у Кюмень-города шесть тысяч верных войск, он готовился встретить российского упряма. В разгар этих боевых приготовлений король и получил известие о заговоре в Аньяло.

А мятеж тем временем все разгорался. Возбужденные собственной решимостью финские офицеры непрерывно митинговали, выясняя, что для них превыше: закон или король. Вскоре в деревне Аньяло собралось уже за сотню мятежных офицеров. После долгих споров они составили особую бумагу, так называемое «условие финской армии», которую и отправили Густаву. В «условии» королю напоминались статьи шведской конституции, которые Густав нарушил, совершив нападение на Россию. Далее офицеры клялись, что готовы умереть в борьбе за славу Отечества, но при условии, если русская императрица не согласится заключить мир на условиях, предложенных ей самими же финскими офицерами.

– Они, наверно, там, в чашобах сидя, поганок объелись! – зло скомкал бумагу король, прочитав «условие». – Где ж это видано, чтобы русская императрица выполняла ультиматумы финских поручиков!

Однако что-либо реального предпринять против мятежников Густав Третий в этот момент просто не мог. Ведь бунтовала самая, боеспособная часть его армии. И тогда король вызвал к себе генерал-адъютанта Лантингаузена.

– Барон, я вам доверяю, как себе, – обнял он генерал-адъютанта за плечи. – И поэтому посылаю прямо в осиное гнездо – в Аньяло. Посмотрите, есть ли там еще верные люди, на которых можно положиться и которые способны взять командование бунтующими полками на себя. Мятежников заверьте, что я буду к ним великодушным. Позор же они свой пусть смоят в ближайших боях!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.